

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

4

1983

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

4

1983

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Михаил АКСЕНОВ МЕЕРСОН, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Сергей ПИРОГОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Михайло Михайлов

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПЛЮРАЛИЗМ*

Само понятие «прав человека» часто подвергается критике со стороны марксистской демагогии, так как в эти права пытаются включить и право на работу, социальное обеспечение, а не только классические демократические права, провозглашенные в «Билле о правах» американской конституции. Дело в том, что, якобы ради обеспечения социальных прав человека, все тоталитарные режимы лишают своих граждан демократических прав. Это со своей стороны приводит к почти что полному «отмиранию» и социальных прав, экономическому застою и обнищанию общества. Классические демократические права: свобода слова, свобода распространения информации, свобода выезда из страны (а также возврата при желании) и т. д. и т. д. являются лишь предпосылкой для экономического развития общества, а поэтому и для осуществления чисто социальных прав человека. Прекрасной иллюстрацией этого служит пример Соединенных Штатов Америки, которые в течение двух столетий благодаря своей Конституции стали самой богатой и мощной страной мира, и уровень жизни человека, находящегося в США на социальном пособии, часто выше

* Глава из книги «Тирания и свобода» (готовится к печати)

уровня жизни работающего специалиста в Советском Союзе. С другой стороны, миф о том, что якобы тоталитарный строй в Китае уничтожил вековой голод, от которого всегда страдали китайские крестьянские массы, миф, бытовавший лет двадцать на Западе, ныне, после смерти Мао Цзедунa, — полностью развеян.

Однако в наше время немногие отдадут себе отчет в том, где находится духовная основа, на которой возникла американская демократия, полностью обеспечивающая то, что ныне называется правами человека. Очень немногие понимают, что *демократия основывается на одной догме, догме о равенстве всех людей, независимо от нации, расы, пола, религии и политических убеждений, перед законом.* Однако на чем основывается эта догма о равенстве прав? В природе существуют умные и глупые, сильные и слабые, красивые и уродливые, талантливые и бездарные, честные и жулики, и *никакого равенства в физическом мире вообще нет.* Сама идея равенства человека вытекает исключительно из внефизической сферы, из духовной глубины и веры в то, что, несмотря на все внешние отличия, все мы, люди, являемся равными перед Творцом. Для религиозных основателей американской конституции духовный корень демократических прав был самоочевидным. В самом начале Конституции написано: «Все люди одарены Творцом неотчуждаемыми правами...». Из этой основной духовно-религиозной идеи логически проистекает вся система демократического общества. Так как всякая монополия изменяет отношение равенства прав между держателями монополий и остальными гражданами, то в целях пресечения возможности монополизирования власти со стороны кого-либо, американская конституция и ввела принцип разделения властей на судебную, исполнительную и законодательную. Вот это и есть основа плюралистического общества. В противоположность недемократическим обществам, среди которых тоталитарное является законной формой максимальной монополии одной группы людей над всеми остальными согражданами. Важнейшим идеологическим оружием против тоталитаризма является *требование правового равенства.* Так же как законно добиваться равенства в правах, несмотря на цвет кожи, в Южной Африке, законно и

требование равенства, несмотря на «цвет идей», во всех тоталитарных обществах. Другими словами, догма о равенстве прав перед законом является основой основ демократического строя и самым могучим оружием в борьбе с несвободой. Но эта же догма полностью теряет свой фундамент, если теряется связь с внутренним духовным миром, в котором все души человеческие, несмотря на физические, расовые, национальные или политические отличия, равны перед Творцом. Таким образом, повторное открытие существования нефизической, не наблюдаемой научными методами, реальности является предпосылкой для успешной борьбы с мировой тиранией.

Потеря религиозности — я имею в виду под религиозностью *связь с духовным миром* (по-латыни «религио» — и означает «связь») — автоматически ведет к тому, что теряется какое-либо идейное оправдание для демократии. Вот здесь и лежит причина того, что одновременно с невероятно быстрым развитием науки и техники в наше столетие появились и тоталитарные движения: нацистские, расистские, коммунистические. Обращенность человека только к внешнему миру привела к триумфу научно-технической цивилизации, однако в то же время подрезала корни, из которых произрастает политическая демократия.

Нынешняя тенденция духовного возрождения (я отнюдь не имею в виду движение «фундаменталистов» в разных частях мира) открывает возможность одновременного осмысления как личной жизни каждого человека, так и демократического общества в планетарном масштабе.

Духовное же возрождение возможно только в отдельной личности человека, и основным идеологическим противостоянием в наше время может быть противостояние ценностей личности и народа, личности и нации, личности и класса, личности и государства и т. д.

Не класс, не нация, не общество, не раса, не государство, а *только отдельная человеческая личность творит все ценности в нашем мире*. Там, где высшей целью и высшей ценностью провозглашается что-либо другое, кроме личности человека (например, Революция, Родина, Нация, Государство, Общество и т. д.), — свободе приходит конец. Это показывает, что до тех пор, пока существуют в мире

государственные, общественные, расовые, национальные, классовые разделения, — преграды для общемировой демократии непреодолимы. И всюду там, где не личность, а что-либо другое провозглашается высшей ценностью, автоматически вводится монополия партии, расы, нации, церкви, то есть группы людей, представляющих эту «ценность», и этим вводится тирания. Тирания же, со своей стороны, вызывает диссидентское сопротивление и требование ликвидации монополий, т. е. плюрализма. Благодаря взаимозависимости нашего мира лишь теперь начинает осознаваться, что *борьба за плюралистическое общество может вестись только в мировом масштабе.*

Так как сама Америка создана всевозможными беженцами из Европы, ценившими свободу выше принадлежности к своей национальной родине, совершенно закономерно, что именно в Соединенных Штатах впервые началась, хотя и не слишком долго продолжалась, борьба за права человека на всей планете. Однако быстрое отступление Америки на традиционные позиции политики status quo, баланса политических и военных сил и противостояния «русским», то есть Советскому Союзу, а не всякому тоталитаризму как таковому, показывает, что еще не так близко время, когда Соединенные Штаты начнут защищать свободу повсюду в мире, так же как защищают своих граждан другие страны. Еще не настало время для того, чтобы всемирная защита прав человека и борьба за планетарное демократическое общество стали доминирующей целью внешней политики США. В некотором смысле можно сказать, как ни парадоксально, что для того, чтобы это произошло, Соединенным Штатам пришлось бы перестать быть классическим государством среди всех других государств, а *стать планетарным движением за свободу.* Но это именно и есть то, что Жан-Франсуа Равель назвал «Революцией XX-го столетия», или «Второй мировой революцией».

Конечно, большой вопрос, сможет ли американский государственный аппарат преобразиться в инструмент общемирового движения. Законно предполагать, что скорее такую миссию на себя возьмет одна из зарождающихся в наше время интернациональных организаций, целью которых является создание демократического общества во всем мире.

Уже три года существует такая организация, называемая Демократическим Интернационалом, база которой находится в США, и которая пытается объединить диссидентов из стран с левыми и правыми диктатурами. В последние годы в мире появляется все больше и больше схожих организаций, целью которых является свободное общество на всей нашей земле.

К ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЕ ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ «ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ СССР И США»

О ГРУППЕ ДОВЕРИЯ

(Сообщение из Москвы)

Еще не пришло время для подробного рассказа об истории создания Группы доверия. Однако что-то сказать необходимо.

Два года назад, весной 1980 года, группа московских интеллигентов участвовала в работе неофициального семинара, посвященного применению точных методов естествознания в ряде областей с плохо определенной методикой и структурой. На семинаре рассматривались разные вопросы: модели коллективного поведения, массовая психология, парапсихология и, наконец, проблемы войны и мира. Фактически работа семинара, который распался на несколько независимых, продолжается и по сей день.

1980 год был годом начала очередного экономического спада в большинстве развитых стран. Обострение энергетической, сырьевой и экологической проблем в одних странах, продовольственной, технологической и управлен-

ческой — в других придало этому спаду остроту и длительность, не свойственную, например, предыдущему спаду 1974—1975 годов. Убедившись в неэффективности различных рецептов оздоровления экономики, для отвлечения внимания своих народов от насущных экономических проблем правительства неизбежно должны были обратиться к старому и проверенному рецепту — вложению денег в долгосрочные военные программы. Такой шаг, легко оправдываемый в глазах народов внешней военной угрозой, имеет для правительств и другую притягательную сторону — он способствует консолидации общества на псевдопатриотической основе. Вслед за этим неминуемо должны прийти внедрение милитаристского духа, увеличение закрытости общества, урезание демократических свобод и прав человека. Все это должно усилить и привести к власти военно-промышленные комплексы и союзы политической полиции с военными.

Все это, естественно, волновало участников семинара. Чтобы оценить степень развития описанного процесса, они разработали метод вычисления «индекса враждебности» газетных статей и выступлений политических руководителей. Применение этого метода позволило, в частности, установить факты преднамеренного создания противостоящими сторонами враждебных настроений по отношению друг к другу, в особенности перед планируемыми важными политическими событиями.

Нельзя сказать, что они свято верили своим мрачным прогнозам. Но когда конкретные прогнозы начали понемногу сбываться, среди них практически не осталось равнодушных наблюдателей. Даже те, кто был от природы наделен созерцательностью и хладнокровием, пришли к выводу, что больше молчать нельзя. Участники семинара, конечно, знали о существовании десятков крупных пацифистских организаций на Западе, а также одной контролируемой государством организации в СССР — Советского Комитета Защиты Мира. Однако деятельность Советского Комитета Защиты Мира была недостаточно эффективной, и они вместе с представителями интеллигенции, не участвовавшими в работе семинара, но также обеспокоенными положением в мире, решили действовать самостоятельно — и так родилось

«Обращение к правительствам и общественности СССР и США», а вместе с ним и Группа «За установление доверия между СССР и США».

Здесь, в связи с Обращением, следует подчеркнуть следующее обстоятельство, которое, при беглом чтении его, может быть не замечено.

В Обращении подчеркивается важность разумного профессионального подхода к проблеме разоружения. Ничего хорошего не получится, если домохозяйка будет советовать профессионалам, какие системы вооружения развивать, а какие сокращать для достижения паритета. Это вопрос компетенции специалистов, ученых, политиков, специально занимающихся вопросами вооружений. Однако любая домохозяйка может внести свой вклад в создание атмосферы миролюбия в стране, укрепляя дружеские связи, лично общаясь и переписываясь с гражданами противоположной стороны, то есть укрепляя доверие между народами. В атмосфере такого дружеского общения, в атмосфере доверия направление до 50% валового национального продукта на создание орудий убийства станет настолько абсурдным, что может привести к переориентации «избыточных» капиталов в долговременные программы развития мирных отраслей хозяйства, науки, культуры, здравоохранения. И когда это произойдет, когда мирная экономика окажется эффективней и в отношении производства материальных благ, и в отношении единения общества, тогда политики и ученые очень быстро договорятся о паритете, о замораживании, о разоружении и обо всем на свете.

Возможна ли такая гармония? Не утопична ли она? Идеал, разумеется, никогда не достигим, но заметно улучшить сегодняшнее положение, конечно, можно. Но и этот вопрос — также для профессионалов. Для широких же кругов общественности именно движение «За доверие» может стать той осью, которая повернет земной шар к миру и дружескому сосуществованию.

Со дня публикации Обращения прошло более 4-х месяцев. В настоящее время число людей, явно поддерживающих позицию группы, оказывающих ей посильную помощь, посылающих ей предложения, составляет около 1000 человек в различных городах СССР. Появляются

«группы доверия» в других городах. Движение уже получило поддержку и одобрение многих пацифистских организаций в США и Европе, с которыми, насколько это возможно, налаживаются контакты, вырабатываются программы совместных действий.

Вместе с тем все члены Инициативной группы подвергались угрозам, запугиванию, грубому давлению с целью заставить их отказаться от деятельности. Устраивались длительные домашние аресты, обыски, двоих ученых сажали на 15 суток «за хулиганство». Во время обысков органы КГБ нашли и изъяли списки около ста человек из числа подписавших обращение. Практически на каждого из них было оказано грубое давление с целью заставить отказаться от подписи. Поддались нажиму, как уверяют сотрудники КГБ, по-видимому, не более 25 человек.

Такая реакция могла быть хорошо рассчитанной провокацией некоторых представителей местных властей, ставящих своей целью дестабилизировать обстановку в стране, чтобы на смену относительно умеренной группе идеологов привести к власти сторонников жесткого курса, сил, обеспечивающих внутреннюю и внешнюю безопасность, специалистов по «закручиванию гаек».

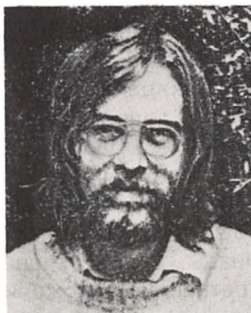
Репрессии местных властей определили многие дальнейшие шаги группы, связанные с самозащитой. Они же определили социальный и психологический портрет тех, кто группу поддержал, подписав Обращение, и активно помогал в работе. В дополнение к кабинетным ученым эпохи семинарской деятельности пришли смелые, ничего не боящиеся люди, настоящие борцы за мир. Именно поэтому среди первых двух сотен подписавших так велик процент отказников. Позднее, когда были приняты определенные меры предосторожности и участие в работе группы стало относительно более безопасным, в ряды движения «За доверие» влилось большое число людей, не желающих покидать СССР, причем их число непрерывно растет.

Сейчас рано подводить итоги и трудно предсказывать будущее. Время в данном случае работает на Группу доверия. Ибо, по-видимому, движение «За доверие» воплощает чрезвычайно результативную идею и представляет в настоящий момент самое массовое независимое движение в СССР.

Членов группы продолжают третировать: грозят увольнением на работе, пытаются создать вокруг них вакуум, запугивая тех, кто с ними общается. Иногда им не дают встречаться, не пускают друг к другу в дом, время от времени хватают на улице и ведут в милицию «для выяснения личности», обещают выселить из Москвы «по требованию трудящихся». Члены Инициативной группы достаточно трезво оценивают свои силы и понимают, что группа даже в 1000 человек не может выдержать конфронтацию с государственной машиной. Их можно уничтожить физически, можно оклеветать и посадить в тюрьму по сфабрикованному делу. Можно уничтожить людей, но нельзя уничтожить идею. Более того, создавая «мучеников», отдельные ретивые администраторы приносят неисчислимый вред государству, отчуждая истинную борьбу за мир от сферы государственной политики и привлекая к этой истинной борьбе всех честных, смелых и высоких духом, каких еще рождает наша Земля.

ЗА ОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И США

(Интервью с одним из основателей Группы за установление доверия между СССР и США Сергеем Батовриным)

Сообщение о создании весной прошлого года в Москве независимой общественной Группы за установление доверия между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки вызвало большой интерес как в среде эмигрантов из СССР, так и у западной общественности. Корреспондент «Форума» встретился с недавно выехавшим на Запад одним из основателей Группы доверия художником Сергеем Батовриным и попросил его ответить на вопросы о деятельности группы.

Вопрос: Сергей Юрьевич, как и у кого возникла идея создать Группу доверия?

Батоврин: КГБ упрямо и терпеливо пытался внушить людям, что идея создания Группы доверия родилась где-то в ЦРУ, но на самом деле эта идея пришла мне в голову приблизительно около полутора лет назад и тогда же началось создание группы.

Главная цель группы определена уже в её названии — установление доверия между народами, очеловечение отношений. Наша группа называется «Группа за установление доверия между Советским Союзом и Соединенными Штатами». Всё дело в том, что мы считаем, что до тех пор, пока будет существовать сегодняшняя атмосфера в мире, разоружение вряд ли может быть реальностью, и любые усилия, направленные на преодоление гонки вооружений, должны сопровождаться усилиями по очеловечению отношений, по

изменению общей атмосферы, усилиями, направленными на достижение доверия.

Вопрос: Видит ли группа какие-либо возможности для реализации своих целей в советских условиях?

Батоврин: К сожалению, в Советском Союзе существует отвратительная традиция — душить любые общественные начинания, которые не санкционированы сверху. Поэтому мы ожидали, что наша инициатива может встретить отчаянное сопротивление. Так оно и случилось. Но, тем не менее, мы всегда находили какие-то формы, которые могли быть применимы в советских условиях. Мы распространяли и распространяем большое количество предложений-документов. Мы пытаемся устраивать выставки, проводим семинары, мы в течение одного года внесли более ста конкретных предложений, направленных на очеловечение отношений между Западом и Востоком. И сегодня появились уже три новые группы доверия в Советском Союзе: это группы в Ленинграде, Одессе и Новосибирске.

Вопрос: Можете ли Вы рассказать о некоторых конкретных предложениях, сделанных группой?

Батоврин: Группа делала самые разнообразные предложения. Главным образом, группа делала предложения гуманитарного характера, направленные на нормализацию отношений Запада и Востока. Я приведу примеры. В начале нашей деятельности мы обратились к советским гражданам с просьбой присылать, приносить нам предложения, которые могли бы содействовать очеловечению отношений. И таких предложений поступило очень много. Люди предлагали, например, двухсторонний обмен детьми между семьями Запада и Востока на период школьных каникул, или же, предлагалось проводить регулярно двухсторонние телевизионные дискуссии политиков обеих сторон, которые бы одновременно транслировались на Западе и на Востоке, и зрители имели бы возможность по телефону задавать им вопросы. Люди предлагали, например, совместные клиники, где проводились бы научные исследования в области медицины и происходил бы обмен достижениями медицинской практики. Если проанализировать уже эти предложения, то сразу становится очевидным, что люди, прежде всего, обращались с предложениями такого характера, которые

касались бы повседневной жизни рядового человека. На первый взгляд эти предложения могут показаться наивными, узкими, неспособными решить серьезные проблемы, которые стоят между Западом и Востоком, но мы рассматриваем это совсем по-другому. Мы считаем, что эти предложения более, чем серьёзные. Они способны уничтожить корни гонки вооружений там, где они находятся — в сознании человека. Именно в сознании человека возникает то недоверие, которое существует на сегодняшний день, и именно оно — корень гонки вооружений.

Вопрос: Как я понимаю, вы, прежде всего, стремились изменить *климат* отношений между двумя крупнейшими державами мира?

Батоврин: Безусловно, без этого невозможно добиться прогресса в вопросе разоружения.

Вопрос: Как много людей участвует в вашем движении?

Батоврин: К сентябрю прошлого года под декларационным документом группы стояло уже 900 подписей. Но после этого сбор подписей под документом прекратился, поскольку во время обыска у членов группы сотрудники КГБ конфисковывали списки людей, которые нас поддерживают, и поэтому мы решили неразумным продолжать дальше сбор подписей. Но мы ориентировочно представляем, что на сегодняшний день нас поддерживает около тысячи человек. Они помогают нам в нашем ежедневном деле: в распространении документов, информации о проблемах мира. Многие люди принимают участие в наших семинарах.

Вопрос: Было ли что-нибудь в материалах группы такое, что советские власти могли бы расценить как деятельность, направленную против интересов государства?

Батоврин: С самого начала группа заявила, что мы не являемся диссидентами. Мы не пытались быть противовесом советскому Комитету защиты мира. Наши цели не противоречат словам советского правительства. Но, к сожалению, поскольку мы независимы, нас преследовали и продолжают на сегодняшний день преследовать практически ежедневно. Мы с самого начала заявили, что хотя у нас есть достаточно оснований критиковать и Советский Союз и Соединенные Штаты за продолжение гонки вооружений, мы отказываемся это делать по той простой причине, что в мире и без того

достаточно критики на сегодняшний день, и наша задача — это позитивные шаги, направленные на изменение природы отношений Запада и Востока. Критикуя, мы думаем, этого было бы невозможно добиться.

Вопрос: А как реагировали советские власти на деятельность вашей группы?

Батоврин: К сожалению, нам дали работать относительно свободно только в течение недели. В дальнейшем, каждый из нас испытал большой набор различных форм давления, запугивания, угроз и прочего. В моем случае — это 14 домашних арестов продолжительностью от месяца до одного дня. Помимо этого, я находился в психиатрической больнице в течение месяца, и я не могу сосчитать, сколько раз меня задерживали на улице и допрашивали. Сейчас три члена нашей группы — Олег Радзинский, Александр Шатравка и Владимир Мищенко — находятся в тюрьме по сфабрикованным обвинениям. Александр Шатравка и Владимир Мищенко были арестованы в Сибири, в прошлом году. Оба они летом работали в Тюмени и в то время собирали подписи под декларационным документом группы. Они пытались создать аналогичную группу из числа рабочих Тюмени. Но 14 июля прошлого года они были задержаны в поселке Ванъеган, подверглись обыску, и во время обыска у них был обнаружен один из списков с подписями людей, которые поддерживали инициативу московской независимой мирной группы. Этот мирный документ стал предлогом для обвинения их в распространении антисоветских измышлений. Обвинение совершенно абсурдное. Но 26 апреля, тем не менее, оба были приговорены — Александр Шатравка к трем годам лагерей, Владимир Мищенко к году лагерей.

В настоящее время Олег Радзинский, самый молодой член группы, филолог, ожидает в Лефортовской тюрьме суда по обвинению в антисоветской агитации-пропаганде. Дело против Радзинского сфабриковано от начала и до конца. Его вина заключалась в том, что он принимал активное участие в деятельности группы, и в связи с этим, как только он вступил в группу, КГБ сразу же уволил его с работы. Через три дня. Затем он был исключен из университета. Каждый день сотрудники КГБ преследовали его на улице, днем и ночью. Он постоянно подвергался психологическому давлению. Его

задерживали, его допрашивали. И наконец, 26 октября прошлого года, он был арестован. Утром его вызвали на допрос в Лефортовскую тюрьму и оттуда он уже не вернулся.

Олег Радзинский очень больной человек. У него открытая язва желудка, холецистит, астма, перелом позвоночника. И мы опасаемся, что любой приговор этому мужественному человеку может оказаться смертельным.

Практически все члены группы испытали и домашние аресты, и допросы, и угрозы. Всем были предъявлены официальные предупреждения о том, что продолжение деятельности группы будет рассматриваться как уголовное преступление. Но группа продолжает свою деятельность.

Вопрос: В вашей группе есть люди, занимающие видное положение в общественной и научной жизни Советского Союза, насколько мне известно? У вас есть профессора, есть крупные ученые, и, тем не менее, они также подвергаются, как и все остальные, преследованиям со стороны КГБ, не так ли?

Батоврин: Власти не проводят различия между людьми, которые принимают участие в каких-то независимых начинаниях. В нашей группе действительно большинство — это ученые. Ученые со степенями, ученые с большим количеством научных исследований и работ. Например, Юрий Медведков, известный географ, доктор наук, основатель целого направления в географии — социальной географии. Или известный физик Юрий Хронопуло.

Жизнь ученых резко изменилась после того, как они приняли участие в нашей инициативе. Некоторые из них уже потеряли работу, некоторым это ещё предстоит, судя по тем признакам, которые сейчас, в общем-то, наблюдаются. Но, именно то обстоятельство, что многие из членов группы являются учеными, позволило нам в короткий срок начать так называемые исследования в области мира. Всё дело в том, что проблемы мира — это, в общем-то, та область, которую можно и нужно исследовать, но необходимых исследований проводится явно недостаточно. И вот начал своё существование научный семинар. Его посещало большое количество ученых, велись научные исследования. Уже сделано много интересных работ.

Вопрос: Были ли у вас контакты с западными пацифистами?

Батоврин: Мы считаем, что наша проблема — это не проблема, которую видно только из Советского Союза. Это проблема международная. Поэтому мы и считали своим долгом и своей обязанностью вступить в диалог с западными пацифистами и совместно с ними принимать конкретные действия для изменения характера отношений Запада и Востока. На протяжении этого года многие западные пацифисты нас посещали, и мы находили с ними много общего в наших взглядах на необходимость взаимного доверия для успеха дела мира.

Вопрос: Есть ли какие-то различия в ваших взглядах и взглядах пацифистов западных стран?

Батоврин: Безусловно. В силу того, что западные пацифисты родились, живут и борются за мир на Западе, они с трудом представляют природу советского общества. Многие их взгляды отличаются, мне кажется, наивностью. В частности, они считают, что лучший путь к миру — это односторонние шаги. Фактически, они считают, что в дальнейшем это перерастет в двухстороннее разоружение. Но у меня лично по этому поводу есть много сомнений. Наша группа стоит на позициях двухстороннего разоружения и мы по этому поводу много спорили и спорим с западными пацифистами. Но мы всё же считаем, что главная проблема — это наше незнание друг друга, и поэтому людям на сегодняшний день необходимо как можно больше общаться. Должны быть контакты между людьми Запада и Востока, контакты с целью обмена информацией. Лишь таким образом мы можем построить тот фундамент, на котором может существовать доверие, то есть взаимное понимание.

Вопрос: Препятствуют ли репрессивные органы вашим контактам с западными пацифистами?

Батоврин: Всё дело в том, что западные пацифисты приезжают к нам часто, и у нас создалось впечатление, что КГБ не хотел иметь большого количества иностранных свидетелей тех преследований, которым подвергаются члены группы ежедневно. Поэтому обычно никаких препятствий не возникало. Но, тем не менее, был целый ряд случаев, когда западные пацифисты, которые хотели нас посетить, неожиданно останавливались сотрудниками КГБ у наших квартир, не допускались в квартиру или же предотвращалось

их участие в наших семинарах, то есть, я хочу сказать, что препятствия все же существовали.

Вопрос: Насколько я знаю, в прошлом году вы готовили выставку, в основном выставку ваших работ, посвященную памяти жертв атомной бомбардировки Хиросимы. Какова судьба этой выставки?

Батоврин: 6-го августа прошлого года мы открыли выставку памяти жертв Хиросимы, но, к сожалению, через 20 минут после открытия, еще до того момента, когда первые посетители смогли увидеть работы, в квартиру ворвались сотрудники КГБ и под предлогом обыска конфисковали все 88 работ, представленных на выставке. На следующий день я был арестован и помещён в психиатрическую больницу, и с тех пор я своих картин не видел. На Западе я выехал без единой собственной картины, и где они сейчас находятся, остаётся только гадать.

Вопрос: Практически они пропали?

Батоврин: Да.

Вопрос: Каковы, по Вашему мнению, перспективы деятельности Группы доверия между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки и неофициального движения за мир в Советском Союзе?

Батоврин: Хотя по природе своей мы, в большинстве, оптимисты, но нам приходится сталкиваться лицом к лицу с реальностью, которая выглядит угрожающе. По всей видимости, власти приложат все возможные усилия для того, чтобы члены группы оказались за решеткой. Но сейчас движение, независимое движение за мир приняло уже такие размеры в Советском Союзе, когда репрессиями остановить ход событий трудно. Идея независимого движения за мир уже пустила корни, и мы убеждены в том, что в случае, если наши друзья в Москве будут арестованы, их место займут другие. Сейчас много людей активно нам помогает и готовы занять их места. Но мы приложим все усилия для того, чтобы все-таки этого не произошло, чтобы люди, которые боролись за мир, могли бороться за мир свободно и на свободе.

Вопрос: Как относится население к вашей деятельности?

Батоврин: Мы не считаем, что вопрос доверия между СССР и США должен рассматриваться только интеллек-

туалами. Напротив, мы стремились к тому, чтобы как можно более широкие слои населения принимали участие в нашей деятельности. И до какой-то степени нам, по всей видимости, это удалось. Если проанализировать, хотя бы, состав подписей, которые мы успели собрать к сентябрю прошлого года, то легко убедиться в этом. Это подписи людей, которые представляют все слои населения.

Вопрос: И Вы считаете, что деятельность вашей группы имеет перспективы даже в тех условиях, которые ныне существуют в Советском Союзе?

Батоврин: Безусловно, мы сталкиваемся с огромными препятствиями. Но мы считаем, что если эти препятствия принимать во внимание, то тогда лучше ничего не делать. Этого мы позволить себе не можем. От борьбы каждого человека за мир зависит фактически судьба мира, и поэтому, несмотря ни на какие препятствия, Группа доверия будет продолжать свою деятельность.

Вопрос: Собираетесь ли Вы здесь на Западе продолжать свою общественную деятельность по установлению доверия между Советским Союзом и Америкой, борьбу за мир?

Батоврин: Безусловно. Я вынужден был оказаться на Западе, но я считаю, что это никак не должно препятствовать продолжению моей деятельности, хотя я сейчас и нахожусь вдали от своих друзей. Тем не менее, здесь есть много людей, много участников антиядерного движения, которые понимают необходимость усилий, направленных на достижение доверия между Советским Союзом и Западом. И здесь фактически формируется международное движение за изменение характера отношений между Западом и Востоком — международное движение за доверие.

Вопрос: И ваша группа может стать, по Вашему мнению, активной частью этого движения?

Батоврин: Конечно. Именно усилиями нашей группы и был поднят этот вопрос в среде участников международного антиядерного движения.

Корреспондент: Желаю Вам успеха в вашей деятельности и в личной жизни здесь в новом мире!

Батоврин: Спасибо! Когда мы упоминаем слово «доверие», люди часто подразумевают под этим словом самые

разнообразные вещи. Это слово очень ёмкое. Мы же подразумеваем под словом «доверие», главным образом, очеловечение отношений. Мы считаем, что до тех пор пока в отношениях между Западом и Востоком будут доминировать не человеческие отношения, а политические, мир вряд ли будет безопасным местом.

13 июня 1983 г.

ОБРАЩЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ГРУППЫ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ НАРОДАМИ

ДЕКЛАРАЦИЯ МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ ДОВЕРИЯ

Мы, участники движения за мир и установление доверия между Востоком и Западом, осознаем, что ответственность за жизнь мира лежит на каждом человеке. Мы убеждены в том, что для осознания этой ответственности не существует географических границ, политических противоречий и социальных различий. Лишних сторонников мира нет. Каждый, кто понимает, что мир нуждается в защите, должен активно его защищать.

Само существование оружия массового уничтожения противоречит назначению человечества и всего живого — жить. Мы выступаем за последовательную и полную ликвидацию его запасов, за существенное сокращение оружия обычного типа.

Но выступая за разоружение, мы не забываем, что убивает не оружие — убивают люди. Недоверие, подозрительность и непонимание способны превратить мир в радиоактивную пустыню. Без взаимного доверия поиски путей мира и разоружения не могут быть эффективными. Доверие между народами — вот надежный путь к прочному миру и разоружению.

Выступая за установление доверия между Востоком и Западом, мы убеждены в том, что стороны искренне желают сохранения мира, но их диалог невольно затруднен политическими противоречиями, обстоятельствами и условностями. Мы за диалог не только между политиками, но и общественности. Не только на уровне общественных организаций, но и на уровне каждого гражданина, видящего необходимость в диалоге между людьми Востока и Запада.

Мы убеждены в том, что общественность должна не только ставить вопросы сохранения мира перед теми, кто принимает решения, но и решать эти вопросы вместе с политиками.

Мы убеждены в необходимости сотрудничества и совместных действий сторонников мира Востока и Запада.

Мы считаем, что огромный творческий потенциал общественности необходимо включить в поиск решений вопросов мира.

Мы считаем, что общественность должна подробно информироваться о точках зрения Востока и Запада по всем вопросам мира и разоружения.

Мы убеждены в том, что в мире не существует политических кругов, заинтересованных в развязывании ядерного конфликта, и мы призываем стороны воздержаться от взаимных обвинений в подобных намерениях.

Мы за всеобщий отказ от применения военной силы в международных отношениях, за сдержанность и терпимость в отношениях между государствами, за отказ от практики разрыва дипломатических отношений, против прекращения, отказов и уклонения от переговоров между государствами.

Мы за расширение всех видов международного сотрудничества, кроме военного.

Мы за развитие форм сотрудничества.

Мы за двухсторонние усилия по установлению доверия.

4. 6. 1982 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ СССР И США

СССР и США обладают средствами убивать в масштабах, способных подвести итоговую черту под историей человеческого общества.

Равновесие страха не может надежно гарантировать безопасность в мире. Только доверие между народами может создать твердую уверенность в будущем.

Сегодня, когда элементарное доверие между двумя странами полностью утрачено, проблема доверия перестала быть просто вопросом двусторонних отношений. Это вопрос — будет ли человечество раздавлено собственными разрушительными возможностями или выживет.

Эта проблема требует сегодня немедленных действий. Однако совершенно очевидна неспособность политиков обеих сторон в ближайшее время договориться о каком-либо заметном ограничении вооружений и тем более о существенном разоружении.

Соблюдение политиками объективности в вопросах разоружения затруднено их политическими интересами и обязательствами.

Сознавая это, мы не хотим обвинять ту или иную сторону в нежелании содействовать мирному процессу и тем более в каких-либо агрессивных планах на будущее. Мы убеждены в их искреннем стремлении к миру и предотвращению ядерной угрозы. Однако поиск путей разоружения несколько затруднен.

Все мы разделяем равную ответственность перед будущим. Энергичное движение за мир общественности многих стран доказывает, что миллионы людей это понимают.

Но наша общая воля к миру не должна быть слепой. Она должна быть осознана и выражена конкретно, с учетом всех требований, предъявляемых реальной действительностью.

Мир озабочен своим будущим. Все понимают, что для предотвращения угрозы нужен диалог.

Сложившиеся принципы ведения двухстороннего диалога требуют немедленного изменения.

Мы убеждены в том, что пришло время для широкой общественности не только ставить вопросы о разоружении перед теми, кто принимает решения, но и решать их вместе с политиками.

Мы выступаем за четырехсторонний диалог — за то, чтобы в диалог политиков равномерно включились советская и американская общественность.

Мы выступаем за последовательное и в конечном счете полное уничтожение запасов ядерного оружия и других средств массового истребления, за ограничение вооружений общего типа.

Мы видим ближайшую программу общего поиска в следующем:

1. В качестве первого шага к устранению ядерной угрозы мы призываем всех, кто не желает смерти ближнему, вносить

частные конкретизированные предложения по двустороннему ограничению и сокращению вооружений и, в первую очередь, по установлению доверия. Мы призываем направлять каждое предложение правительствам обеих стран и представителям независимых общественных групп, борющихся за мир, одновременно.

Мы надеемся на внимание к нашему призыву особенно со стороны советского и американского народов, правительства которых несут главную ответственность за безопасность в мире.

2. Мы призываем общественность обеих стран создавать смешанные международные общественные группы, основанные на принципах независимости, в функции которых входили бы прием и анализ частных предложений по разоружению и установлению доверия между странами, отбор наиболее интересных и реалистических предложений, информирование о них населения и рекомендация их для рассмотрения правительством обеих стран, а также информирование населения о возможных последствиях применения ядерного оружия и по всем вопросам, касающимся разоружения.

3. Мы обращаемся к научной общественности, в частности к независимым международным организациям ученых, борющихся за мир, с призывом к работе над научными проблемами, непосредственно связанными с сохранением мира. Например, на данном этапе чрезвычайно важно разработать единый математический метод оценки вооружений противостоящих сторон. Мы призываем ученых создавать независимые исследовательские группы с целью научного анализа предложений, поступающих от общественности.

4. Мы обращаемся к политическим деятелям и представителям печати обеих стран с призывом воздержаться от взаимных обвинений в намерении использовать в агрессивных целях ядерное оружие. Мы убеждены в том, что такие обвинения лишь разжигают недоверие между сторонами и тем самым делают невозможным какой-либо конструктивный диалог.

5. Необходимые гарантии установления доверия мы видим в том, что СССР и США должны обеспечить условия

для открытого обмена мнениями и для информирования общественности обеих стран по всем вопросам, касающимся процесса разоружения.

Мы призываем правительства СССР и США создать специальный международный бюллетень (с правительственными гарантиями распространения в обеих странах), в котором обе стороны вели бы диалог, вступали в дискуссии, открыто освещали среди других вопросов следующее:

а) анализ переговоров о разоружении и материалы переговоров;

б) обмен мнениями и предложениями о возможных путях ограничения вооружений и разоружении;

в) обмен предложениями по установлению доверия;

г) обмен информацией о возможных последствиях применения ядерного оружия.

Такой бюллетень должен предоставить возможность независимым общественным движениям за мир вступать в общую дискуссию, публикуя неподцензурные материалы, в частности предложения по разоружению и доверию и информацию о мирных движениях и проводимых ими мероприятиях.

Мы обращаемся к правительствам и общественности СССР и США, т. к. убеждены в том, что каждый, кто понимает, что будущее нуждается в защите, должен иметь реальную возможность его защищать!

1. Батоврин С. Ю.

2. Флейшгаккер М. И.

3. Флейшгаккер В. Н.

4. Собков И. Н.

5. Крочик Г. М.

6. Блок В. Р.

7. Хронополо Ю. Г.

8. Розеноер С. А.

9. Островская Л. А.

10. Калюжный Б. И.

(Далее следуют 74 подписи людей, поддержавших Обращение Группы доверия)

4. 6. 82 г.

К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ СССР И США

За установление доверия
между СССР и США

Зависимость прочности мира от состояния советско-американских отношений очевидна для всех.

Состояние отношений сейчас критическое. Проблемы, препятствующие их нормальному развитию, находятся в тесной взаимосвязи. На наш взгляд, это не позволяет искать другого пути их разрешения, кроме комплексного.

Мы предлагаем правительствам СССР и США рассмотреть возможность начала переговоров о комплексных мерах по нормализации отношений, которые бы заключались в поиске путей одновременного решения следующих вопросов:

Замораживание вооружений (для последующего сбалансированного разоружения) при опережающих мерах по установлению доверия в гуманитарной области (т. е. устранения всех препятствий на пути свободного обмена людьми, контактов, сотрудничества и свободного обмена информацией).

27 ГУМАНИТАРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ ДОВЕРИЯ

За установление доверия
между СССР и США

Некоторые предложения по установлению доверия, поступающие от советской общественности:

1. Выработать договоренность о программе широкого обмена детьми между советскими и американскими семьями, включая семьи руководителей правительств и ответственных правительственных сотрудников (например, на период школьных каникул). Такая форма простого человеческого контакта не только гарантировала бы от неожиданного ядерного нападения, но и устанавливала бы доверие и гарантировала бы взаимопонимание в будущем.

2. Регулярное проведение совместных советско-американских дискуссионных телепередач (транслируемых одновременно в СССР и США), в которых бы ответственные политические деятели, представители науки и культуры одной страны отвечали бы на вопросы, заданные по телефону телезрителям другой страны.

3. Разработать совместные рекомендации для пропаганды мира в школьных учебниках. Это содействовало бы доверию сегодня и гарантировало бы его в будущем.

4. Создание советско-американского брачного агентства. Увеличение числа браков между советскими и американскими гражданами способствовало бы сближению народов.

5. Создание в СССР американского и в США советского постоянных культурных центров.

6. Создание в обеих странах бюро по установлению переписки и личных знакомств между гражданами обеих стран.

7. Создание на территории СССР и США советско-американских медицинских лечебных центров, в которых врачи обеих стран применяли бы на практике наиболее передовые методы и оборудование советской и американской медицины для эффективного лечения пациентов обеих стран.

8. Разработка программы регулярных совместных космических исследований (например, создание и использование долговременной советско-американской космической станции).

9. Программа совместной помощи нейтральной развивающейся стране.

10. Создание неправительственной советско-американской комиссии по исследованию общественного мнения, которая бы проводила регулярные опросы населения обеих стран по всем вопросам двухсторонних отношений с целью выработки совместных рекомендаций правительствам по нормализации отношений.

11. Прекратить санкционированные администрацией военные игры среди детей.

12. Устраивать регулярное общественное обсуждение произведений киноискусства и литературы, в которых про-

пагандируются антивоенные идеи и идеи восстановления доверия между сверхдержавами. (В качестве первых рекомендуется роман лауреата Ленинской премии Ч. Айтматова «Буранный полустанок» и роман К. Воннегута «Бойня N 5 или путешествие Билли-Пилигрима».)

13. Организовать встречную эстафету доверия между Москвой и Вашингтоном.

14. Прекратить производство и продажу детских игрушек, являющихся моделями современных видов оружия.

15. Запретить использование зоологического оружия, т. е., например, собак и дельфинов — в качестве носителей взрывчатых веществ.

16. Назвать ряд улиц в новых районах именами видных деятелей США, внесших вклад в дело справедливости и демократии, а также способствовавших сближению СССР и США (Вашингтон, Линкольн, Твен, Рузвельт), подав, таким образом, пример властям США.

17. Выпустить очерки жизни и творчества деятелей науки и культуры США, жизнь которых в равной степени делает честь обеим странам (ученые и инженеры Сикорский, Тимошенко, Рябушинский, Гамов, музыканты Рахманинов, Стравинский, писатель Набоков).

18. Снизить почтовый тариф для международной корреспонденции и телефона. (Сейчас советский гражданин со средним заработком работает за авиаписьмо с уведомлением почти два часа, за одну минуту разговора по телефону — 7 часов.)

19. Упростить процедуру оформления туристических поездок и снизить их стоимость, сделав доступными гражданам со средним заработком.

20. Использовать для словесных товарных знаков ряд терминов из словаря сторонников мира: «Мир» (радиоприемник с таким названием уже не выпускается), «доверие», «детант», «паритет».

21. Организовать обмен телевизионными регулярными программами (например, раз в две недели), рассказывающими об истории и культуре обеих стран, их современной жизни. Например, показ документальных и художественных фильмов, трансляция репортажей об официальных мероприятиях (7 ноября, День независимости и т. д.).

22. Включить в школьные программы изучение законодательных и государственных документов обеих стран (Советская Конституция, американский Билль о правах), художественных произведений (в том числе и современных), являющихся национальным достоянием и отражающих дух обоих народов.

23. Ввести в некоторых школах и институтах изучение американского варианта английского языка для облегчения личного общения между гражданами обеих стран.

24. Открыть одновременно в СССР и США памятник *миру*. Уже в настоящее время объявить в СССР и США конкурс на лучший эскиз этого памятника.

25. Дать возможность желающим врачам проводить свой отпуск в больницах и клиниках другой страны и тем самым повышать свою квалификацию.

26. Организовать традицию — спортивные соревнования (футбольные, волейбольные, шахматные турниры и т. д.) между сотрудниками предприятий и учреждений одного профиля (например, врачи одной больницы в СССР против врачей больницы в США).

27. Кругосветный марш мира.

ОБРАЩЕНИЕ К СТОРОННИКАМ МИРА

Друзья и коллеги!

Каждый человек разделяет ответственность за жизнь мира. Нам всем очевидна та смертельная опасность, которую представляют для всех форм жизни накопленные в мире средства уничтожения.

Однако, прикладывая усилия к сохранению мира, нельзя забывать, что убивает не оружие — убивают люди. Ядерная угроза должна напомнить нам, что человеческое общество является единым целым и разобщенность грозит нам гибелью.

Недоверие, непонимание, подозрительность между людьми способны сделать мир радиоактивной пустыней. Поэтому наша группа уделяет особое внимание вопросу установления доверия между народами.

Мы убеждены в том, что установление взаимного доверия между нашими народами гарантирует мир и обеспечит условия для полной ликвидации всех средств уничтожения. Совместные усилия всех сторонников мира способны эффективно содействовать этому.

Мы предлагаем вам объединить наши усилия в борьбе за мир, разоружение и доверие. Мы готовы к совместным действиям и ждем ваших предложений.

Со своей стороны, мы предлагаем вам провести совместно с нами ряд действий.

1. Мы продолжаем сбор конкретных предложений по установлению доверия между нашими странами от общественности СССР. Предлагаем и вам начать сбор предложений от граждан ваших стран.

2. Организуйте в своей стране крыло группы «Доверие». Совместное выполнение некоторых возможных предложений частным порядком будет способствовать созданию условий для роста доверия.

3. Как первый шаг необходимо начать совместную кампанию почтовой переписки между гражданами наших стран, составляя и обмениваясь списками адресов граждан, желающих участвовать в таком диалоге. Таким образом мы лучше узнаем жизнь друг друга и установим первые контакты между простыми людьми наших стран.

4. Обмен фото- и художественными выставками, которые содействовали бы взаимному ознакомлению граждан с жизнью и людьми в наших странах. У нас уже открыта выставка детского рисунка. Присылайте нам рисунки ваших детей.

5. С той же целью нужно проводить научные семинары. Сейчас мы заняты подготовкой семинара на тему: Научные методы укрепления мира.

6. Мы предлагаем объявить конкурс на лучший проект монумента *миру*, который должен быть рекомендован для одновременного установления в столицах наших стран.

Мы предлагаем общественным организациям взять на себя инициативу в сборе средств и получения разрешения на строительство монументов.

Мы убеждены в том, что все эти действия оказали бы плодотворное влияние на сотрудничество сторонников мира

в разных странах, содействовали бы созданию условий доверия и понимания между нашими народами, содействовали бы распространению идей мира.

К сожалению, у многих из нас отключены телефоны. Связь с вами у нас очень затруднена. Поэтому, приезжая в Москву, навещайте нас по нашим адресам.

Сергей Батоврин
Виктор Блок
Владимир Бродский
Валерий Годяк
Борис Калюжный
Геннадий Крочик
Ольга Медведкова

Юрий Медведков
Олег Радзинский
Марк Рейтман
Сергей Розеноер
Игорь Собков
Владимир Флейшгаккер
Мария Флейшгаккер
Юрий Хронопуло

ОБРАЩЕНИЕ К СТОРОННИКАМ МИРА И УЧАСТНИКАМ АНТИЯДЕРНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Накопленные запасы оружия массового уничтожения несут в себе угрозу бессмысленной смерти для всех и всего живого. Недопустимо, чтобы развитие событий устремилось к всеобщей катастрофе из-за взаимной подозрительности и непонимания между странами Запада и Востока.

Только путем укрепления доверия между странами можно гарантировать мир. Это — нелегкий процесс, и он требует множественных усилий. В их числе важен диалог не только между политиками, но и между общественностью Востока и Запада, важно мобилизовать всю энергию лиц доброй воли ради самого святого дела — сохранения мира.

Мы разделяем многие идеи, выдвинутые в других странах сторонниками мира и антиядерных движений. В наших условиях мы считаем перспективными для долговременных усилий следующие шаги:

1. Создание международного координационного комитета независимых групп сторонников мира как на Западе, так и на Востоке из числа представителей этих групп.

2. Регулярный созыв международных конференций независимых групп сторонников мира как на Западе, так и на Востоке из числа представителей этих групп.

2. Регулярный созыв международных конференций независимых групп на основе принципа минимума государственного влияния на состав делегаций и программы конференций. Для этого предлагается, чтобы каждая конференция состояла из двух сессий, работающих при едином составе на территории стран Запада и Востока.

3. Устройство международных фестивалей независимых групп сторонников мира — на том же принципе.

4. Обмен опытом на основе вступления граждан стран Запада в независимые группы сторонников мира на Востоке, и наоборот.

4. Проведение массовых международных маршей мира с пешеходным движением на территории стран Востока и Запада без ограничения числа участников и контактов.

6. Регулярные встречи частным порядком для общения членов групп сторонников мира. Содействие контактам граждан стран Запада и Востока.

7. Развитие обмена письмами между гражданами разных стран, содействие этому путем распространения списка адресов, тематики общих интересов и т. д.

8. Совместные или параллельные мирные демонстрации, выставки, симпозиумы, публикации.

9. Обмен антивоенными материалами: плакатами, лозунгами, значками, фильмами, литературой. Обмен информацией по вопросам мира.

10. Работа научных групп в рамках независимых мирных движений для формулировки объективных выводов по вопросам мира.

11. Совместное издание международного бюллетеня для освещения всех точек зрения и событий в независимых мирных группах.

12. Сбор и анализ предложений частных лиц о мерах по укреплению доверия между странами Запада и Востока.

13. Совместные кампании сбора подписей под мирными документами и обращениями.

14. Опросы общественного мнения по вопросам мира, организованные по согласованной программе.

15. Совместные рекомендации правительствам по установлению мер, способствующих созданию обстановки доверия между странами Запада и Востока.

16. Обмен фотографиями и материалами о жизни и культуре своих стран для организации выставок по этим вопросам. В том числе обмен детскими рисунками (мы убеждены, что детские рисунки несут в себе убедительные послания мира и доброй воли).

17. Добиваться установления в столицах стран, обладающих ядерным оружием, одинаковых памятников жертвам ядерного оружия. Способствовать объявлению международного конкурса на лучший проект такого памятника.

18. Организовать и регулярно проводить совместные усилия всех участников независимых групп мира в защиту преследуемых сторонников мира.

Из-за ограниченности доступных для нас технических возможностей мы просим, чтобы другие мирные группы при контактах с нами шире опирались на свои возможности и опыт организационных инициатив.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

М. Хейфец

ЗОРЯН ПОПАДЮК — ДИССИДЕНТ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА*

Признаюсь, эту главу я начинаю, предчувствуя свое непереносимое поражение. Чтобы хорошо описать героя, необходимо относиться к нему спокойно, объективно, замечать как достоинства, так и пороки. До сих пор, как бы ни нравились мне мои герои, я мог удержать себя в границах спокойной объективности: даже если не всегда описывал отрицательные качества, постоянно держал их «в уме» и это давало возможность сохранять желательный ракурс, нужные пропорции света и тени. Здесь я боюсь. Когда вызываю в памяти образ героя этой главы, меня охватывает детское чувство восторга, щенячье и вовсе не подходящее пожилому человеку восхищение перед чудом жизни, которое называлось в зоне — Зорян Попадюк.

Единственное, что подбадривает в этом совершенно неподходящем для серьезной работы настроении, — примерно так же к Зоряну относились все мои знакомые. В особенности те из них, кто относился к разряду «высоколобых» или «яйцеголовых» интеллигентов. «Какой удиви-

* Глава из книги «Силуэты». Copyright by author.

тельный человек Зорян!» — сентиментально вздыхал, вспоминая союзника, «демократ» из элитного, «сахаровского» круга ученых-астрофизиков, Кронид Любарский. «Никого лучше Зоряна мне не пришлось встретить за годы заключения», — писал мне в ссылку блестящий филолог из всемирно известного «филологического гнезда» в Тарту, один из тайных ученых помощников Александра Солженицына Габриэль Суперфин.

Забавный эпизод: когда после статусной забастовки** гебисты захотели испугать неунывающих «статусников», они через стукачей распустили на 19-й зоне слухи, якобы умер на этапе Зорян... Понимали, гады, как нас бить! К счастью, слух оказался безграмотно состряпан и тут же лжеца разоблачили. (Может, напрасно на ГБ грешу? Может, это лагерный опер постарался отличиться?).

Итак, я честно предупредил читателя о недостатках того, что он прочтет ниже. Зорян вспоминается мне каким-то естественным чудом благородства, соединенного со столь же естественной и потому легкой талантливостью и отвагой. Таким я его воспринял — таким только и могу описать.

Познакомился я с ним 7-го марта 1975 года, в день моего появления на зоне. Внешность? Был он тогда юношей 22-х лет, сероглазым, с милым лицом, которое почему-то казалось девичьим, гибким, «стройным и соразмерным» — как говорится о таких в Библии. На другое утро после прибытия (был праздник, Международный женский день — и зона отдыхала) он подошел к моей тумбочке и поставил туда... поллитровую баночку, в которой плавал в воде приличный кусок масла.

— Что это?

— Для Вас. Масло. Оно залито водой, не испортится. Вы не беспокойтесь, это у нас такой холодильник.

** Забастовка заключенных в поддержку «статуса политзаключенных».

— Я не о том беспокоюсь. Зачем мне масло!

— Но вы же с этапа. Так *положено*. — Зорян умело пользовался тем, что я еще не знал, что у эков положено, а что — нет. — Я вчера отоварился в ларьке. У меня много.

Пришлось капитулировать. После почти годичной тюрьмы, после первого в жизни этапа я порядком-таки оголодал и отошал («Прямо скелет стал», — вспоминала потом приехавшая через две недели, когда я немного поправился, жена), и дар Зоряна пришелся во-время. А что представляла собой банка масла в зоне, сумел осознать лишь в конце срока — ибо до самого этапа на ссылку я не видел в ларьке масла, никогда! Каким-то чудом тогда в марте завезли его в лагерный магазин, и Зорян отдал мне минимум половину своего запаса. Единственное масло, которое он ел за семь лет своего срока! А ведь я не был не только знакомым, я не был даже земляком — просто старшим по возрасту человеком, который прибыл этапом на зону и показался близким...

Еще запомнившийся эпизод, никак не связанный ни с политикой, ни с общественной жизнью, но по-своему характеризующий Зоряна ярче любых «героических» эпизодов.

Как-то «старички» из военных преступников поймали под вечер мышонка. Они сразу же соорудили какой-то вид камеры для зверька и посадили его в эту самодельную тюрьму. Мелочь, конечно, но, помню, она тупо подавила меня: сидим в тюрьме, и вот союзники поймали живое существо и тут же соорудили для него камеру смертника (не собирались же они держать мышонка живым, это запрещено тюремными правилами). Лезть к ним со своими советами я не стал, да и никто не стал из «молодых»: в лучшем случае они бы посчитали оппонента «тронутым» — «мыша жалеет, больной!» Но уснул я в ту ночь совершенно обессиленный душевной глухотой союзников. Просыпаюсь утром и слышу злобное, шипящее перешептывание старичков:

— Какой-то подлец мыша выпустил...

Нашелся-таки человек, который преодолел душевную

усталость, сковавшую нас (и меня в числе прочих) и совершил — действие.

Через год, когда Зоряна в зоне уже не было, рассказал мне Виталий Лысенко:

— Это Зорик тогда встал ночью и выпустил мышонка. Никому не рассказывал, но я видел...

(Не могу удержаться от еще одного малого лирического отступления: когда я рассказал эпизод с мышонком пану Петру Саранчуку, он иронически, как свойственно этому острому и своеобразному человеку, заметил:

— Сразу видно, что — мищук.

— Что?

— По-русски, как это будет... Горожанин! Потому и мышку выпустил. А старики не могли, бо она для них с детства — ворог.)

Вскоре после меня прибыл на зону новый зэк — смуглый, чернявый, усатый украинец Виталий Лысенко.

В первый вечер пригласили его, как положено, на «чай» — он отказался: «устал». — «Правда ли, что ваша статья — шпионаж?» — «Да.» Уважения к нему это не прибавило: в глазах диссидентов шпион — недурной материал для превращения в лагерного стукача. Настраивало против Виталия и таинственность, которой он окружил свою прежнюю службу (как я понял, это было судно военно-морской разведки на Балтике), и все обстоятельства «дела»: он не называл даже фамилии подельников, мы узнали их позже, от друзей, прибывших этапом из Владимирской «крытки». Да и вообще Виталий побаивался языкастых политиков, а был он обычным советским офицером по убеждениям, по складу ума и характера — человеком очень далеким от всех нас. Кроме того, совсем не говорил по-украински, хотя родом с Полтавы, и украинцем был, что называется, по папе и маме... Много времени спустя Виталий разъяснил зэкам странности своего поведения: «По-украински не говорил с детства. Мы еще в Полтаве во дворе с

ребятами договаривались — с сегодняшнего дня ни слова по-украински, это деревенский язык... О деле не рассказывал потому, что гебисты предупредили: будете болтать о деле — поедете из Мордовии в Якутию, это в нашей власти сделать... А перед выходом в зону меня Зиненко предупредил: хотите спокойно жить на зоне — держитесь подальше от Пашнина и Хейфеца. Только вышел из штаба, а Пашнин меня на чай приглашает... В стукачи? Конечно, предлагали. Но я ответил: жить с людьми рядом и обманывать их — не смогу.» Но эти разговоры возникли потом, а поначалу в зоне крепко невзлюбили Виталия.

И только Зорян упрямо, день за днем, вернее, вечер за вечером ходил с ним по «кругу». Кто хотел видеться с Зоряном, волей-неволей подключался к этой странной компании, волей-неволей общался с Лысенко. Зачем?

— Его надо научить языку, — объяснил мне Попадюк. — Ведь украинец. Все равно язык вспомнит...

Тогда это воспринималось как милое чудачество щедрого душой человека, который не жалеет себя на всякие фантазии... Я вспомнил об этом разговоре через три года, накануне освобождения. Зоряна уже давно не было среди нас. Прощаясь со мной, Виталий Лысенко вдруг сказал: «А вчера я сон видел — весь на украинском языке. Раз уж снится на украинском — значит всё, вспомнил язык».

Это тоже сделал Зорян Попадюк.

Щедрость души Зоряна поражала еще и потому, что всякий дар делался им настолько без усилий, легко и естественно, что казалось — это ему ничего не стоит, он и не жертвует даже, а просто такой способ существования — помогая другим.

Почти никто из нас не знал, как он был в ту пору тяжело болен.

Обычно больные люди не то что о других позаботиться — они подумать не могут ни о чем, кроме своих болячек. Это закон природы. У Зоряна же болезнь оказалась неслучайная,

не временная инфекция, а порок сердца. Лагерная медицина вроде признавала, что «врожденный», но сам Попадюк говорил мне, что впервые почувствовал сердце после пяти месяцев ПКТ, лагерной тюрьмы, которую прошел еще до моего появления на зоне. Летом семьдесят пятого года сердечные приступы начинались у него почти каждую ночь. Я узнал об этом случайно, когда он, преодолев смущение, попросил разрешить ему будить меня ночью, когда станет плохо.

— ...а то я немного боюсь один оставаться — вдруг надо будет медицину вызывать. Или за водой сходить.

Конечно, я отругал его, что он стеснялся будить меня раньше, и с тех пор почти каждую ночь по часу, а то и по два мы сидели с ним вдвоем на скамейке перед баракom, пережидая, пока болевые клещи приступа отступят от сердца юноши. А утром он как ни в чем ни бывало отправлялся в цех — давать норму на рукавицах.

Работал Зорян на удивление легко и красиво — что бы ни пришлось делать. Однажды взялся изучать литовский язык, и буквально через месяц уже советовался с литовским политзэком Бронюсом Вильчаускасом о каких-то филологических проблемах в литовской грамматике... Кстати, о литовском. С нами вместе сидел тогда Николай Уколов, военный переводчик с высшим образованием, работавший при советской военной миссии в Ираке, потом сотрудничавший в «За рубежом», еще позже осужденный на десять лет за попытку бегства в Финляндию. Коля в ту пору самостоятельно изучал японский язык. Узнав, что Зорян засел за литовский, вслух удивился:

— Зачем это надо? Учи вместе со мной японский, он перспективный. А кому можеет понадобится литовский?

Зорян тихо, без вызова, ответил:

— Но ведь он такой интересный.

Для Уколова каждый новый язык был орудием в жизненной борьбе, практическим средством для заработка. Зоряна интересовала чистая лингвистика...

Однажды в журнале «Наука и жизнь» была напечатана любопытная задача: дан текст на санскрите и предложено читателям перевести его на русский, пользуясь сходством индоевропейских корней. Я посмотрел и, хотя люблю всевозможные кроссворды и ребусы, и окончил филологический факультет, и сдавал старославянский, теорию языкознания и прочие премудрости, отступил сразу: орешек оказался жестковат для моих мозговых извилин. Зорян забрал журнал, посидел несколько часов и принес готовый перевод: до сих пор помню, текст был про какого-то пастуха и овец...

Посылал его Зиненко рубить дрова — он, будто играючи, расшибал колоды диаметром в 70-80 сантиметров. Рубил Зорян дрова уже после того, как сошьет норму в цехе, и делал это бесплатно. Хитрый Зиненко знал, чем купить работу Попадюка: он обещал, что дровоколы могут во время работы раздеваться до пояса и, следовательно, получать запрещенные в зоне солнечные ванны — попросту загорать. За право позагорать молодые хлопцы, вроде Попадюка, Граура, Лысенко, соглашались работать бесплатно. Мне только потом пришло в голову, что это вовсе не означало, что их работа осталась действительно неоплаченной: ведомости-то нам не показывали. Настоящим работникам платили солншком, а кто получал деньги по ведомостям, это, наверно, капитан с бригадиром знали...

Но особенно красиво работал Зорян за швейной машинкой.

Швейное производство считается особо сложным, потому что мужчины до лагеря никогда не шили, пользуясь машинкой, и дело это им непривычное, тонкое, женское. Я по своему опыту знаю, что работать на «мужском производстве», даже физически куда более утомительном, чем «швейка» (например, на деревообрабатывающем заводе, куда мы попали на 19-й зоне) гораздо проще и легче для зэков, чем проклятая «швейка». На обучение «швейке» полагается 45 дней, в течение которых зэк имеет право не выполнять нормы. Но практически почти никто из поступавших в зону не укладывался в этот срок, какое-то время не успевал делать свои «положенные» пары рукавиц и позже... Зорян же научился делать норму не то на пятый, не то на шестой день.

— Как у тебя это выходит?

— Я думать стал. Если подумать, можно составить систему работы...

Он сочинил систему приемов и фактически выполнял норму до обеда (на самом деле, Зорян растягивал работу — гулял, болтал — и все-таки всегда освобождался от «рукавиц» за два часа до конца рабочего дня).

Кажется, шестнадцатого апреля 1975 года я стал свидетелем первой акции протеста в зоне: однодневной забастовки. Организовал ее Гуннар Родэ, отбывавший 15 лет срока латышский националист. Среди составленных Гуннаром требований значилось «пересмотр невыполнимых норм». Честно говоря, нормы отнюдь не были невыполнимыми: даже я, когда научился шить, кончал норму за два часа до конца рабочего дня. Но это, конечно, потому, что я и прочие ээки работали по-советски, т. е. изготавливали такие рукавицы, которые можно было поставлять только в другие лагеря... Правда, попозже начальство сделало попытку продавать их в магазине, кажется, в единственном магазине страны, в Костроме, но пришло столько плюющихся писем даже от привычных ко всякому товару советских покупателей, что эксперимент быстренько свернули, и по-прежнему пошли рукавицы в другие управления МВД... Но так изготавливали рукавицы только мы, простые советские люди из коренных советских областей. Гуннар Родэ, Фрицис Клява и другие прибалты не умели работать по-советски, они шили высококачественные рукавицы — «хоть на выставку в Монреаль», как шутил бригадир Прикмета, — и не успевали давать положенную норму: Родэ, например, сидел за машинкой, как проклятый от первой минуты до отбоя с работы и делал процентов семьдесят, а Клява просился у Зиненко приходить в цех на час пораньше, да еще вечерами прихватывал часок, чтобы справиться с «невыполнимой нормой». Что поделать, советскую власть в Прибалтике установили на 33 года позже, чем в России, там не научились работать по-лагерному! После забастовки к нам в цех пришла комиссия по «проверке норм» — разумеется, ее целью было доказать, что нормы — правильные. За мной, например, она и не думала наблюдать, моя неумелость сразу видна, но с Зоряна глаз не спускали. Он уж из всех сил старался не подвести товарищей и работать в

этот раз помедленней — «тянуть резину». Но, видимо, не очень получалось: когда нас собрали, чтобы объявить результаты работы комиссии и Зорян осмелился «вякнуть», что он «не согласен», возмущенная дама из администрации вдруг высказалась: «А вы бы, молодой человек, помолчали! По нашим подсчетам и измерениям, Вы свободно можете давать три нормы в день!» Зорян конфузливо умолк: она, конечно, сказала правду.

Рукавицы у него однако были не хуже, чем у самого Гуннара. Когда я однажды спросил его, зачем он так старается на каторге, услышал в ответ:

— Бабушка научила. Она мне всегда говорила: если мы будем плохо работать на них, потом будем плохо работать на себя. Работать нужно всегда на совесть.

Зоряну я обязан многим и, в частности, тем, что избежал карцеров в начале срока, когда морально еще не был к ним подготовлен. Попав в зону, я совершенно не умел шить — я до сорока лет не то что на швейной машине не работал, а вообще ни с каким механизмом, кроме пишущей машинки, дела не имел. Научиться шить как профессиональный портной — казалось мне непостижимым делом. Но не выполнять норму (а делал я процентов 30-40) — это означало регулярно попадать в ШИЗО. Вдруг однажды я понял, как надо поступить. Нахально оставил свое «историческое рабочее место», удобное для надзирателей и стукачей, и пересел за машинку, освободившуюся рядом с Зоряном. И начал он меня учить шить. Показывал каждое движение, объяснял смысл каждого придуманного им приема — а меня иначе нельзя было научить, как только объяснив смысл всего, что делаю. Многие и до него учили простым «показом» — ничего не выходило: я смотрел, запоминал, потом садился за свою машинку — и ничего не получалось, но три дня потратил этот мальчик на меня, три дня, выполняя норму, параллельно учил соседа — и с тех пор я жил в зоне спокойно. Надо побывать в советском лагере, чтобы понять, как это важно — научиться без труда давать норму! И этим я был обязан Зоряну.

Когда Зиненко получил указание от ГБ посадить меня в ШИЗО (это случилось накануне седьмого ноября; что задумали гебисты — не знаю), он придумал такой хитрый ход: вдруг сменил цеху продукцию. Теперь мы шили вместо «рукавиц с одним пальцем» новое изделие — «пятипалую перчатку». Естественно, почти весь цех не сделал нормы и Зиненко отобрал всех, кого должен был отправить для этапа в карцер, включая и меня, грешного. Но вспоминаю я об этом вот для чего: в цеху два человека все-таки норму сделали. Один из них работал портным на воле, а другим оказался Зорян. Так он умел делать все, что приходилось ему делать...

Раз в неделю к нам в зону приходили работники МВД проводить политинформации. Чтобы не помирать со скуки, мы развлекались, задавая вопросы.

Вот проводит политинформацию инженер из другого цеха, беловолосый мужичок. Тема занятия: «Демократия и социализм неразделимы». Стержневая идея докладчика традиционна для всей советской идеологии и пропаганды: поскольку демократия есть власть народа, согласно точному этимологическому значению этого термина, и поскольку социализм заключается в ликвидации в обществе всех антинародных классов и элементов, и уж во всяком случае в отстранении их от власти, следовательно, при социализме любая форма власти естественно демократична, просто уже потому, что никаких других элементов для управления обществом, кроме народа, при социализме не существует. Так сказать, демократия при социализме есть единственно возможная форма власти...

Попадюк поднимает руку. Его приветливое лицо не вызывает подозрений ни у лектора, ни у начальника зоны, который величаво «присутствует». Оба даже довольны «активностью» слушателя.

— Пожалуйста, Попадюк.

— Если я правильно понял, то при социалистическом строе демократия обязательна.

— Верно.

— В современном Китае уничтожена частная собственность на орудия и средства производства. Следовательно, там социалистический строй. Могу ли я считать, что там установлена подлинная демократия и Мао-Цзэдун ее возглавляет?

Лектор задумывается.

— Я отвечу Вам в следующий раз...

Больше он никогда не появлялся на нашей зоне и вообще политзанятия возобновились только через три недели. Тема очередной беседы: «Холера и ее предупреждение». Видимо, Зиненко решил, что только беседы на такие темы безопасно проводить в присутствии Попадюка.

Между двумя политзанятиями Зорян успел отбыть две недели карцера.

После политинформации, проводимой офицером со странной фамилией Кишка, мы с Зоряном вышли на крылечко барака. Кишка служил не у нас, а в соседней, уголовной зоне, поэтому пришел читать лекцию не в обычное время после работы, а когда ему было удобнее — в обеденный перерыв. Потом нас завели обратно из столовой в рабочую зону, но норма была почти сделана, и мы присели на ступеньках крыльца.

Лекция Кишки называлась «Действия партизан во время Великой Отечественной войны». Между прочим, он упомянул, что среди партизан было много девушек, которые распространяли среди населения листовки.

— И у нас тоже листовки распространяли девушки, — вдруг мечтательно потягиваясь, проговорил Зорян. — Ах, Миша, если бы Вы только знали, как это хорошо — встать рано-рано утром, до рассвета и идти распространять листовки...

Так у нас завязался единственный, кажется, разговор о его «деле».

— Я рос обыкновенным комсомольцем, — рассказывал он. — Отца в семье не было, мать работала во Львове, в

университете, а меня в Самборе воспитывала бабушка. Конечно, и мама, и бабушка многое знали, но дома помалкивали. Я даже был секретарем комитета комсомола в школе. Но однажды у нас в Самборе было наводнение, река смыла берег и из-под песка показались человеческие скелеты и черепа. Весь берег был усеян костями. Мы, школьники, стали спрашивать учителей, нам отвечали: «Вам пока рано про это знать». Но, конечно, мы узнали: у некоторых родителей нехватало сил промолчать. В сороковом году, когда пришли большевики, они расстреляли в нашем маленьком Самборе больше ста человек — весь цвет интеллигенции... Там по берегу целые дни бродил какой-то свихнувшийся старик — искал череп расстрелянного сына-гимназиста. С этого у меня все и началось...

Окончив школу, Зорян поступил во Львовский университет, на филологический, и создал среди студентов старших классов школ подпольную организацию, которую юноши называли «Украинский национально-освободительный фронт». В начале семидесятых годов они выпустили две листовки, каждую тиражом в несколько сот экземпляров, и распространили их не только во Львове, но и в других городах Западной Украины. Одна — против оккупации Чехословакии, другая — протест против запрещения праздновать во Львовской области юбилей национального поэта Т. Шевченко.

— А вы знали, Зорянчик, что у Ленина есть статья-протест по поводу запрещения праздновать Шевченковский юбилей в царской России?

— Ой, конечно... Мы взяли цитату из нее эпиграфом к нашей листовке.

— А почему — против ввода войск в Чехословакию? Ведь уже столько лет прошло?

— Я о Чехословакии всегда помню. Было две страны, которым я так сочувствовал, так переживал за них, когда их подавляли... Одна — Бенгалия, во время пакистанского террора, а другая — Чехословакия.

— Никого не засекли с листовками?

— Нет. Они нашли листовки в других городах и решили, что там их и делали, там они и искали. Мы еще успели первый номер журнала сделать. Назвали его «Прогресс».

— Слушай, но как же с запретом юбилея Шевченко — это уж, по-моему, за советские рамки выходит!

— Секретарь обкома, который запретил юбилей, после нашей листовки был снят, — в голосе Зоряна не слышалось никакого удовлетворения. — А я получил двенадцать лет.

В тот вечер он показал мне свой приговор. Все эпизоды я уже знал, кроме одного: в «деле» фигурировал крест, который члены УНОФа дважды воздвигали на братской могиле, куда захоронили те самые кости, что размыла река на самборском берегу. Крест воздвигался дважды и дважды снимался властями, потому что на нем была сделана «антисоветская надпись». Какая именно — в деле ни слова.

— Что вы там написали, Зоринька?

— «Жертвам террора».

Зорян и, видимо, его группа были твердыми сторонниками «референдума», при определении будущей судьбы Украины. Я задал ему вопрос:

— Как ты думаешь, на таком референдуме вы добьетесь большинства?

— Если нам дадут хотя бы месяц для свободной агитации в народе, я не сомневаюсь в подавляющем большинстве за независимость.

(Ни он, ни я не подумали тогда о другой проблеме — кто именно будет считать голоса. Когда общаешься с коммунистами, это — согласно учению товарища Сталина — самая важная из всех проблем).

Нас слушал другой пламенный поклонник референдума, армянин Паруйр Айрикян, секретарь Национальной Объединенной партии Армении. Подумав секунду, завершил разговор:

— Нам, армянам, хватит и двух недель.

★

Особая прелесть Зоряна заключалась в том, что будучи юным зэком, он не потерял свойственной возрасту шаловливости, азарта, любви к игре. Каждый день он придумывал какие-то шутки над Петей Ломакиным: конструировал

сложные ловушки, которые опрокидывали на голову стукача банку с водой, когда тот проходил по цеху, а Зорян в эти секунды, казалось, весь погружался в шитье рукавиц... Однажды до смерти напугал противного надзирателя Чекмарева, который вздумал придраться к Попадюку, забыв, что держит в руках топор, которым он колот дрова: Попадюк вдруг заявил, что мент покушался на его жизнь, и наслаждался испугом обычно наглого надзирателя. Словом, какие-то шуточки, забавы он придумывал в зоне постоянно, и, кажется, это больше всего злило толстозадого Зиненко — такая несерьезность в отношении к такому ужасному учреждению, как лагерь строгого режима, и к самому режиму.

Из «шалостей» Зоряна запомнился рассказ про обыск:

— Принес я домой полный портфель нелегальной литературы. Мама, как узнала, стала меня ругать: что ты делаешь, разве можно такое носить при себе. А я чего-то устал, сил никаких уносить не было. Думаю — посплю, отдохну и утащу прочь. Только разделся, лег, вдруг звонок. Слышу — гебисты с обыском. А портфель возле кровати стоит. Стал одеваться, в спальню входит девушка-понятая, потом вторая, тоже понятая. Увидели, что я в постели, поставили свои портфели возле стола и отвернулись. Я — ногой раз, и отшвырнул по полу мой портфель к их портфельчикам. Он откатился и встал рядом. Они обернулись, смотрят, я на месте, одеваюсь. Тут входят гебисты, они за мамой и бабушкой наблюдали до этого, поставили свои портфели рядом с моим и предъявили ордер на обыск. И начали искать... Вдруг один из них обратил внимание на мой портфель и стал шутить: «А это кто притащил с собой такой старый и грязный портфель?». Все молчат, посматривают друг на друга, кто признается... Никто не признался. Ну ничего, говорит, будем уходить, увидим все равно, кто его заберет. Наконец, кончили обыск — ничего не нашли. Уходят — а тот все шутит: «Ну теперь я увижу, чей это грязный портфель». Каждый забирает свою сумку, а моя, конечно, так и осталась на месте. В дверях он вздыхает: «Так и не узнал, чья эта сумка». И вышел. Как в сказке.

Шаловливость Зоряна заключалась не только в способности сообразить и двинуть свой портфель ногой, но и в том, что он, находясь под следствием, после ареста, рассказал

гебистам, как они упустили добычу. Совершенно не понимал, в какую ярость приводит этих профессионалов сыска подшучивание над их служебной несостоятельностью. «Они так сердились», — вспоминал с удовольствием. Еще бы! Думаю, своим максимальным сроком по семидесятке — таким же, как у Сверстюка, Пронюка, Светличного, большим, чем у Черновола и Стуса, юный Зорян был обязан именно этому, совершенно ненужному признанию на следствии. Но ведь тогда он бы не получил удовольствия посмотреть на разъяренные физиономии гебистов!

Поразительное самообладание Попадюка иногда ставило меня в тупик: я не мог понять, что это — легкомыслие юности, когда дитя просто не понимает величины потерь и страданий, или превосходящая все, что я знал в жизни, стойкость. В начале нашего знакомства он показал мне фотографию девушки, которая, видимо, была его подругой на воле. Она не писала ему, и скоро он получил письмо, из которого можно было понять, что испугана она всем происшедшим во Львове до крайности и отрезала свое прошлое с мукой, но твердо. Зорян ни звуком не выразил хоть какого-то страдания, и я тогда же решил, что, видимо, он на самом деле был к ней равнодушен. И только много времени спустя, когда он показал свой приговор, я засомневался в этом: в длинном перечне имен свидетелей, то есть участников организации, которые остались на свободе, он показал одну фамилию и тихо сказал:

— Это она.

Та самая девушка. Значит, он не забыл, думал о ней все время? Но это — единственный случай, когда вспомнил про подругу.

Зато необыкновенно сильно он был привязан к матери. «Это мой первый друг. Вместо матери меня воспитывала бабушка, а самым лучшим другом стала мама. Я на нее очень похож». Недаром его лицо показалось девичьим...

Гебисты опасались их свиданий: при мне они лишили

Зоряна очередной встречи с матерью. Это было второе подряд лишение свиданий и означало, что они не встретятся три года (свидание нам полагалось раз в год).

— Получил от нее письмо, — рассказывал Зорян. — Из университета ее выгнали, никуда на работу не брали. Теперь устроилась регистратором в поликлинику. Совсем мало платят, но хоть какая-то зарплата есть...

Почему гебисты так опасались их свиданий? По-моему, в том году Зорян задумал организовать на воле очередную акцию. Это был единственный человек на семнадцатой зоне, который пробовал руководить подпольными делами, даже находясь за мордовской проволокой, и дело, которое задумал, действительно, могло стать интересным. Зорян хотел разработать социологические принципы анкетирования населения, чтобы выяснить его отношение к предполагаемому референдуму о независимости Украины. Оставшиеся на свободе члены организации должны были распространить анкеты между представительными группами населения и оценить подлинные настроения украинского народа. Видимо, гебисты подозревали, что Зорян воспользуется свиданием, чтобы передать на волю инструкции по такому вопросу, и рисковать не хотели.

У них имелись основания опасаться конспирации Попадюка. Его УНОФ действовал несколько лет, гебистам удалось за эти годы перехватить немало записок, которыми обменивались члены организации, но ни одну из них они не сумели расшифровать. Лингвистические способности студента оказались сильнее возможностей дешифрующих машин.

— Как же вас провалили?

— Подослали одного студента. Он в Сумах был исключен из института за национальное дело, видно, испугался, его и завербовали. А потом перевели к нам. Ну, мы обрадовались, что, наконец, появился среди нас человек хоть с каким-то опытом, привлекли его к делу... Они узнали, кто в организации, стали ребят в ГБ таскать. Ребята испугались, много лишнего рассказали...

Ни пол-ноты осуждения по отношению к тем, кто испугался, кто выгородил себя на следствии. А ведь «нас человек пятьдесят вызывали в ГБ и каждый мог из свидетеля

стать подсудимым. Ни у кого не было вины больше, чем у другого — всё вместе делали. Но они выбрали нас с Яромиром».

КГБ выбрал не по степени вины, а по степени, как они выражаются в своей конторе, «социальной опасности». И с этой точки зрения они, видимо, не ошиблись — самого конспиративного, способного и несгибаемого из юных украинцев они отделили от товарищей на двенадцать лет лагерей и ссылок.

★

Компания молодых зэков фантазирует, кто чем будет заниматься после победы и падения советской власти.

— Ты, Паруйр, станешь армянским президентом, — шучу я.

— Горе моему народу, если у него не найдется президента лучше меня, — смеется юный красавец Айрикан. — Ну, а серьезно, то если в независимой Армении меня захотят наградить за мою борьбу и спросят чего я хочу — я захочу быть полковником танковых войск!

Господи, какие они еще дети, эти грозные для советского режима борцы!

— А я после победы оставлю политику, — мечтает Попадюк. — Я все это оставлю и поеду путешествовать. Нет, не поеду, а пойду. Так хочется землю посмотреть...

★

В зоне показали два документальных фильма: один о Лейпцигском процессе 1934 года над «поджигателями рейхстага», другой о студенческих бунтах 1968 года в Европе. Хорошие фильмы: советские зрители едва ли не впервые увидели, что кроме Георгия Димитрова на процессе в Германии судили еще двух болгар — Попова и Танева, и посмотрели на изображения Маркузе, Кон-Бендита, Руди Дучке...

Выходя из «клуба-столовой», молодые зэки обсуждают фильм.

— Миша, а почему мы никогда не слышали про Попова и Танева? — спрашивает Зорян. — Ведь и в школе проходили Лейпцигский процесс, и в университете, никто из преподавателей не сказал, что были на суде еще два болгарина.

— Их посадили в тридцать восьмом, кажется: Может, в нашей зоне и отбывали сроки, — ехидничаю я.

— От гестапо они отбились, — режет ночную тьму голос Валеры Граура, румынского националиста, — но от кегебе не вышло, братушки-коммунистушки...

— Какая сила — студенты, — мечтает Зорян вслух. — Если бы их направить, чтоб они похитили какого-нибудь советского босса, его бы можно выменять на украинских политзаключенных!

Честно сказать, я прихожу в ужас: видимо, вирус террора и похищения заложников, действительно, заразил целое поколение, если такой чистый мальчик, как Зорян, говорит об этом, как о чем-то нормальном.

— Неужели ты не понимаешь, что если кого-то из них похитить, то остальные не пустят за него даже самого вшивого уголовника!

— Даже за Брежнева?

— Зорян, если кого-то из них похитят, это значит — вакансия неожиданно открывается, и чем выше вакансия — тем меньше шансов, что его сотрудники будут вытягивать босса из заложников...

— Если брать, так родственников Андропова или Брежнева, — рассудительно советует Зоряну Граур. — Постов они не занимают, а за дочку или сына могут кого-нибудь и выпустить.

— Какие жуткие люди! — изумляется Зорян, по-моему, не без доли разочарования: такая прекрасная идея оказалась мыльной пеной...

★

Осенью, кажется в октябре 1975 года, к нам в зону приехали «гости» — так называемые представители общест-

венности. На этот раз интеллигенцию представлял чрезвычайно говорливый молодой человек из Московского института мировой экономики и международных отношений, некто Владимир Бабак, а сопровождал его представитель «рабочих», в котором нетрудно отгадывался оперативник. Бабак прочитал в клубе лекцию о внешней политике СССР — в общем, неплохо, то есть с массой сплетен и пересудов, добывание которых, наряду с переписыванием статистических данных, и составляет основу работы всех этих международных НИИ. Блесточки — что-то вроде жалоб евреев на Моисея: «Почему ты сорок лет водил нас по пустыне и не включил в землю обетованную хотя бы немного нефтеносных полей» и т. д. Потом он удалился в штаб к Зиненко и начал вызывать эзков для беседы.

Зорян так излагал начало душевспасительных разговоров с интеллигентным экспертом ГБ:

— Сидит в центре он, рядом «рабочий», а с боков Зиненко и наш гебист. Расскажите, просит, в чемь суть Ваших взглядов и претензий к советской власти. Я спрашиваю его: вы марксист? Да, отвечает. Тогда вы должны признавать, что чем больше будет наций на Земле, тем разнообразнее окажется ее облик, тем лучше для человечества... Он задумался ...Тогда я спрашиваю: как вы считаете, человечество выиграло от того, что, наконец, открыло для себя Африку? Сразу говорит: конечно. А Бангладеш? Тоже. Так вот, *мы*, украинцы, хотим того же самого: найти свое лицо и открыть себя для человечества. Вы, наши противники, желаете однообразия — единой философии для мира, единого общественного строя, единого содержания культуры, единого лика мира. Мы — хотим разнообразия. Мы верим, что настоящая культура связана с единством *разного*, и наш долг — стать собою и непохожими на других — долг перед всем человечеством. Мы хотим быть собою, а нам мешают. Кто вам мешает? Я стал ему перечислять факты. Он слушает и говорит только одно: этого не может быть, вы ошибаетесь. Я отвечаю: как я могу ошибиться, это я не с чьих-то слов говорю, это было в моем родном городе, я видел это собственными глазами...

Через два или три дня после отъезда «представителя общественности» Бабака Зоряна после обеда вдруг вызвали в штаб. Кончился обеденный перерыв, нас снова увели через

охраняемые ворота в промзону, а Зорян все не возвращался в цех. Вдруг между рядами промчался Петя Ломакин, всезнающий стукачишко:

— Зоряна судят в штабе.

Комедия «суда» в лагере проводится для того, чтобы заменить наказание, определенное обычным судом, на более строгое — обычно на изменение «режима». Вечером мы узнали, что лагерный суд заменил Попадюку три года лагеря на три года Владимирской крытой тюрьмы.

— Может, ему там лучше будет, — вдруг сказал ветеран зоны Петр Сартаков, — хоть в тюрьме режим похуже, да зато там такого подлеца, как Зиненко, нет — второго такого не найти. А Зорян, видишь, как убивается, что у него такая сволочь в земляках ходит...

Через два дня Попадюка этапировали в тюрьму (эти два дня он провел в камере на вахте, отдельно от товарищей). С вахты нельзя выйти, не пройдя двух метров до ворот по открытой территории зоны.

Утром в этапный день политзеки зоны не пошли в цех. Напрасно грозилась надзиратели, записывали в рапорты, пытались отпихивать... Мы стояли и ждали Зоряна, чтобы проститься.

Он вышел, раздались крики:

— До свиданья, Зорян! Жди нас следом!

Попадюк обернулся, поднял руку и показал два пальца, раздвинутые в форме латинского «V». Традиционный знак Сопротивления: «Виктуар» — по-французски, Победа.

И ушел на этап в «крытку».

Из письма ко мне Надеи Светличной летом 1981 года: «...о Зоряне Попадюке. Знаете ли вы о его серьезной болезни? Из его писем я знаю, что после прибытия в ссылку в июне восьмидесятого года (в то же самое стусовское Матросово в Якутии,*** в то же общежитие) у него обнаружилось

*** Поселок, где отбывал ссылку украинский политзаключенный поэт Василь Стус.

воспаление легких, а вскорости в больнице поселка Дебино изменили диагноз на туберкулез. В начале октября его оперировали: вырезали два сегмента из правого легкого. Чувствовал себя прекрасно, и профилактическое лечение, рассчитанное на несколько месяцев, его не тревожило. А в последнее время стали доходить очень тревожные вести о его состоянии, и боюсь, что это не преувеличение. Передают буквально, что он умирает»...

Последняя весть из бюллетеня «Вести из СССР»: состояние его здоровья, видимо, показалось настолько тревожным властям, что они пошли на совершенно исключительную меру — изменили Попадюку место ссылки. Из Якутии его перевезли в Казахстан. Как-то его, больного, этапировали через три тысячи километров?

И все-таки он еще очень молодой и в его молодости — наша надежда на встречу.

1982 г.

От редакции: Осенью 1982 года в ссылке, в совхозе Саралжин Актюбинской области, Зорян Попадюк был вновь арестован и весной 1983 г. осужден на 15 лет неволи (10 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки).

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

Иржи Ледерер

ДВЕ НОРМАЛИЗАЦИИ

Как по своему значению, так и по частоте применения слово «нормализация» занимает видное место в коммунистическом словаре. Этот термин означает там восстановление тоталитарной коммунистической системы и применяется в тех случаях, когда система переживает глубокий кризис или оказывается под угрозой разрушения и когда в результате кризиса тоталитарного режима общественность получает возможность свободного самовыражения.

Считается, что, когда общественность начинает говорить в полный голос, то это уже само по себе подрывает устой режима. Это рассматривается, как отклонение от нормы, как нечто, направленное против коммунистических догм. Такой процесс следует любой ценой остановить, любыми средствами реставрировать нормы коммунистической жизни, при которых партия прочно держит в своих руках бразды правления, а рот общественности заткнут кляпом. Так должно быть, так нормально.

Путь к нормальному положению именуется «нормализацией». Мы с вами оказались свидетелями трех грандиозных процессов нормализации. Первый проходил в Венгрии после 56-го года. Второй — в Чехословакии после 68-го. Третий начался в Польше 13 декабря 81-го года.

За всеми тремя процессами, прямо или косвенно, стоит военная мощь Советского Союза. В 56-ом году советские войска потопили в крови народное восстание венгров. Тысячи мертвых, массовые казни и трибуналы — так начинался процесс нормализации в Венгрии. Через трупы — к нормальной тоталитарной жизни.

Начало нормализации в Чехословакии положило вторжение в страну 21 августа 68-го года огромного количества советских военных соединений, которым помогали польские, гедезэровские, венгерские и болгарские части.

В Польше с самого начала было ясно, что Союз не решится начинать нормализацию собственными силами — это не отвечало его международным интересам, да и было связано с определенным военным риском. Москва была заинтересована в том, чтобы польская общественность была задушена польскими же руками. Так и произошло.

В связи с польской нормализацией военного образца на Западе часто вспоминают о нормализации в Чехословакии. Проводят параллели, выявляют различия. Умозаключения не всегда бывают удачными.

В Чехословакии между 21 августа 68-го года и 16 апреля 69-го, когда на посту первого секретаря партии Дубчека заменил Гусак, лежит своеобразный переходной период продолжительностью в восемь месяцев. Можно сказать, что цель вторжения 21 августа была достигнута лишь 16 апреля.

Для того, чтобы более рельефно представить различия между чехословацкой и польской нормализацией, следовало бы несколько более подробно рассмотреть содержание так называемого «процесса возрождения» 68-го года и его отличие от «процесса возрождения», начатого в Польше в августе 80-го года. Но здесь мы рассмотрим лишь методологию и технику нормализации.

Советское вторжение в Чехословакию, подготовленное в сговоре с кучкой предателей из руководства компартии, имело целью немедленно установить новое коммунистическое правительство — без Дубчека, Смирковского, Кригеля и других коммунистических вождей, которые в наручниках были вывезены в Советский Союз. Алоиз Индра — нынешний председатель Федерального собрания — сразу же после вторжения должен был сформировать новое рабоче-крес-

тьянское революционное правительство, по образцу кадаровского. Но сделать это ему не удалось — не столько из-за несогласия президента Свободы, сколько из-за полного отсутствия поддержки в народе и в самой коммунистической партии. Советский набег мобилизовал народ на пассивное сопротивление; предатели не получили поддержки ни от одной, даже самой низовой парторганизации. Сопротивление интервентам было всенародным. В военном отношении вторжение было проведено превосходно, но в политическом оно стало провалом. Оккупированная страна осталась без коллаборационистского правительства. Видя это, Москва пошла на уступки и начала в Кремле переговоры с делегацией Коммунистической партии Чехословакии. К переговорам были привлечены и арестованные коммунистические вожди, в том числе и Дубчек, который, однако, из-за болезни участия в переговорах фактически не принимал. Исключение составил Франтишек Кригель, которого из тюремной камеры выпустили только для подписания унижительного Московского протокола, означавшего капитуляцию и проигрыш политического капитала, полученного в результате всенародного сопротивления в самой Чехословакии. Кригель был единственным, кто отказался подписать протокол. После подписания протокола все коммунистическое руководство Чехословакии вернулось в Прагу.

Начался напряженный восьмимесячный период, когда коммунистическое руководство, связанное по рукам и ногам Московским протоколом, оказалось между двумя жерновами — между давлением общественности, не желавшей без боя расставаться с идеалами и сдавать позиции, и систематическим, безжалостным давлением Кремля.

Первые дни после советского вторжения в Чехословакию были наполнены эйфорией, чувством внутреннего освобождения всех слоев общества от обязательной дружбы к Советскому Союзу. Это были дни абсолютной свободы, и в то же время исключительной гражданской дисциплины, самоотверженности, солидарности, энтузиазма и национального подъема. Здания и улицы чехословацких городов были буквально наводнены образцами народного творчества — тысячами антисоветских, освободительных лозунгов и рисунков. Первым ледяным душем для народа был день, когда

все антисоветские лозунги исчезли. Нормализация двигалась вперед осторожными, мелкими шажками. Общественность успокаивал тот факт, что на своих местах оставались Дубчек, Свобода, Черник и Смирковский — самые популярные в народе политики.

Но уже осенью парламент принял резолюцию о временном пребывании советских войск на чехословацкой территории. Франтишек Кригель был постепенно отстранен от исполнения всех своих обязанностей. После него дошла очередь до Йозефа Смирковского.

Это были месяцы постоянного напряжения, вызванного неослабевающим нажимом Кремля и естественной уступчивостью пражского руководства, связанного с Кремлем не только Московским протоколом, но и всей послевоенной историей, всей традицией коммунистической партии, начиная с готвальдовских времен. Напряженность и неуверенность в завтрашнем дне поддерживались искусственно, чтобы вызвать в народе чувство усталости.

Решающими оказались советский нажим и ненарушенная в своей основе политическая монополия коммунистической партии. Они оказались сильнее, чем иллюзии некоторых коммунистических вождей, полагавших, что Москва оставит им какой-то простор для действий.

То, что в Чехословакии продолжалось месяцы, в Польше в декабре 81-го года совершилось в считанные часы. Шокирующая скорость, однако, вовсе не обязательно гарантирует долгострочную эффективность всей операции.

Когда 13 декабря 81-го года в Польше было введено военное положение, казалось, жизнь в стране остановилась. Все испытали шоковое состояние. Тысячи активистов «Солидарности» были арестованы и брошены в лагеря для интернированных лиц. Телефоны были отключены. Было прервано железнодорожное, автомобильное и воздушное сообщение. Везде был введен комендантский час. В течение одного дня жизнь миллионов людей изменилась до основания.

С бытовой точки зрения советское вторжение в Чехословакию в августе 68-го, по сути дела, ничего не означало. Люди свободно перемещались, звонили друг другу, даже косяком выезжали за границу — и никто им не препятствовал в этом. Наоборот, пограничные органы выпускали из страны практически всех без исключения. Даже без действующих паспортов.

Поляки после 13 декабря остались без газет и журналов. В Чехословакии, несмотря на оккупацию, печатные органы выходили без перебоя — за исключением первых дней после вторжения. После возвращения чехословацкого руководства из Москвы, в конце августа 68-го, жизнь вернулась в свою колею. Ограничения касались главным образом политического руководства страны, но не затрагивали рядовых граждан. Действие Московского протокола простые люди почувствовали на собственной коже лишь через несколько месяцев.

Польша после объявления военного положения осталась практически без общественных и политических организаций. В первые дни была приостановлена деятельность даже коммунистической партии. Единственной силой были полиция и армия. В Чехословакии после вторжения все организации продолжали свою работу. Хотя и тайно, но все-таки удалось провести даже Чрезвычайный съезд КПЧ, который решительно осудил оккупацию и избрал новые руководящие органы партии, причем делегаты съезда «прокатили на вороных» всех промосковских деятелей.

Все общественные организации Чехословакии выразили резкий протест проти советской оккупации, хотя советские танки и стояли под окнами их зданий: ЦК партии, Союза писателей, Союза журналистов, танки окружали здания радиовещания и телевидения и даже редакций крупных газет, таких как «Литерарны листы». Во всех городах проводились массовые демонстрации. Люди повсюду выражали свое возмущение прямо советским военнослужащим. Ненависть к оккупантам, стремление к свободе, к правде — все это было сильнее страха перед военным колоссом, убившим десятки безоружных чехословацких граждан. В Польше после 13 декабря разом не стало ничего: ни организаций, ни нормальной жизни, ни возможности митинговать. Кара-

тельные отряды полиции в зародыше уничтожали любую попытку протеста. Рабочие медленно выходили из шока и решались на проявление несогласия и на открытое сопротивление. Так было на балтийском побережье и в силезском угольном бассейне. Именно там сопротивление рабочих было наиболее стойким, продолжительным и потребовало более всего жертв.

В оккупированной Чехословакии репутация политических руководителей, т. е. коммунистических вождей, еще более укрепилась в народе. Популярность Дубчека, Свободы, Смирковского и Черника достигла пика. Ненависть вызывали только имена тех, кто в ночь с 20 на 21 августа пытался сорвать принятие заявления ЦК КПЧ, в котором действия Советского Союза осуждались как незаконные. Эти имена назывались по радио и в печати, писались на стенах домов как имена предателей. Дубчека и его соратников превозносили как героев и мучеников. Так было — независимо от того, нравится нам это или нет, независимо от того, оправдано ли исторически это восхищение и всенародное обожание. Иначе в Польше — там 13 декабря политическое руководство себя полностью дезавуировало: ведь войну собственному народу объявил вождь коммунистической партии, генерал Ярузельский. Радикально усилилась традиционная ненависть поляков к коммунистическому руководству, ненависть заслуженная и исторически обоснованная. Военное положение явилось шоком для самой коммунистической партии — шоком исторического значения, так как от него не так просто оправиться. В отличие от времен Гомулки или Герека, коммунистам теперь нечего обещать польскому народу. Народ не ждет от них ничего, кроме лжи и насилия.

После вторжения коммунистические правители Чехословакии обещали сохранить завоевания периода возрождения, и подавляющее большинство чехов и словаков верило им и поддерживало их. Однако уже очень скоро внутриполитический небосвод пошел трещинами. Ширились сомнения и разочарование. У всех спадала пелена с глаз, но вместе с отрезвлением приходила апатия и — что еще хуже — чувство безнадежности.

У поляков после 13 декабря оставался только один — но зато традиционно крепкий оплот — католическая церковь.

Единственное место на карте польской жизни, которого военно-полицейская власть не решилась коснуться. Костелы стали местом человеческого общения, местом взаимопомощи, местом поддержки интернированных и их семей, местом утешения и в какой-то степени местом надежды. Устами своих представителей католическая церковь выражала мнение польского народа, хотя и весьма осторожным, мягким и приглушенным голосом. Именно католическая церковь призвала старо-новую коммунистическую власть, переодетую в милицейские и военные мундиры, к диалогу с общественными силами — а это значит, к диалогу с независимым профобъединением «Солидарность», деятельность которого была приостановлена.

Целью советского вторжения в Чехословакию было — остановить процесс демократизации, ликвидировать все то, чего добилось общество за период с января по август 68-го года, и начать процесс «нормализации», т. е. процесс восстановления тоталитарного режима. Однако этот процесс смог в полную силу начаться только через восемь месяцев после оккупации. Для этого еще понадобились грандиозные уличные демонстрации после чемпионата мира по хоккею с шайбой в конце марта 69-го года. Эти демонстрации послужили Кремлю отличным поводом для вмешательства: министр обороны Гречко был направлен в Прагу, чтобы добиться безоговорочной капитуляции дубчековского руководства. Дубчек был вынужден уйти с поста первого секретаря, его место занял Густав Гусак — безхребетный и властолюбивый аппаратчик, коммунистическое мировоззрение которого не поколебало даже девятилетнее тюремное заключение в 50-х годах.

Но даже эти коренные перемены апреля 69-го года нельзя сравнивать с 13 декабря 1981 года в Польше. Дубчековское руководство топталось на месте, не решаясь сделать выбор между Кремлем и собственным народом, и эта нерешительность придавала кризисной ситуации патовый характер. У руководства не хватало мужества стать рупором народа, стремящегося к свободе, — и это был не столько вопрос мужества, сколько вопрос раздвоенного сознания и политического профиля членов президиума ЦК КПЧ, которые не могли представить себе общества без монопольной

власти партии. Гусак был человеком, не знающим моральных препон. С первого же дня он приступил к жесткой, хотя и постепенной «нормализации». Это было неприкрытое фронтальное восстановление тоталитарного режима.

Гусаковской «нормализации» понадобилось несколько месяцев для того, что партийно-офицерская группа Ярузельского сделала в один день.

Но разница между польской и чехословацкой «нормализацией» не только в продолжительности процесса. Граждане Чехословакии в 68-ом году испытали такую полноту свободы, какой они не знали с февраля 48-го года. Вначале они принимали предоставленную им свободу с некоторым недоверием, с колебаниями, опасаясь подвоха и скорого наказания, но затем все-таки воспользовались возможностью и стали не только свободно выражать свое мнение, но и свободно объединяться в организации. Шок от советского вторжения продолжался лишь долю секунды, чехи и словаки не дали себя запугать и продолжали свободно изъявлять свою волю. Они понимали, что это агрессия против них самих, против их свободы. Многие питали иллюзии, что дубчековское руководство поможет им сохранить определенную степень свободы, и это руководство делало все для поддержания этих иллюзий. Но после августовской эйфории неприглядная действительность выступила во всей своей наготе — действительность оккупированной страны с ограниченным суверенитетом и беспомощным политическим руководством. Граждане не сдавались, но их усилия были сизифовым трудом — они постоянно натыкались на барьеры, поставленные 21 августа. Стало ясно, что, несмотря на видимость, они не могут рассчитывать на дубчековское руководство, которое не в силах им помочь. А утратив надежду, веру в способность пересилить фатальные обстоятельства, человек теряет и эту свою способность. В такой обстановке, когда остро ощущалась тщетность любых усилий, Гусак занял место Дубчека, политика решительной реставрации тоталитаризма — место нерешительности.

Общество лежало под Гусаком словно жертвенный агнец, ожидающий самого худшего. Сопротивление принимало лишь судорожную форму интеллигентского протеста.

Гусаковское руководство начало исключать непокорных из партии, из общественных организаций, увольнять с работы. Предавгустовские идеалы свободы для большинства становились обременительным балластом. Люди уходили в себя, пытались спасти хотя бы собственное благополучие, даже ценой безхребетности или отступничества, ценой вынужденных заявлений о своем одобрении советской оккупации. Все организации, возникшие в 68-ом, были запрещены. Все газеты и журналы, ставшие в период демократизации трибуной свободного мнения, были ликвидированы. Шаг за шагом менялась жизнь, и люди, занятые самозащитой, почти не замечали, как трудно становится дышать.

Демонстрацией силы и угрозами гусаковскому руководству удалось практически без боя снова превратить все общественные организации и творческие союзы в послушных марионеток коммунистической партии. Представители «Пражской весны» в этих организациях сдавались, как правило, сами, почти не оказывая сопротивления. Страх и чувство безнадежности правили балом. В организации и редакции пришли новые, надежные люди. Чехословакия постепенно превращалась в «Биафру духа», или в «культурное кладбище», как охарактеризовали положение некоторые западные публицисты. Даже такая организация, как Федерация паровозных бригад — единственная абсолютно независимая профсоюзная организация, — покинула поле брани без боя. Одинокие голоса протеста, раздававшиеся время от времени, были оторваны от общественной атмосферы.

В 70-е годы единственным голосом, имевшим глубокий общественный смысл, был голос «Хартии-77». И реакция режима на него была необычайно резкой и раздраженной.

В Чехословакии нормальная тоталитарная жизнь восстанавливалась медленно, но верно. Потерянные граждане, у которых почва уходила из-под ног, все больше замыкались в личной жизни, опасаясь того, что ожидает их вне дома и семьи: увольнений с работы, преследований, допросов, тюрьмы...

В Польше нормализация проходит совершенно иначе. Сначала, как гром среди ясного неба, был нанесен военно-полицейский удар. Жизнь остановилась. Поляки были лишены даже тех ограниченных прав, которые обычно доступны при тоталитарном режиме. Заграница громко протестовала — правительства, парламенты, общественные организации, профсоюзы и интеллигенция. В самой Польше был слышен только голос католической церкви и отдельных представителей интеллигенции.

Понятно, что режим, введенный 13 декабря 81-го года, не мог сохраняться долго — хотя бы уже по той причине, что от этого страдало нормальное функционирование общества, экономики и системы управления государством. Партийные держиморды в мундирах были вынуждены несколько ослабить гайки. Но одновременно с ослаблением напряженности активизировалась и деятельность подпольной структуры независимого профобъединения «Солидарность». Листовки, бюллетени, подпольное радио, демонстрации, короткие забастовки — все это набирало силу и становилось опасным режиму.

Польский народ не дал связать себя попыткой реставрации тоталитаризма. Уже спустя несколько месяцев стало ясно, что нормализация типа чехословацкой не удастся и не удастся. В кругах интеллигенции режиму удалось привлечь на свою сторону лишь ничтожное количество коллаборационистов. Даже среди актеров таких оказалась лишь горстка — а ведь в Чехословакии их было сколько угодно.

Могло показаться, что неожиданный военно-полицейский маневр, предпринятый в декабре 81-го года, будет эффективней процесса, начатого Гусаком в апреле 69-го. Могло показаться, что польский народ будет приветствовать любой шаг к смягчению военного положения и тем самым добровольно выдаст себя на милость генералам. Но здоровые силы польского народа поступили иначе — они воспользовались ослаблением военного положения для нового наступления за свои права и свободу.

Коммунистический военный режим не видит и не может предложить выхода из тупика. Сложилась патовая ситуация, преодолеть которую он не в силах. Ни жесткая, ни мягкая политика не могут рассчитывать на успех.

Жизнь снова показала, что в любом отществе традиционные, укорененные элементы сильнее, чем сиюминутная власть, даже если это власть коммунистическая. У польского народа специфическая для Восточной Европы история, свои традиции, свои духовные ценности, воплощенные в католической вере. Вот почему так плохо поддаются они «нормализации», хотя ее, может быть, и желали бы уже некоторые западноевропейские политики, недовольные тем, что «польский вопрос» отягощает международную обстановку.

Начиная с 80-го года, Польша давала народам Восточной Европы надежду на успех в борьбе с тоталитарной властью. Она дает им эту надежду и после 13 декабря 81-го года.

(Перевел с чешского Е. Фиштейн)

Иржи Ледерер (1922 г. рожд.) — чешский журналист и общественный деятель. В 1968 г. — редактор журнала «Репортер», активно сотрудничает в газете «Литерарны Листы». После советского вторжения в Чехословакию был членом Координационного комитета творческих союзов. В январе 1970 года арестован, в 1972 приговорен к двум годам заключения. За участие в движении «Хартия-77» в январе 1977 года И. Ледерера арестовали вновь. После трехлетнего заключения эмигрировал. Живет в ФРГ.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Борис Вайль

ИНТЕРВЬЮ С БРУНО КАЛНИНЬШЕМ*

Вопрос: Бруно Павлович, некоторые считают, что русский народ не «созрел», не готов для демократии. В связи с этим я

думаю о латышском народе. Как будто бы он не очень отличается от русского, более того — до 1918 года он не имел

* Бруно Калниньш, род. в 1899 г., участник социал-демократического движения в Латвии с 1913 г., депутат парламента от с.-д. в независимой Латвии. В настоящее время председатель Заграничного комитета Латвийской СДРП. Живет в Швеции.

самостоятельного государственного бытия. Однако, сумели же латыши жить после 1918 г. почти два десятилетия в демократическом, парламентском государстве, в многопартийной республике. Что Вы думаете по этому поводу?

Ответ: Я думаю, что тезис о «незрелости» русских для демократии является не только неправильным, но и опасным. По существу, это значит зачеркнуть русский народ... перечеркнуть его способности и потенции.

Впрочем, была некоторая разница в историческом прошлом наших народов: латышская культура в своем историческом развитии ориентировалась на Запад: на немцев, на шведов... С начала 17 века большая часть Латвии принадлежала Швеции, и это был, как говорят, светлый период нашей истории. Шведы не знали крепостного права. Латыши могли посылать своих представителей в шведский риксдаг. Причем там, в риксдаге, были представлены все сословия, в том числе и крестьяне. Так продолжалось до начала 18 века, пока Лифляндия не была завоевана Петром Первым.

Образование в Латвии долгое время было на немецком языке. В начале нынешнего века в Риге, Либаве, Митаве были книжные магазины, где продавались книги только на немецком языке. А через немецкую литературу (политическую, философскую, социологическую), через немецкие газеты и журналы, в Латвию проникали и европейские идеи.

Вопрос: Сколько было политических партий в Латвии после обретения ею независимости?

Ответ: Ну, даже больше, чем в нынешней Швеции. Вначале в Учредительном собрании было представлено 8 политических партий — по данным выборов 1917 года (так что, видите, эти партии существовали еще до независимости).

Вопрос: Социал-демократы были правящей партией?

Ответ: Нет, но в Учредительном Собрании социал-демократы имели 40% мест, т. е. были самой сильной партией. К 1931 году наше влияние снизилось — до 20% мест. Социал-демократы были какое-то время у власти, но не одни, а в коалиции с либералами.

Словом, Латвия была нормальной парламентской республикой. Впрочем, большевистская партия была запрещена.

Мы, социал-демократы, не считали это запрещение правильным.

Вопрос: Почему?

Ответ: Видите ли, с коммунистами в этом случае, т. е. когда они находились на нелегальном положении, было труднее бороться. Подполье, пожалуй, даже укрепляло их. В первый период независимости коммунистов не допускали к выборам как политическую партию. Затем, когда им-таки разрешили выставлять кандидатов — не как кандидатов от компартии, а от имени различных рабочих и других союзов, они собрали не более 6% голосов. Так что я очень сильно сомневаюсь, что легализация компартии могла бы повредить латышскому независимому государству.

Вопрос: Почему СССР не оккупировал Латвию в 20-е годы — в начале 30-х годов?

Ответ: Ну, тут много причин... В Эстонии они попробовали это сделать в 1924 году — но эта акция провалилась.** Впрочем, надо сказать, что СССР никогда не отказывался от этой мысли — захвата прибалтийских государств. К тому же у большевиков было особое отношение к латышам — знаменитые латышские стрелки... Эти стрелки после окончания гражданской войны в большинстве своем вернулись домой в независимую Латвию; об этом мало известно в СССР...

Вопрос: А каково было Ваше участие в политической жизни Латвии?

Ответ: Я был членом парламента от социал-демократической партии с 1918 до 1934 года. В 1934 г. у нас произошел переворот Ульманиса, как мы тогда говорили, фашистский переворот. Сейчас я назвал бы его скорее переворотом авторитарного типа, это будет точнее. Все партии были запрещены. Конечно, не было таких репрессий, как при Гитлере в Германии, но многие сторонники Ульманиса вдохновлялись той же нацистской идеологией.

Вопрос: И что же тогда произошло с Вами?

Ответ: Военный суд приговорил меня к 4 годам каторжных работ. Однако срок наказания был снижен до 3 лет.

** Имеется в виду попытка переворота в Эстонии, инспирированная Кремлем. (См. об этом, напр., у М. Геллера и А. Некрича «Утопия у власти», Л. 1982, ч. 1, стр. 222 — Б. В.)

Вопрос: За что?

Ответ: За намерение якобы сделать то, что осуществил сам Ульманис — за «попытку государственного переворота». Дело в том, что у нас, социал-демократов, была в 30-е годы вооруженная охрана, что-то вроде «шцубунда» в Австрии. Нужно было, например, поддерживать порядок на митингах и демонстрациях; приходилось охранять себя от фашистов и от коммунистов. Наличие этих отрядов самообороны и было расценено как подготовка к перевороту. После 3 лет заключения в Рижской тюрьме я сдал госэкзамены и уехал в Финляндию, работал там в Спортивном Союзе; работал и в испанском республиканском посольстве в Финляндии в качестве пресс-атташе. В 1940 г. вернулся в Латвию, работал доцентом...

Вопрос: Когда Латвию присоединили к СССР, Вас не арестовали?

Ответ: Нет, не арестовали. Арестовали меня немцы, когда они оккупировали Латвию. Арестовали — выпустили; потом снова арестовали и уже не выпускали. Причина — участие в движении Сопrotивления. Я был в немецких концлагерях, в Штутгофе...

Вопрос: Почему Вы не вернулись в Латвию после окончания войны? Ведь в 1940 году Вас не тронули?

Ответ: Видите ли, было две основные волны советских репрессий в Латвии: в 1940-41 г. г. и после окончания войны. Я чувствовал, что в советской Латвии мне будет небезопасно. К тому же, часть социал-демократов была арестована советскими властями уже в 1941 г. Арестована и депортирована.***

Вопрос: Есть ли социал-демократы в нынешней Латвии?

Ответ: Социал-демократы были в Латвии, есть и сейчас. Вам, наверное, известно об аресте в 1980 г. в Риге Юриса Бумейстера. Он арестован и осужден на 15 лет лишения

*** (Видимо, речь идет о «правых» с. -д. Левая часть сотрудничала с Москвой, исходя из убеждения, что лучше СССР, чем Гитлер—Б.В.)

свободы за социал-демократическую деятельность. Он восстановил социал-демократическую организацию в Латвии (ее не было до начала 70-х годов — были лишь отдельные люди). Странно, что «Международная Амнистия», насколько мне известно, до сих пор не адаптировала Ю. Бумейстера как узника совести.

Нам известно, однако, что Вилли Брандт обращался к советскому правительству по поводу Бумейстера. Были запросы в шведском и голландском парламентах. Шведская делегация на Мадридском Совецании по безопасности и сотрудничеству должна была также поставить вопрос о судьбе Ю. Бумейстера.

Вопрос: Вы сказали, что социал-демократы есть в советской Латвии; а за границей?

Ответ: Конечно, главная деятельность нашей партии протекает за границей. Заграничный комитет ЛСДРП — последний, можно сказать, осколок РСДРП. Уже практически не осталось никого из русских или грузинских меньшевиков, но наша партия существует. Обратите внимание и на то, что ЛСДРП возникла раньше, чем РСДРП.

Вопрос: Но процесс старения затронул, наверное, и Вашу партию?

Ответ: Нет, мы принимаем новых членов, в том числе, и молодых людей. Я председатель Заграничного комитета ЛСДРП, но двум вице-председателям — соответственно 35 и 39 лет. В самой Латвии тоже есть молодежь, старые социал-демократы там умерли. В эмиграции у нас выходят 2 газеты на латышском языке — партийная и молодежная социал-демократическая.

Вопрос: Считаете ли Вы, что у социал-демократов в СССР, в Латвии есть перспективы?

Ответ: Не буду говорить обо всем СССР, но считаю, что в Латвии такие перспективы у нас есть. Доказательством этому может служить официальная пропаганда в Латвийской ССР. По рижскому радио, в партийной газете «Циня» коммунисты без конца воюют с нами, цитируют наши издания, выходящие в эмиграции. Недавно в Риге вышла даже специальная монография о ЛСДРП, и не только по-латышски, но также и по-немецки и по-шведски. Я уже не говорю о множестве брошюр и книг, где они «полемизируют» с нами. Стало быть,

они чувствуют опасность, более того, они считают нас самым опасным отрядом латышской эмиграции. Тут ведь еще играет роль и тот факт, что нам-то советское правительство *не может* приписать сотрудничества с немцами во время войны.

Вопрос: Ваша партия представлена в Социалистическом Интернационале?

Ответ: Да, равно как и социал-демократы Эстонии, Литвы, Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии и Украины (Феденко). Но все эти партии имеют в Социинтерне право *советательного* голоса. В этом смысле они как бы не являются полноправными членами Социалистического Интернационала.

Вопрос: Почему?

Ответ: Знаете, спросите меня что-нибудь полегче. До второй мировой войны Р. Абрамович и И. Церетели были не просто рядовыми членами Социинтерна, а входили в Бюро Интернационала. В 1951 г. была реорганизация, и, конечно, партии в изгнании хотели бы иметь нормальное членство... Социинтерн смотрит на нас... словом, мы их больная совесть. Конечно, они всегда аплодируют нам после наших выступлений...

Между тем, когда Латвия была независимой, мы помогали как могли, нашим братским партиям. Мы, например, засылали в СССР меньшевистский «Социалистический Вестник» через латвийскую дипломатическую почту...

Впрочем, здесь, в Швеции, социал-демократы нас поддерживают. На это мы не можем обижаться.

Вопрос: Но, как я понимаю, между Вашей партией и западными социал-демократиями существуют определенные разногласия?

Ответ: Не по принципиальным вопросам, таким, скажем, как вопросы демократии и диктатуры, программы социалистических реформ и т. д. Они, как и мы, — интернационалисты. Но разногласия наши касаются вопросов текущей политики. Мы не согласны с их уступчивым подходом по отношению к СССР — особенно я имею здесь в виду внешнюю политику скандинавских социал-демократических партий и западно-германских социал-демократов. Нам не нравится, что они не очень-то критикуют внутреннюю политику СССР — все

усиливающиеся там репрессии. Можно сказать, что они имеют какие-то иллюзии относительно СССР — возьмите хотя бы так называемую «Комиссию Пальме». Они иногда ставят на одну доску СССР и США. А на деле получается, что они как будто выступают больше против США, чем против СССР.

Вопрос: А Вы сами как смотрите на роль США?

Ответ: Не будь США, мы бы с Вами здесь не сидели и не беседовали. Без американского оружия Европа оказалась бы беззащитной перед лицом СССР. Западноевропейские страны не смогли бы существовать как независимые государства. К сожалению, этого многие не понимают. Здесь, в Швеции социал-демократы больше критикуют ЮАР, хотя Швеция граничит через Балтийское море с СССР. Казалось бы, больше внимания должно было бы уделяться Советскому Союзу...

Вопрос: Но если шведские и вообще западные социал-демократы знают Ваши взгляды, то они, наверное, считают Вас «реакционером», «рыцарем холодной войны» и т. д.?

Ответ: Ну, нет, не так-то легко Вилли Брандту сказать обо мне что-нибудь подобное. Я ведь с 1923 года являюсь делегатом Социнтерна, а Вилли Брандт был тогда ребенком. Но, как я уже сказал, определенные разногласия существуют.

Вопрос: Социал-демократические партии возникли в конце прошлого века как партии марксистские. Но что сейчас осталось в Вашей, например, партии от марксизма?

Ответ: Очень мало. Наша партия развивается одновременно с меняющимся миром. Да, когда-то наша партия была марксистской. Теперь мы сходны по идеологии со скандинавскими социал-демократами. Мы стоим на позициях эволюции, социальных реформ. Мы критикуем не только ленинизм (это само собой), но и старый классический марксизм.

В Советском Союзе марксистов уже не осталось. То, что там называется марксизмом-ленинизмом — официальная идеология — это совсем не марксизм Карла Маркса.

Но при всем нашем критическом подходе к марксизму, мы все-таки используем часто его метод.

Вопрос: Хотели бы латышские социал-демократы выступить

отдельно от других течений латышской оппозиции или же вместе с ними?

Ответ: Мы стоим на той точке зрения, что необходима общедемократическая оппозиция советскому режиму. Мы согласны сотрудничать со всеми группами оппозиции и правозащитного движения при условии, что нас объединяет общая цель: восстановление демократии в Латвии и восстановление независимого латвийского государства.

(Интервью взято в Стокгольме 30 января 1983 года.)

Б. Вайль

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПОИСКИ»

вышла в свет

КНИГА ЭМИЛЯ КОГАНА

«СОЛЯНОЙ СТОЛП

**(Политическая психология
А. Солженицына)»**

«POISKI»

**2, rue Henri Koch,
94000 Créteil, France.**

200-ЛЕТНИЕ РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ТРАКТАТА

Отвергаем царский юбилей!

(Статьи из грузинского самиздатского журнала
«Сакартвело» N 1, 1982 г.)

Ни для кого не секрет, что скоро в широком масштабе будет отмечаться юбилей господства в Грузии русского царизма — того самого царизма, который в конце восемнадцатого века всевозможными дипломатическими трюками и коварством, под маской «единоверия», обманул измученного внешними нашествиями и внутренними раздорами старого царя Грузии Ираклия Второго и склонил его к заключению неравноправного договора, или Трактата, с экспансионистской целью. В результате царизм вырвал у него царство, а после смерти Ираклия Второго превратил его царство в русскую колонию.

Русский царизм не выполнил ни одного пункта им же самим заключенного договора, т. к. намеревался обманным путем захватить нашу страну. К этому побуждали Россию ее торговые и политические интересы на Востоке. Трактат обязывал Россию опекать Грузию, т. е. быть ее покровителем. Грузинское же царство, со своей стороны, обязано было соблюдать вассальное подчинение. Одним из главнейших пунктов Трактата было сохранение власти царской династии Багратиони и полного суверенитета Грузии, а также соблюдение принципа невмешательства в ее внутренние дела. Но как только умер царь Грузии Георгий XII — сын Ираклия Второго — Россия пренебрегла его просьбой о возведении на грузинский престол его сына Давида. Александр Первый Манифестом от 12 сентября 1801 года упразднил царский престол в Грузии и тем самым превратил Грузию в одну из «губерний». Кроме того, Манифест лишил Грузинскую церковь самостоятельности, т. е. она перестала быть автокефальной и была присоединена к Русской церкви (упразднением должности католикоса и введением должности экзарха).

Трактат 1783 года, вместо спасения, навлек на грузинский народ огромное несчастье, подняв против Грузии весь мусульманский мир, в первую очередь Персию, Османскую империю и соседние ханства. Их нашествия довели грузинский народ до грани физического уничтожения. История показывает, что если бы не Трактат, то у нас не возникло бы столь катастрофическое положение. Трактат предусматривал оказание военной помощи Грузии, но, несмотря на это, Россия ни разу не оказала Грузии реальной помощи и, тем самым, способствовала ослаблению Грузинского царства и его полному падению. Так Россия окончательно захватила Грузию.

И вот сегодня вся официальная Грузия готовится отметить этот юбилей — юбилей коварного предательства Россией ее союзника. Юбилей этот является юбилеем царизма, т. к. именно царизм был автором Трактата. Возвеличивание этого Трактата означает возвеличивание Екатерины Второй и Потемкина — самых реакционных представителей русского самодержавия. Такая оценка им дается и марксистской историографией.

Фальсификация истории приняла такие размеры, что в официальной грузинской прессе автором Трактата объявляют русский народ, тогда как его заключили царь и его прислужники, которые, как известно, не являлись выразителями воли и желаний народа. Известно также и то, что русский народ ничего не знал об этом Трактате. Как явствует из поэмы Николоза Бараташвили «Беди Картлиса» («Судьба Карталинии»), и грузинский народ ничего не знал о плане объединения Грузии с Россией. На каком же основании объявляют присоединение «проявлением воли двух народов»?

Сегодня официальная пропаганда изображает дело так, что будто бы празднуется не аннексия Грузии в 1801 году войсками Александра I, а сам акт заключения Трактата, который представляют высшей степенью проявления «дружбы» и «породнения» двух народов. Таким образом, получается, что Грузино-Русский Трактат 1783 года заключили бескорыстные святые, а акт присоединения 1801 года осуществили злоумышленники. Но разве Александр Первый — не плоть от плоти и кровь от крови Екатерины II? Разве

генерал Кнорринг, который аннексировал Грузию и отвез в Россию последнюю царицу Грузии Мариам и грузинских царевичей, не является копией и подобием Потемкина, которому Екатерина выражала особую благодарность за захват Грузии? Разве существовала какая-нибудь разница между их целями и методами? Нет! Никакой!

Для имперской политики всех времен были характерны два основных свойства: обман и насилие. Этими двумя главными методами пользовались империи для порабощения и ассимиляции малых народов. Трактат Екатерины Второй был обманом, а Манифест Александра I — его логическим продолжением, т. е. насилием. Таким образом, они представляют собой два различных аспекта одной общей тактики.*

Цинизм и извращение истории приняли такие размеры, что сегодня официальная пресса упорно твердит, что будто бы Грузия восторженно встретила вступившую в ее пределы русскую армию. В «подтверждение» этой мысли газета «Комунисти» («Коммунист») отметила, что в это время торговцы Тбилиси устроили на площади праздник. Редакции «Комунисти» должно быть хорошо известно, что торговцы, ликовавшие на площади, точнее — на площади Шайтанбазара, вовсе не были грузинами. Это были те самые торговцы, которые во время нашествия Ага-Мохаммед-хана передали врагу ключи осажденной Тбилисской крепости и тем самым способствовали разорению Грузии. Естественно, что они с удовольствием праздновали новое национальное несчастье Грузии.

И сегодня у нас еще много подобных торговцев, торгующих всем, чем угодно — начиная с собственной совести и кончая судьбой родной нации. Скорее всего, именно они, подстегиваемые страстным честолюбием, стремлением к медалям и креслам, будут пуще всех праздновать 200-летие обмана Ираклия Второго и грузинского народа Екатериной Второй и Потемкиным, так же как в 1901 г.

* В последнее время без всякого стеснения акт присоединения, ввиду его «прогрессивности», уравнивали с актом заключения Трактата (газета «Комунисти», 15 апреля 1982 г.).

праздновала грузинская аристократия 100-летие русского штыка в Грузии.

АКАДЕМИК И. ДЖАВАХИШВИЛИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ ГРУЗИИ К РОССИИ

В V том «Истории грузинского народа», который принадлежит перу академика И. Джавахишвили,¹ включены его труды «Отношения между Россией и Грузией в XVIII веке» и «Социально-политические движения в Грузии XIX века»² (первый из них был издан в Тбилиси еще в 1919 году, т. е. во времена независимости Грузии). В предисловии автор отмечает, что при существовавших раньше в России политических условиях и цензурных ограничениях историки (З. Авалишвили,³ М. Хелтуплишвили и др.) не могли открыто и правдиво описывать историческую действительность того времени. «Теперь, после восстановления независимости Грузии, — отмечал И. Джавахишвили, — каждый гражданин Грузии обязан знать прошлое своей страны. в особенности такой отрезок ее истории, каким был XVIII век. Будущие грузинские политики найдут в нашем прошлом много поучительного и предостерегающего». (В V томе это исследование приведено со значительными сокращениями.)

Акад. И. Джавахишвили начинает свой труд с описания политической обстановки в Грузии в XVIII веке, когда она находилась в крайне тяжелом положении, а русские дипломаты старались убедить Вахтанга VI в том, что Петр I якобы собирается избавить Грузию от персидско-османских посягательств и спасти христианство в Грузии.

В действительности же Россия имела особые экономические интересы на Востоке, в частности в Персии. Петр I

1. Иван Александрович Джавахишвили, 1876-1940 (БСЭ, изд. 3, т. 9).

2. По-русски опубликован в 1906 под назв.: «Политическое и социальное движение в Грузии XIX в.»

3. Он же — Зураб Авалов. Автор работы «Присоединение Грузии к России», Нью-Йорк, 1981 г.

хотел, чтобы русские купцы взяли в свои руки торговлю с Персией, и чтобы весь персидский шелк ввозился в Россию. Для облегчения экономического закабаления Персии Петр I намерился завоевать Закавказье и территории, прилегающие к Каспийскому морю. Поэтому он решил использовать в интересах России Вахтанга VI и Грузию в своей политической игре с дальним прицелом. «Царь Вахтанг и влиятельные лица Карталинии приняли за чистую монету эти завуалированные дипломатические происки, — пишет И. Джавахишвили. — Они не могли себе представить, что могущественный государь-христианин может замышлять коварные планы. Вахтанг VI, как и другие, был уверен, что, как только он вступит в союз с Петром I, русская армия сразу же выступит против врагов Грузии (Д. Гурамишвили, „Давитиани“)».

Образованный, начитанный царь Грузии Вахтанг VI не отличался политической дальновидностью: он слепо поверил этой дипломатической игре и с 40-тысячной армией вступил в бой с Персией. Но его союзник-«христианин» не торопился ему помочь. Вахтангу VI пришлось отступить на север, тем самым оставив Грузию одну лицом к лицу с разгневанным персидским шахом и мусульманским миром. Это и явилось причиной политической катастрофы Вахтанга VI и его эмиграции в Россию.

Во времена Теймураза II и Ираклия II Грузия продолжала поддерживать дипломатические отношения с Россией. К сожалению, и эти цари не смогли сделать правильных выводов из горьких уроков, полученных Вахтангом VI и другими грузинскими царями. Они продолжали поддерживать эти отношения, т. к. надеялись заключить союз в борьбе против Персии и Османской империи и получить военную помощь.

Воодушевленный тем, что русское правительство наконец-то послало на помощь войска под командованием Тотлебена, Ираклий II в 1770 году атаковал войска ахалцихского паши. Но Тотлебен неожиданно изменил Ираклию и оставил его одного на поле боя. Только отвага и военное искусство Ираклия спасли Грузию от неминуемого уничтожения.

Несмотря на то, что Россия не выполнила данных обещаний и Грузия так и не получила реальной помощи,

Ираклий II все же не порвал с ней дипломатических отношений, ввиду чего положение Грузии с каждым днем ухудшалось из-за все возраставшей мусульманской агрессивности. Правда, Ираклий добился некоторых военных успехов, но тем не менее он не считал, что Грузия и он сам находятся в полной безопасности. Учитывая невозможность установить политические связи с Европой, Ираклий решил воспользоваться советом немецкого путешественника Райнегса и официально просить российское самодержавие о покровительстве.

Акад. И. Джавахишвили выяснил, что этот путешественник действовал по специальному тайному поручению фельдмаршала князя Потемкина, главнокомандующего армией Российского государства. Далее мы увидим, какими далеко идущими планами руководствовался Потемкин.

24 июля 1783 года представители России и Восточной Грузии подписали договор, т. е. Трактат. И. Джавахишвили пишет: «В этом договоре определены правовые отношения между Россией и Грузией. В ст. 6, например, говорится, что „Ее Императорское Величество, благожелательно принимая под высочайшее государственное покровительство Карталинское, Кахетинское и Грузинское царства, от своего имени и от имени наследников своих обещает: 1) считать народы этих царств состоящими в тесном союзе и согласии с государством своим и, следовательно, врагов этих царств считать своими врагами.»⁴

Согласно Трактату, русская императрица от своего имени и от имени наследников своих обещала, что «цари Карталинии и Кахетии никогда не будут лишены их покровительства и

4. Так в обратном переводе с грузинского. В рус. тексте Трактата: «Арт. 6. Е. И. В., приемля с благоволением признание верховной Ея власти и покровительства над Царствами Карталинским и Грузинским (sic), обещает Именем Своим и преемников своих: 1) народы тех Царств почитать пребывающими в тесном союзе и совершенном согласии с Империей Ея и, следственно, неприятелей их признавать за своих неприятелей...» (З. Авалов, указ. соч., с. 282). Sic — примечание Авалова.

помощи» (ст. 2).⁵ Право на царский престол в Грузии переходило по наследству. Русская царица обещала, что царь Ираклий и его наследники всегда и постоянно будут сохранять за собой это право (ст. 6).

Царский престол цари Грузии принимали по наследству. Отношения между государем России и царем Грузии выражались в том, что царь, взошедший в силу наследственного права на грузинский престол, должен был немедленно сообщить об этом российскому государю через своего посланника и просить утверждения с инвеститурой и вручения царских регалий. После получения всего этого царь в присутствии российского министра должен был поклясться в верности России и признать покровительство над собой русских государей (ст. 3). Царь Грузии оставался совершенно независимым во внутренних делах царства, в частности в вопросах законодательства, судопроизводства, а также в сборе налогов (ст. 6)...

Значение этого договора для Грузии заключалось в том, что Россия обязывалась оказывать помощь Грузии в обороне страны от нашествий врагов и соседей. С этой целью Россия должна была держать в Восточной Грузии два полных батальона пехоты с четырьмя пушками (отдельная статья). Неприкосновенности границ тогдашней Восточной Грузии посвящена ст. 2. Однако И. Джавахишвили далее отмечает, что Ираклий не только с этой целью заключил договор. Он ставил себе более широкие и далекоидущие цели, в частности восстановление и объединение всей Грузии. Здесь же отмечено, что Грузия, со своей стороны, обязывается помогать России и оказывать особое покровительство ее подданным. Акад. И. Джавахишвили анализирует замечания ряда ученых о Трактате и заключает, что Трактат представлял собой договор о союзе и покровительстве. В подтверждение он приводит документ, написанный по

5. Так в обратном переводе с грузинского. В рус. тексте Трактата: «Арт. 2. Ее Императорское Величество... обещает и обнадеживает... что милость и покровительство их от Светлейших Царей Карталинских и Кахетинских никогда отъемлемы не будут» (З. Авалов, указ. соч., с. 280).

распоряжению Екатерины II. В этом документе отмечено, что, «по мнению Ее Величества договор о союзе с грузинскими царями (т. е. с Ираклием II и Соломоном) должен быть заключен таким образом, чтобы эти цари считались не подвластными вассалами Российского государства, а союзниками, находящимися под покровительством Русского государства».

И действительно, в Трактате вообще ничего не сказано о подданстве царя Грузии и граждан Грузии. Государь российский от своего имени и от имени своих наследников обязуется «считать Грузию состоящей в тесном союзе с Россией и полностью равноправной с ней, а ее врагов считать своими врагами». Царь Ираклий, царь Соломон и князья были уверены в том, что Грузия в лице России приобрела только «союзника и покровителя».

«Таким образом — заключает И. Джавахишвили, — сами стороны, подписавшие Трактат 1783 года, считали его договором о „покровительстве и союзе“, и поэтому мы не имеем права считать его документом иного значения только на основании известного отличия современного толкования правовых вопросов от взглядов того времени».

В следующих главах И. Джавахишвили пишет о катастрофическом ухудшении политического положения Грузии после заключения Трактата — об активизации внешних врагов, полном пренебрежении Россией ею же самой подписанным Трактатом, плачевном положении Грузии, брошенной Россией на призыв судьбы, опустошение Грузии Ага-Мохаммед-ханом, полном упадке Грузинского царства и, наконец, об аннексии его Россией.

Да, в то время Грузия действительно находилась на грани физического уничтожения. Но те, кто сегодня трубит о том, что «Россия спасла Грузию от физического уничтожения», не должны забывать и того, что опасность уничтожения нависла над Грузией по вине самой России, ее коварной и предательской политики. (Население Восточной Грузии с 61 тысяч дворов упало до 35 тысяч.)

В ст. 12 Трактата сказано, что изменение условий договора или внесение в него дополнений возможно только с согласия обеих сторон. Но русские цари впоследствии не только изменили Трактат без согласия второй стороны, но и

вообще упразднили его. Александр I Манифестом от 12 сентября 1801 года отменил Трактат и тем самым упразднил царский престол Грузии и аннексировал Грузию, лицемерно заявляя при этом, что эти шаги продиктованы искренним стремлением к благосостоянию Грузии. Но красивые слова не могли скрыть правды, т. е. того, что политика русского правительства представляла собой не что иное, как откровенное насилие, нарушение клятвы и обязательств.

Что касается работы «Социально-политические движения в Грузии», входящей в V том, то, несмотря на жестокость цензуры царской России, в 1906 году ее все же удалось опубликовать. Но у современной цензуры оказался куда более зоркий глаз. В 1954 году было запрещено и это исследование. В нем описана борьба грузинского народа против самодержавия и российского бюрократического режима, который принес Грузии неисчислимые бедствия после ее захвата обманным путем, т. е. «присоединения». В этой работе рассказано о восстании горцев Грузии 1804 года, кахетинском восстании 1812 года, имеретинском восстании 1820 года, заговоре 1832 года, восстании Мингрелии 1856 года, бунте в Сигнахи в 1878 году, гурийском восстании 1901-2 годов. Таким образом, показано, что грузинский народ не сидел сложа руки, глядя на уничтожение своего государства и своей церкви русским царизмом. Народ и духовенство боролись за свои права, а самодержавие оружием подавляло любое проявление недовольства, отправляя организаторов на виселицы или в Сибирь. Именно из-за объективного освещения этих событий оба указанных труда и объявлены сегодня вне закона.

АКАДЕМИК Н. БЕРДЗЕНИШВИЛИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ ГРУЗИИ К РОССИИ *

Приведенный ниже материал взят из неопубликованного труда известного грузинского историка Н. Бердзенишвили⁶ под названием «Н. Бараташвили и некоторые вопросы

6. Николай Александрович Бердзенишвили, 1894 г. р. (Сов. ист. энц., т. 2).

истории Грузии первой половины XIX века». В этих отрывках определена суть самодержавной политики русского царизма в отношении русского народа. Сейчас, когда в процессе подготовки к 200-летию юбилею Георгиевского трактата нас стараются убедить в том, что вступление России в Грузию два столетия тому назад осчастливило грузинский народ, издание такой работы было бы очень полезно, однако редакция «Мнатоби» отказалась опубликовать ее. За неимением лучшего варианта придется на сей раз удовлетвориться нижеследующими отрывками.

I. Совершенно необычная ситуация сложилась в Грузии (имеются в виду 1783-1800 гг.). На протяжении трех веков Грузия была наивернейшей союзницей России. За это ей пришлось испытать не одно страшное наказание со стороны османов и персов. Набеги шаха Аббаса, османов, Надир-шаха, Омар-хана, аварцев, Ага-Мохаммед-хана — таков был ирано-османский ответ на прорусскую политику Грузии. И наконец, Грузия оказала России огромную услугу. Россия в те времена лишь подступала к Кавказу. Грузия же одним махом, без войны, за счет своей крови, перебросила Россию в самое сердце Закавказья. Тем самым Россия, находившаяся ранее на оборонительных позициях, перешла на наступательные, атакующие позиции. Все это хорошо понимало российское правительство, но в его планах Грузия должна была существовать лишь постольку, поскольку она находилась в таком важном районе, который необходим был России для решения вопросов Ближнего Востока. (Циник Ермолов ясно и определенно выразил это, сказав: «Если бы Грузия нас не пригласила, то мы бы ее завоевали».) Создавалась странная ситуация: покровитель собирался проглотить своего безгранично преданного союзника, который на покровительство ничем, кроме верности, не отвечал; более того, за такую преданность Иран и османы на протяжении 17 лет (1783-1800) с особой жестокостью расправлялись с ним. (Это признают и официальные русские источники.) Жестокая расправа с верной союзницей оказалась возможной, потому что ее покровитель (т. е. Россия) не выполнял своих обязательств. В весьма неловком положении оказались и те, кто именовался дипломатами российского правительства. Это правительство нашло поистине иезуитское решение. Государь Павел

цинично и бесцеремонно объявил союзницу Грузию «губернией» и приступил к «облагодетельствованию» этой многострадальной страны. Вероятно, трудно найти в мировой дипломатии такой документ, который по лицемерию и коварству мог бы превзойти Манифест Александра.

«Осчастливить» Грузию было поручено русским чиновникам. Это т. н. «облагодетельствование» предусматривалось *официальной программой*. Эта программа была изложена так, что российское правительство выглядит в ней не корыстолюбивым захватчиком, а, наоборот, бескорыстным благодетелем и покровителем. В соответствии с программой грузинам надлежало только радоваться. Чиновник и воин, большой и малый, проводили эту программу. А когда грузины не согласились с таким решением и крестьяне поднялись на борьбу за справедливость, а Соломон и Александр (имеются в виду Соломон II и Александр-царевич) — на борьбу за грузинскую государственность, за политическое будущее Грузии, то «носители счастья», разумеется, рассердились. Что же еще они должны были утверждать, как не то, что грузины плохие люди, что все грузинское никуда не годно, что грузины глупы (т. к. они отвернулись от счастья), что грузины неблагодарные азиаты, что грузинское право плохое и грузинская церковь плохая и т. п. Вот такие документы и явились основными источниками для написания истории Грузии 19 века. Авторами этих сообщений были закаленные политики и члены тех групп, которые играли значительную роль в мировой политике того времени (Ермолов, Несельероде, Паскевич и другие). Ежедневно каждое письмо, «секретное» или «официальное», било в одну точку: унижить, опорочить все грузинское (потому что грузины не молились на тех, кто принес им «счастье»). И так продолжалось не год, не десять, а сто и более лет. Именно на основании таких источников пишут историю Потто-Дубровины⁷ и им подобные авторы. Целью этих авторов, как и используемых ими источников, было одно — внушить представления о том, что

7. Василий Александрович Потто, 1836-1911, рус. воен. историк (Сов. ист. энц., т. 11); Николай Федорович Дубровин, 1837-1904, рус. воен. историк (БСЭ, изд. 3, т. 8).

российское правительство, действуя бескорыстно, принесло Грузии счастье, что вообще все «европейское», приносимое «европейцами», — счастье, а все местное — «азиатское», а сам местный народ — не достоин такого счастья, т. к. народ этот — дикий, неблагодарный, не имеет ни своей культуры, ни литературы, ни права. Именно это старались вдолбить грузинскому народу подобные труды и их авторы. *Это была идейная борьба, направленная на уничтожение, ассимиляцию грузинской нации* (т. е. на ее «облагодетельствование»). Эта идейная борьба сопровождалась всесторонним притеснением грузинского народа. К сожалению, все это многим удалось внушить. И наконец, один из последователей этих авторов, их единомышленник (имеется в виду монархист Родзянко) даже написал, что легче найти зеленого ишака, чем разумного грузина.

II. Следует обратить внимание на один вопрос. Историки царизма рассуждали просто: Россия спасла Грузию, она принесла ей мир. Значит, борьба против России является неблагодарностью, предательством христианства, поддержкой Ирана и османов. Но эти историки ничего не говорят о том, что Россия готовила для Грузии свободу в могиле (мир был необходим Грузии для ее возрождения), что освобожденная от османов и персов Грузия оказалась скованной русскими цепями (и эта свобода нужна была Грузии для ее возрождения). Для историков царизма простительны такие «суждения». Но вызывают удивление утверждения историков нашей, советской, эпохи: согласно их представлениям Россия того времени была прогрессивным государством, Иран и Османская империя — государствами реакционными, и Грузия никогда бы не получила независимость, если бы не пришла Россия и не спасла ее. Следовательно, борьба против России предосудительна. Но такая логика не соответствует исторической действительности. Да, верно, Иран и Османская империя для Грузии были неприемлемы. Борьба против них была необходима и совершенно оправдана (и, к славе Грузии, надо сказать, что она на протяжении четырех веков сопротивлялась). Но спрашивается, за что боролась Грузия? За самобытность, за восстановление и возрождение. Россия захватила Грузию (мы же не историки того времени, чтобы выяснять, захватил ли царизм Грузию. Если упраздняют

политическую власть, отнимают язык и судопроизводство, то, что это, как не захват?) Разве грузинский народ не должен был бороться против этого? Грузинский народ обязан был придерживаться российской ориентации в ирано-османско-русском вопросе. Но, спрашивается, зачем? — Для освобождения и возрождения; если не для этого (единственно прогрессивной цели для всех народов во все времена), то для чего же нужна была Грузии Россия? А что получила Грузия? Свободу в могиле, свободу со связанными руками и ногами. И поскольку Россия не способствовала освобождению и возрождению Грузии,... поскольку упразднение права, языка и оскорбление национального достоинства превращали Грузию в полицейский околоток, подчиненный капитан-исправникам, то грузинский народ должен был бороться и он действительно боролся. Эти горе-историки рьяно нападают (вместе с капитан-исправниками) на грузинский народ, возмущенно заявляя: да как вы посмели выступить против прогрессивной России! Бросается в глаза одна любопытная деталь. Понятно, что историки царского времени исходили из документов и некритически повторяли сказанное в них — потому что утверждения этих документов совпадали с их взглядами. Следовало ожидать, что советские историки приступят к основательной критике исторических источников царской эпохи, но, к нашему великому удивлению, с такой критикой до сегодняшнего дня ни один историк (разумеется, советский) еще не выступил. Это явное доказательство того, что советские историки либо не в состоянии дать такую критику, либо они молчаливо соглашались с приведенными в вышеуказанных источниках положениями.

Возьмем для примера факт упразднения в Грузии царской власти. Разве не бесспорно, что этот, даже формально незаконный акт, является насилием и обманом? Разве не бесспорно утверждение о том, что царская Россия силой и обманом захватила Грузию? Как можно утверждать, что этот захват, (и по существу, и формально) является проявлением воли грузинского народа?!

Историки царского времени в своих трудах, естественно, выступают в защиту законности «присоединения» и считают предателями и преступниками всех тех, кто выступает против

этого. Понятно, что если действия волка оценивает сам волк, то конфликта не возникает. Но странно, когда советский ученый соглашается с такими «доказательствами».

Разве можно оправдать захват? Некоторые «мудрецы» (конечно же, «мудрецы» нашего времени) отрицают даже сам факт захвата. Это было присоединение, а не захват — повторяют они. Трудно представить большой цинизм. Отняли у народа политическую самостоятельность, отняли язык, изменили законодательство, народ к управлению не допустили — что же это, если не захват? *Если же нет оправдания такому захвату, то как же можно осуждать борьбу против него.*

Что такое захват? Это чужой язык, чужое правосудие, чужое правление, чужие судьи — и все это опирается на военную силу. Разве не все равно, как и в каких условиях было установлено все это? Главное здесь — само явление, которое нельзя охарактеризовать иначе, как захват. Как мог грузин признать своим то, чего он не понимал, то, о чем он не имел представления, и то, что противоречило его взглядам? За это непризнание с ним расправлялись оружием. И, конечно же, грузины все это восприняли как захват. Именно так понимали это С. Додашвили⁸ («Манифест»), Эристави («О манифесте»), Н. Бараташвили (давший глубокий анализ этих событий). Так, собственно, понимали это и в России, иногда там этого даже и не скрывали — конечно, в тех случаях, когда не было нужды в повторении надоевших рассуждений о присоединении.

Пришедшие в Грузию русские, начиная с Александра (Манифест), столько розглагольствовали о праве, справедливости, рыцарской чести, прямоте, «европействе», покровительстве, что неискушенные люди начинали верить во все это, а у опытных и неверящих возникли сомнения. Мне кажется, немало было таких людей, которые чистосердечно поверили всей этой настойчивой пропаганде. Если бы нам не были известны генеральные планы (конечно, совершенно секретные) царского двора, в которых захватнические цели не скрывались, то нам, вероятно, пришлось бы вместе с

8. Соломон Иванович Додашвили, 1805-1836, груз. обществ. деятель, философ (Сов. ист. энц., т. 5).

другими согласиться с теорией о благих намерениях русского царизма (и неблагодарности осчастливленных стран). Но, к счастью, множество неоспоримых фактов, в т. ч. и приведенные в этом недостаточно полном исследовании, свидетельствуют о том, что Россией руководило не стремление к нашему спасению, а свои собственные интересы.

III. Чтобы упрочить свое положение в захваченных странах, что оказалось трудным, а также чтобы избавиться от бесконечных расходов и убытков (материальных и человеческих), Россия после использования различных методов, оказавшихся бесплодными, в конце концов нашла, по ее мнению, безупречное средство, а именно — русификацию с помощью просвещения. Просвещение с целью колонизации было новым методом. Но в руках царизма оно не могло дать желаемого эффекта. Просвещение по своей природе не может служить орудием колонизации, оно, скорее, может служить средством освобождения от колониальной зависимости. Во-первых, разве мог царизм проводить просвещение народных масс так широко, чтобы добиться их русификации? Во-вторых, просвещение, хоть и велось «немым» способом, т. е. не на родном языке, все же давало определенные знания. Результат был явно противоположным ожиданиям царизма. Наверно, не найдется другого такого колониального государства, которое ставило бы перед просвещением такую дикую, мрачную цель. Именно потому завоеванные царизмом народы и возненавидели российское просвещение, что оно преследовало столь мрачные цели; а все то полезное, что могло дать образование, эти народы заимствовали и использовали в борьбе против колонизаторов. Что же касается обрусения высшего слоя помещичье-княжеского сословия, то это было не результатом образованности этого слоя, а наоборот — результатом необразованности. Эта часть помещичье-княжеского сословия, обеспеченная царскими пенсиями, вела паразитический образ жизни и не имела ничего общего с жизнью и борьбой грузинского народа. Этот слой давно порвал связь с Грузией. А что касается здоровой, патриотической части этого сословия, то русские образование служило им для разрешения грузинских проблем.

О НАРУШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРУЗИНСКОГО НАРОДА

(Обращение представителей грузинской общественности)

Генеральному секретарю ЦК КПСС,
Председателю Президиума Верховного
Совета СССР
Л. И. Брежневу

Кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС,
Первому секретарю ЦК КП Грузии
Э. А. Шеварднадзе

Мы, нижеподписавшиеся, считаем необходимым известить Вас о нарушениях конституционных прав грузинского народа.

Принятое в 1975 г. «Положение» ВАКа¹ (§ 83), в отличие от предыдущего, обязывает представлять к утверждению кандидатские и докторские диссертации исключительно на русском языке, а также предусматривает представление в ВАК на русском языке опубликованных на нерусском языке трудов, относящихся к диссертации.

Более того, сам процесс защиты на нерусском языке разрешается лишь при согласии членов Ученого Совета и оппонентов.

Вследствие этого грузинский язык, имеющий древнейшие научные традиции и богатую научную терминологию, складывавшуюся веками, утратил юридическую правомочность в столь ответственной сфере научной жизни, что ведет, по существу, к вытеснению грузинского языка из науки.

Мы считаем, что параграф 83 «Положения» ВАКа от 1975 г. тормозит развитие грузинской научной мысли, грузинского языка и всей грузинской советской культуры и является

1. «Положение о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» — «Бюллетень Министерства высш. и ср. спец. образования СССР.», апрель 1976, N 4: 13-26.

нарушением конституционно закрепленного принципа национального равноправия народов СССР.

В этой связи вызывают тревогу некоторые постановления, принятые за последнее время. Например, Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 6/12-1978 г. N 1116.² Проведение в жизнь этого Приказа означает введение чтения специальных дисциплин на грузинских отделениях высших и средних специальных учебных заведений вместо грузинского на русском языке, а также фактически обязывает к написанию курсовых, дипломных работ и проектов, отчетов по производственной практике не на грузинском, а на русском языке.

Были изменены также и школьные программы. В результате перераспределения часов было увеличено количество уроков русского языка за счет родного языка и других предметов.

Кроме того, в последнее время началась пропаганда введения двуязычия (родного и русского языков), что в конечном итоге приведет к постепенному умалению роли и значения грузинского языка.

Все перечисленные меры никоим образом не способствуют ни развитию культуры грузинского народа, ни улучшению обучения русскому языку, ибо насаждаемая подобными методами система приводит к неполноценному владению родным и русским языками, что понижает интеллектуальный и творческий потенциал нации.

Полноценное и эффективное изучение русского языка возможно лишь при условии максимально всестороннего развития родного языка.

Особо следует обратить внимание на неудовлетворительное преподавание истории Грузии в средней школе. Из общего количества часов, отведенных истории СССР, на долю истории Грузии выделена лишь четвертая часть, чего совершенно недостаточно для изучения многовековой истории грузинского народа.

2. «О мерах по дальнейшему совершенствованию изучения и преподавания русского языка в союзных республиках», выписку см. «Бюллетень Мин-ства высш. и ср. спец. образования СССР», февр. 1979, N 2: 20-22.

Все вышеизложенное, по существу, ведет к постепенной утрате национальных прав грузинского народа, завоеванных в борьбе с царизмом, противоречит ленинской национальной политике и является нарушением конституционного статуса грузинского народа.

Поэтому мы считаем необходимым отмену § 83 «Положения» ВАКа от 1975 г., Приказа Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 6/12-1978 г. N 1116, восстановление ликвидированных часов родного языка и других предметов в средней школе, увеличение количества часов для изучения истории Грузии, восстановление данного предмета как самостоятельной дисциплины с внесением оценки в аттестат и внесение полного курса истории Грузии в программу истории СССР при сдаче приемных экзаменов в вузы Грузинской ССР.

Тбилиси, июнь 1980 года.

Под письмом — 365 подписей, среди которых подписи:

члена-корреспондента АН СССР А. Шанидзе, академиков и членов-корреспондентов АН ГССР: А. Чикобавы, Г. Читаи, С. Джикии, С. Каухчишвили, Н. Чавчавадзе, Т. Шарадзенидзе, К. Ломтатидзе, Э. Метревели, Т. Копалейшвили, М. Андроникашвили, О. Гудушаури;

народных артистов СССР: композиторов, лауреатов Государственных премий А. Мачавариани, А. Баланчивадзе, Ш. Мшвелидзе, Героя Социалистического труда В. Анджапаридзе, директора и главного режиссера театра им. К. Марджанишвили Г. Лордкипанидзе, Р. Чхиквадзе, О. Мегвинет-Ухуцеси;

народных артистов и заслуженных деятелей искусств ГССР: Г. Канчели, С. Канчели, С. Насидзе, М. Джапаридзе, главного режиссера театра им. Ш. Руставели Р. Стуруа;

директора Литературного музея Грузии И. Орджоникидзе и ученого секретаря этого института Ц. Букураули, директора Центрального архива литературы и искусства Грузии Г. Гургенидзе, директора Музея искусств Грузии Т. Сакварелидзе, директора Института физиологии и патологии женщины Т. Месхи, директора театра им. Ш. Руставели А. Бакрадзе, декана Тбилисской государственной консерватории Р. Тавадзе, зам. директора Музея Грузии А. Джавахишвили;

известных кинорежиссеров: О. Иоселиани, Т. Абуладзе, Л. Гогоберидзе, Г. Шенгелии, С. Жгенти, М. Кокачашвили, Б. Цуладзе, киносценариста Э. Ахвледзиани, известных писателей и поэтов, художников, ученых, врачей и учителей.

ЖАБОТИНСКИЙ И УКРАИНА

1.

Владимир (Зэв) Жаботинский — возможно, самая блестящая фигура в истории сионизма. Он родился в Одессе в 1880 году в культурно русифицированной еврейской семье. Получив русское образование, он обещал стать видным русским писателем, поэтом, переводчиком. Волна еврейского национального сознания, неожиданно поднявшаяся после кишиневского погрома 1903 года, захватила и его, превратив в национального патриота и сиониста. После этого и до самой смерти в 1940 году он был активнейшим — действительно самым активным по количеству выступлений, статей, книг, политических и военно-политических акций, по количеству созданных им организаций и печатных органов — деятелем сионистского движения.

Но Жаботинский известен не только и даже не столько как активист сионизма — он известен как революционер в области сионистских и вообще политических идей. Созданную им вторую, параллельную всемирную сионистскую организацию он назвал Организацией сионистов-ревизионистов (позже она называлась Новой сионистской организацией) и всегда гордился своим званием ревизиониста как аттестатом нешаблонности мышления, прогрессивности и политического мужества. Он сплотил большую группу преданных и даже влюбленных в него друзей и последователей, но одновременно вызвал такую ненависть среди своих политических оппонентов, что в течение 16 лет после создания государства Израиль они всеми силами противились перенесению его праха, согласно его завещанию, в еврейское государство. Корабль с его сторонниками и оружием, причаливший к берегам только что созданного государства Израиль в июне 1948 года (приплывшие на нем хотели влиться в израильскую армию, чтобы принять участие

в разразившейся Войне за Независимость), был потоплен... израильской артиллерией, ибо премьер-министр Бен-Гурион — давний политической противник Жаботинского — боялся усиления движения сторонников Жаботинского в стране.

Ныне израильское правительство возглавляется людьми, которые считают себя последователями Жаботинского (премьер-министр Бегин — председатель движения Херут, которое является политическим наследником движения сионистов-ревизионистов). Однако и донныне некоторые идеи Жаботинского, некоторые стороны его деятельности «не попали в сионистское русло» (выражение украинского диссидента Евгена Сверстюка из его статьи «Зерна украинско-израильской „солидарности“», в которой он очень положительно отзывается о Жаботинском.)¹⁾

Одной из таких «не попавших в русло» (и не только сионистское) идей Жаботинского является его идея поддержки украинского национально-освободительного движения.

Отношение Жаботинского к Украине, где он родился и провел много лет, — это, в первую очередь и почти исключительно, отношение к украинскому национальному движению. Поразительно, как человек, выросший в русской интеллигентской среде, был чужд тому «этнографически-кулинарному» отношению к Украине, которое типично для большей части русского интеллигентного и полуинтеллигентного общества: любят украинскую песню, украинский борщ и галушки, что-то слышали о Шевченко и расписных хатах. Правда, Ленин и многие другие русские политики разных лагерей поднялись выше галушек: они писали о ценности украинского угля, хлеба и сахара, о важности Украины как выхода в Черное море и в Юго-Восточную Европу.

В отличие от Ленина, Жаботинский мыслил не империалистическими категориями. Он рассматривал Украину как крупную европейскую нацию, неумолимо движущуюся к своей независимости. Будучи сторонником свободного культурного и политического развития всех народов (требуя

1. Журнал «Сучасність», Мюнхен, июнь 1979, стр. 107-113.

этого для еврейского народа, он не мог относиться иначе к другим народам), он предвидел такое развитие событий, когда украинский народ равноправно войдет в семью европейских народов как одна из крупных наций, и приветствовал такую перспективу. «Либеральное и прогрессивное» (по его выражению) общество России должно, как в своих собственных интересах, так и исходя из принципов свободы и гуманизма поддержать украинское национальное движение. Такая поддержка дала бы этому движению «чувство локтя», поставила бы его в один ряд с другими демократическими движениями, помогла бы ему достичь политической зрелости, подавить внутри себя деструктивные элементы и тенденции. Хотя Жаботинский значительно переоценил способность российского, еврейского и других «либеральных и прогрессивных обществ» воспринять идею украинского политического и культурного равноправия, он до конца жизни не изменил своих позиций в этом вопросе.

В начале политической деятельности Жаботинского украинское и еврейское национальные движения в России преследовали аналогичные цели: достижение национально-культурного равноправия, создание национальной школы и других национально-культурных учреждений, сплочение нации, повышение уровня национального сознания, развитие национально-политической жизни, борьба против русификации. Все эти цели объединялись более общей задачей — добиться либерализации политического строя России с признанием широких автономных прав нерусских народов. Жаботинский находил и идеологическую близость в национальных движениях украинского и еврейского народов, как и вообще во всех национальных движениях, если только они стоят на платформах демократизма и отрицают шовинизм.

Свою трактовку национализма и отношения к другим национальным движениям — в первую очередь, к украинскому — Жаботинский сформулировал в целом ряде публичных выступлений и статей между 1904 и 1914 годами.

Вот как описывал один из деятелей украинского движения выступление Жаботинского в украинском клубе в Киеве в 1911 году:

«Вчера приезжал из Одессы В. Е. Жаботинский,

известный сионистский публицист. Приехал он специально, чтобы достичь взаимопонимания с руководителями украинской прессы.

На собрании в украинском клубе в долгой и прекрасной речи он доказывал, что потребности евреев-сионистов и вообще евреев-националистов полностью идентичны потребностям украинцев и у них пока что те же задачи и те же враги. Как и у нас, так и у них вопросом дня является национальная школа, как у них на очереди борьба с обрусителями и полонизаторами, так и у нас, а поэтому нам нужно координировать нашу деятельность».

«Жаботинский обещает, что сионистская пресса, выходящая на жаргоне (то есть, на языке идиш, — И. К.) и на древнееврейском и русском языках, будет проводить мысль, что евреям нужно обратить внимание на украинцев и украинское движение и не быть обрусителями, ибо украинское движение имеет будущее и когда-нибудь настанет время, когда евреи пожалеют, что шли вместе с обрусителями».²

Протест против роли носителя русификации на нерусских территориях Российской империи — роли, которую русифицированные евреи исполняли, как правило, несознательно, был одним из основных мотивов публицистического творчества Жаботинского, и в этом отношении, как и во многих других, его позиция была близка к позициям украинских национальных деятелей. Свою публицистическую деятельность 1904-1914 годов Жаботинский даже называл «наступлением против русификации» — и русификации самих евреев, и русификации других народов при участии русифицированных евреев. Будучи глашатаем новой еврейской национальной политики, Жаботинский боролся за «евреизацию» еврейства — за воспитание еврея, преданного своему языку и культуре, гордо несущего свое национальное имя и с уважением и доброжелательностью относящегося к

2. Евген Чикаленко, Дневник (1907-1917). Львов, 1931, стр. 185-186 (на украинском языке).

языкам, культурам и национальным чаяниям народов, среди которых ему пришлось временно жить. (Временно потому, что окончательной целью было возвращение в Палестину и ликвидация рассеяния). Именно украинский вопрос — и как вопрос повседневного отношения между миллионами евреев и украинцев (в начале века на всех украинских этнических территориях в России, Австро-Венгрии и Румынии жило почти три миллиона евреев, что составляло около 28% мирового еврейства), и как вопрос об отношениях между национальными движениями двух народов, лишенных своей государственности и борющихся за свои права, — привлекал наибольшее внимание Жаботинского. Этому в решающей, видимо, степени содействовал тот факт, что украинский народ количественно, территориально и экономически занимал такое место в Российской империи, что изменение его политического статуса имело бы судьбоносное значение для всей империи, а значит — и для проживающих в ней евреев.

2.

В серии статей, лучшие из которых вошли в сборник «Фельетоны»,³ и в полемике с известным русским публицистом и общественным деятелем (партии кадетов) Петром Струве (полемика происходила в 1910-1912 годах в связи 50-летием со дня смерти Тараса Шевченко) Жаботинский развил и обосновал цельную мировоззренческую систему, которую можно назвать «интернационализмом в рамках национализма». Согласно этому мировоззрению, каждая национальная культура, даже самая примитивная и неразвитая, является незаменимым элементом в мозаике общечеловеческой культуры. Будучи достоянием всего человечества, каждая национальная культура должна находиться под защитой цивилизованного международного общества, и любая форма ограничения, притеснения или подавления свободного развития любой национальной культуры и национального

3. Сборник «Фельетоны», С.-Петербург, 1913.

языка рассматривается как преступление против человечества. Именно таким преступлением было запрещение украинского языка как языка литературы, науки и общественной жизни, установленное в царской России. Очевидно, таким же преступлением является в наше время то фактическое отеснение и унижение украинской и других национальных культур и та политика русификации, которая проводится в СССР.

Именно на примере украинского народа Жаботинский показал безосновательность утверждений о естественном якобы превосходстве русской культуры, о наличии единой русской нации, включающей три восточнославянских народа — русский, украинский и белорусский, об отсутствии у украинцев и белорусов собственного национального сознания и т. п.

Характерно, что Жаботинский высказывал свои идеи на страницах не только русской и еврейской, но и украинской прессы, которая в то время отличалась, как правило, проеврейской направленностью и стремлением создать единый фронт с еврейским и другими угнетенными народами империи в борьбе против великодержавного шовинизма и черносотенства.

Жаботинский сотрудничал с украинскими русскоязычными журналами «Украинский вестник» (выходил в С.-Петербурге под руководством выдающегося историка профессора Михаила Грушевского) и «Украинская жизнь» (выходил в Москве под руководством Симона Петлюры).

Квинтэссенцией всего того, что Жаботинский написал в десятилетие 1904-1914 годов в защиту украинской национальной самобытности, культурных и политических прав украинского народа, может служить заключительная часть его статьи «Урок юбилея Шевченко» (1911 год):

«Шевченко есть *национальный* поэт, и в этом его сила... Но еще важнее то, что он — национальный поэт по своему объективному значению. Он дал и своему народу, и всему миру яркое, незыблемое доказательство, что украинская душа способна к самым высшим полетам самобытного культурного творчества. За то его так любят одни и за то его так боятся другие, и эта

любовь, и этот страх были бы ничуть не меньше, если бы Шевченко был в свое время не народником, а аристократом в стиле Гете или Пушкина. Можно выбросить все демократические нотки из его произведений (да цензура долго так и делала) — и Шевченко останется тем, чем создала его природа: ослепительным прецедентом, не позволяющим украинству отклониться от пути национального ренессанса. Это значение хорошо уразумели реакционеры, когда подняли накануне юбилея такой визг о сепаратизме, государственной измене и близости столпотворения. До столпотворения и прочих ужасов далеко, но что правда, то правда: чествовать Шевченко просто как талантливого русского литератора номер такой-то нельзя, чествовать его — значит признать все то, что связано с этим именем. Чествовать Шевченко — значит понять и признать, что нет и не может быть единой культуры в стране, где живет сто и больше народов: понять, признать, потесниться и дать законное место могучему собрату, второму по силе в этой империи».⁴

Обращаясь к еврейству Российской империи, Жаботинский призвал найти свой национальный путь, свободный от служения русификаторам или ассимиляторам — путь национального достоинства и национального суверенитета, путь равноправного народа в содружестве равноправных. Только найдя такой путь, еврейство подготовит себя к воссозданию своего государства.

«Главная масса евреев живет среди украинцев, поляков, белорусов, литовцев; эти народы начинают теперь поднимать головы так же точно, как 60 лет тому назад начали делать это чехи. Это происходит у нас на глазах, пройти мимо этого явления может только близорукий. Надо же иметь нам линию поведения не только на сегодняшний, но и на завтрашний день. Ведь одно из двух: или Россия останется в полицейских

4. Сборник «Фельетоны», стр. 241.

тисках, или все эти народности используют политическую свободу прежде всего для того, чтобы сделать из России большую Австрию (имеется в виду та довольно широкая свобода национальных культур и национального самоуправления, которая в то время существовала в Австро-Венгрии, — И. К.); хотим мы этого или не хотим, это будет, и ни Струве, ни мы с вами не „уговорим“ ни тридцатимиллионную массу малороссов, ни даже маленький литовский народ. Как же мы определим свою позицию к этому моменту? Какова будет наша роль в этой будущей России, где сто народов вокруг нас будут развиваться самобытно, создавая свои национальные ценности на своих языках? Останемся ли мы тогда в роли, на которую намеки есть уже и теперь — в роли единственных носителей русификации на окраинах? Или пойдем по пути австрийских ассимиляторов, меняя национальность при каждом перемещении политических сил? Или, быть может, изберем третью дорогу, предоставим русским быть русскими, полякам поляками, а сами воздвигнем свои маяки»⁵

Могут сказать, что предвидения Жаботинского не сбылись: Россия не только осталась в полицейских тисках, но эти тиски стали во стократ жестче, народы России не смогли и, как кажется, в ближайшее время не смогут обрести полноправный голос, и Украина — эта главная жемчужина имперской короны — так и останется бесправным достоянием империи. Русификация же — и языковая, и культурная, и психологическая, и физическая, в виде переселения русских на нерусские территории — зашла слишком далеко.

Да, все это так. Но уничтожила ли — смогла ли уничтожить советская власть национальное сознание нерусских народов? Не пробуждается ли с новой силой национальный протест при каждой возможности? Не националисты ли разных наций составляют большинство поли-

5. Из статьи «На ложном пути» (1912), сборник «Фельетоны», стр. 262-263.

тических заключенных? Не возникло ли при Хрущеве и Шелесте на Украине мощное культурно-национальное движение? Все ли спокойно в Прибалтике и на Кавказе? Не ждут ли миллионы нерусских как второго Пришествия, дня крушения империи и конца российского колониального владычества? И не появляются ли среди мыслящих русских первые, еще слабые и робкие, ростки осознания того факта, что империя — это проклятие для русского народа, что во имя сохранения и расширения империи в течение столетий приносятся в жертву интересы русского населения — его культурное и общественное развитие, его нормальное человеческое, не искаженное дикими мифами и черной пропагандой, мировоззрение и мироощущение, его минимально приемлемая физическая сытость, в конце концов?

Все эти мысли — в применении к условиям его времени — в той или иной форме находим у Жаботинского. И наличие в наше время достаточно сильного национального сознания и национальных движений в СССР, и общее явное одряхление советского режима, и появляющиеся начатки понимания Западом подлинной сущности советского режима и значения национальных проблем в советской империи — все это говорит, что в конечном итоге народы империи выйдут на путь национальной независимости. Это означает, в частности, что идеи Жаботинского не утратили актуальности и применительно к позиции евреев, остающихся в большинстве нерусских районов СССР орудием русификации, и применительно к принципиальной позиции поддержки культурно-национальных и национально-политических движений как неотъемлемой части борьбы за либерализацию политического режима (или режимов) на территории империи.

3.

Украина для Жаботинского не была самоцелью. Основной целью было создание условий для восстановления еврейской государственности в Палестине, а вся сионистская работа на территории Российской империи должна была лишь психологически подготовить еврейство к осуществлению этой цели. Украина, ее судьба и проблема отношения к

ней и ее национальному движению давали Жаботинскому прекрасный иллюстративный и доказательный материал для популяризации его идей. Но и сам факт наличия в Европе народа, превосходящего количественно и по занимаемой территории Францию, но не обладающего не только национальным суверенитетом, но и минимальными национально-культурными правами, не мог оставить Жаботинского равнодушным. До конца жизни он сохранил доброжелательное отношение к украинскому национальному движению, и ни погромы на Украине в 1917-1919 годах, ни резкая враждебность мирового еврейства по отношению к украинству, вызванная этими погромами и дополнительно усиленная во время парижского процесса над убийцей С. Петлюры Шварцбардом, — ничто не могло изменить его принципиальной позиции. В 1921 году он заключил с правительством Петлюры, находившимся в эмиграции, но сохранившим 15-тысячную боеспособную армию, соглашение о создании при этой армии еврейской жандармерии для защиты еврейского населения от возможных погромов в случае вторжения украинской армии на Украину.⁶ Град нападков со стороны еврейской прессы и сионистских кругов, вызванный этим соглашением, не поколебал Жаботинского и не заставил его отказаться ни от поддержки украинского национального движения, ни от уверенности, что создание по соглашению с местной национальной властью еврейских вооруженных единиц в случае возможности еврейских погромов является принципиально правильной политикой и в смысле защиты еврейского населения, и в смысле налаживания правильных и взаимовыгодных отношений между еврейским и местными национальными движениями.

В 1926 году, через несколько дней после убийства Петлюры Шаломом Шварцбардом (украинские национальные круги считали и поныне считают Шварцбарда советским агентом, и такую же мысль высказал бывший глава ЦРУ Аллен Даллес в статье, помещенной в ежегоднике Британской энциклопедии за 1963 год), Жаботинский в статье «Крымская

6. Об этом соглашении см., в частности, статью «Петлюра и евреи», «Форум», номер 1, стр. 100-114.

колонизация» высказал положительное мнение о руководителях украинского национального движения, включая С. Петлюру, подчеркнув, что они лично никогда не были антисемитами или погромщиками и что причину антисемитизма и погромов на Украине нужно искать не в факте существования национального движения украинского народа и уж во всяком случае не в его демократическом и социалистическом крыле, к которому принадлежали такие виднейшие украинские руководители, как М. Грушевский, С. Петлюра, В. Винниченко и многие другие.⁷

В 1927 году парижский журнал «Рассвет», руководимый Жаботинским, писал в связи с процессом Шварцбарда:

«...мы не верим в то, чтобы руководящий слой украинской национальной интеллигенции желал погромов, и не отождествляем украинское движение с погромной похотью. Всему честному, что есть в украинском национализме, рука наша — если она нужна и желательна — остается протянута по-прежнему».⁸

Выдержав в течение многих лет колоссальное давление со стороны еврейской общественности в связи с его проукраинской позицией, Жаботинский сказал в последний период своей жизни:

«...когда я умру, вы можете написать на моей могиле: „Это был человек, заключивший соглашение с Петлюрой.“»⁹

4.

Парадоксально, но в то же время симптоматично, что позиция Жаботинского в отношении украинского национального движения значительно более популярна в украин-

7. См. там же.

8. «Рассвет», Париж, 30 октября 1927, стр. 2. Вышеприведенная цитата взята из постоянной рубрики журнала «Дневник», материалы которой публиковались без подписи, но автором которых часто был сам Жаботинский.

9. Nahum Levin, Jabotinsky and Petlura Agreement, «The Jewish Standard», London, August 16, 1940.

ских диссидентских, чем в сионистских кругах. И это вопреки тому, что Жаботинский обращался в первую очередь к еврейской общественности, рассматривая отношение к украинскому и другим национальным движениям как важную составную часть *новой еврейской национальной политики*. И это также вопреки тому, что в публицистическом наследии Жаботинского, публикуемом именно еврейскими кругами, тема Украины занимает очень большое место — практически второе место после вопросов, непосредственно связанных с теорией и практикой национального строительства в Палестине, привлечения туда евреев и развития всемирного сионистского движения.

В украинском же Самиздате, в произведениях видных современных деятелей украинской оппозиции (Сверстюк, Дзюба) встречаем не только упоминание в самом положительном контексте имени Жаботинского, но и ощущаем влияние его идей. Вот, например, цитаты из выступления Ивана Дзюбы в Бабьем Яре под Киевом в 25-ю годовщину расстрела там гитлеровцами киевских евреев:

«Блестящий еврейский публицист Владимир Жаботинский выступал на стороне украинского народа в его борьбе против русского царизма и призывал еврейскую интеллигенцию поддерживать украинское национально-освободительное движение и украинскую культуру».¹⁰

И далее:

«Путь к действительному, а не фальшивому братству — не в самозабвении, а в самопознании. Не отречься от себя и приспособливаться к другим, а оставаться собой и уважать других. Евреи имеют право быть евреями, украинцы имеют право быть украинцами в полном и глубоком, а не только формальном значении этих слов. Пусть евреи знают еврейскую историю, еврейскую культуру, язык и гордятся ими. Пусть украинцы знают украинскую историю, культуру, язык и

10. Сборник «Лихо з розуму» («Горе от ума»). Составитель Вячеслав Черновол. Первая Украинская типография во Франции, Париж, 1968, стр. 306.

гордятся ими. Пусть они знают историю и культуру других народов, умеют ценить себя и других — как своих братьев».¹¹

Последняя цитата кажется чуть ли не дословным повторением того, что неоднократно писал Жаботинский. Это, безусловно, не плагиат — это естественный результат идеологической близости людей, стоящих на позициях «интернационализма в рамках национализма». Жаботинский был первым, четко и недвусмысленно сформулировавшим такое мировоззрение. Есть все основания предполагать, что уже не за горами то время, когда его идейное наследие станет широко известно и получит заслуженное признание. И тогда станут понятны широким кругам политиков и общественных деятелей такие слова Жаботинского, так же актуальные ныне, как и 72 года тому назад, когда они были написаны:

«Украинское движение, растущее у нас под носом, считается у нас чем-то вроде спорта: мы его игнорируем, игнорировали до этого юбилея и будем, вероятно, игнорировать и после юбилея. Не то слепота самодовольства, не то косность человеческой мысли руководит нашими действиями, и в результате мы допускаем грубую, непростительную политическую ошибку: вместо того, чтобы движение, *громадное по своим последствиям*, развивалось при поддержке влиятельнейших кругов передового общества и привыкло видеть в них свою опору, своих естественных союзников, — мы заставляем его пробиваться своими одиночными силами, тормозим его успехи замалчиванием и невниманием, раздражаем и толкаем в оппозицию к либеральному и радикальному обществу. Роста движения это не остановит, но исковеркать этот рост, направить его по самому нежелательному руслу — вот что не трудно и вот чего следовало бы остерегаться. Самые тяжелые последствия для будущих отношений на огромном этом юге России могут отсюда родиться, если мы вовремя не спохватимся, не поймем и не учтем громадности того массового феномена, о котором

11. Там же, стр. 307-308.

напоминает нам юбилей Шевченко, и не сообразуем с ним всей нашей позиции, всей нашей тактики в делах местных и государственных». ¹²

Прочтя эти строки, так и хочется воскликнуть, адресуясь и к евреям, уже пережившим «самые тяжелые последствия», и ко всем, кого интересуют проблемы Восточной Европы: «Имеющий уши, да слышит!»

От редакции: К сожалению, в I-м номере «Форума» в статье И. Клейнера «Петлюра и евреи» на стр. 112 пропущена строка. Последнюю фразу в цитате из статьи Жаботинского следует читать так: «... причина лежит не в субъективном антисемитизме отдельных лиц, а в объективном антисемитизме обстоятельств».

12. Сборник «Фельетоны», стр. 238-239.

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

Б. Гаврилишин

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ*

1. Недавнее прошлое

Оказавшись в числе победителей во Второй мировой войне, Советский Союз превратился с тех пор в мировую державу. Он стал самым непосредственным и самым могущественным соперником Соединенных Штатов и их самым серьезным конкурентом в споре за мировое лидерство. Государственная власть в стране опирается на мощную базу.

В первую очередь она опирается на свою экономику. Направленная преимущественно на удовлетворение своих внутренних потребностей и потому не занимающая господствующего места в мировой торговле, эта экономика разрослась в размерах и способна производить большое количество основных промышленных и много потребительских товаров, правда, ограниченного ассортимента и низкого качества. По количеству и общей стоимости производства советское хозяйство занимает второе место в мире.

* Раздел из книги: Bohdan Hawrylyshyn, Road Maps to the Future. Towards More Effective Societies. A Report to the Club of Rome [Pergamon Press, 1980]. Перевод с английского.

Б. Гаврилишин — директор Международного института управления (Женева).

Военное могущество Советского Союза безусловно убедительное. Он имеет самую сильную сухопутную армию с традиционными видами вооружений, создал весьма мощный военно-морской флот, а также колоссальный атомный арсенал с одновременной возможностью поразить любую желаемую цель боеголовками. Все это поддерживается хорошей системой поставок мирового масштаба.

Политическое значение Советского Союза также усилилось, во всяком случае в той мере, в какой это касается внешнего могущества. Внутри власть представляет собой монолитную систему, которой ничто серьезно не угрожает. Вовне Советский Союз использовал в своих интересах целый ряд козырей. В период, который, вероятно, войдет в историю как десятилетие деколонизации, СССР выступил в роли поборника национально-освободительных движений. Он предложил ясную, четкую альтернативу общественному устройству, оставленному колониальными державами или предлагаемому Соединенными Штатами. Странам, что стремились к ускоренной индустриализации, он предложил модель планового хозяйства, якобы дающего возможность любой стране быстро проскочить начальные этапы форсированного промышленного развития. Чтобы обеспечить необходимую для такого процесса индустриализации «дисциплину», Советский Союз предложил унитарную систему власти в форме диктатуры пролетариата. Предлагаемые СССР рецепты обоснованы и узаконены в официальной марксистской идеологии, которая по-прежнему привлекательна для многих людей во всем мире. Способность экономики поддерживать военное могущество и политическая возможность использовать его без серьезных внутренних дебатов делают еще более привлекательной советскую модель для тех, кто верит: «чья сила, того и правда».

Несмотря на эти преимущества Советского Союза, зенит его могущества и влияния, видимо, уже позади. Его слабые места, вероятно, будут увеличиваться, а его способность влиять на судьбы мира уменьшаться.

На нынешнем этапе экономического и общественного развития СССР кажется необходимой существенная перестройка его общественно-политической структуры, но вероятность ее осуществления безболезненным, эволюционным

путем очень мала. Если же, однако, в течение ближайших десятилетий не произойдет серьезной перестройки, окончательным результатом будет полный развал Советского Союза как политической единицы. К таким выводам приводит анализ современного положения СССР.

2. Современный баланс

Используя для анализа эффективности страны формулу:

$$\tilde{ЭФ} = f \left[\frac{\text{ресурсы}}{\text{население}} +/\text{или} \left(\begin{array}{l} \text{желания, умения, общественн} \\ \text{ный строй, инвестиции} \end{array} \right) + \begin{array}{l} \text{внешний} \\ \text{мир} \end{array} \right]$$

можем приступить к оценке некоторых ключевых элементов.

2.1 Преимущества

а). Самая большая территория, протянувшаяся на два континента, с доступом ко многим морям. Плодородная земля, очень богатая всевозможными природными ресурсами, включая большое количество источников энергии и даже большие залежи золота. Хотя из-за малодоступности и плохих климатических условий повышаются расходы по эксплуатации некоторых источников сырья, общее *соотношение между ресурсами и населением исключительно благоприятное*. Поэтому выбор автархии (хозяйственного самообеспечения) становится, если не экономически привлекательным, то, во всяком случае, теоретически возможным.

б). *Желание* работать эффективно есть у той части населения, которую система хорошо вознаграждает. Это касается большей части партийной элиты, высших технократов и части научной и художественной интеллигенции. Однако мотивация труда большей части населения представляется низкой и требует постоянного «подхлестывания» различными кампаниями.

в). Объем *умений* широкий, особенно в области техники,

с основательными знаниями теоретических наук (математики, физики, кибернетики) и большими возможностями в ряде областей прикладной техники. Система образования широка и разнообразна, особенно в естествознании и технических отраслях. В результате большая часть населения технически хорошо подготовлена, и поэтому ее потенциальная производственная продуктивность высока.

г). Нормы *инвестирования* немалые и, соответственно, материальная база экономики велика. Цифры добычи и производства угля, нефти, газа, стали и станков велики по любым стандартам, а возможность транспортировки этой основной промышленной продукции достаточная.

д). *Общественный строй* страдает от всевозможных прорывов и несоответствий; действует он преимущественно как «общественный корсет», и поэтому рассмотрим его в рубрике недостатков.

е). *Внешнее положение* остается довольно сильным благодаря военной мощи Советского Союза, хорошо разработанной идеологии, которая в определенной мере еще годится на экспорт, длительным пребыванием людей у власти и возможностью свободно распоряжаться этой властью как внутри страны, так и вовне.

2. 2 Недостатки.

Все значительные недостатки вытекают из институциональной структуры, самого общественного строя, и, в частности, из-за разрывов между:

— официально проповедываемыми эгалитарно-коллективистскими ценностями и административной практикой, которая стимулирует индивидуалистическое, конкурентное поведение;

— довольно либеральной конституцией и диктаторской природой политического правления;

— экономической системой, пригодной для ранних этапов хозяйственного развития, и самим хозяйством, которое приближается к этапу массового потребления; потребности большей части населения типичны для этого высшего этапа развития.

Вышеописанные разрывы следует иметь в виду, анализируя слабые стороны советской общественной системы.

а). *Эгалитарно-коллективистские ценности* широко признаются и провозглашаются в качестве ценностей, к которым, хотя они еще и не всегда действуют, надо стремиться и к достижению которых советское общество приближается. В действительности продолжают сохраняться индивидуалистично-конкурентные ценности, которые фактически укрепляет высокая дифференциация вознаграждений (как денежных, так и иных), в зависимости от достижений личности и лояльности ее режиму. Это противоречие, кажется, уменьшает общее желание работать. «Патриотический» мотив размывается разницей в вознаграждениях, хотя материальные вознаграждения недостаточны для большинства профессий. Только работа партийной, административной, научной, художественной элиты остается хорошо мотивированной благодаря ее влиянию и большим вознаграждениям, которые эта элита получает.

б). С этим связан низкий коэффициент превращения теоретических знаний и научных открытий в новые полезные изделия, технологические процессы и методы. Притягательность большей научной респектабельности и перспективы научной карьеры весят больше, чем меньшее вознаграждение и большой риск деятельности по внедрению «комерчески» полезных нововведений. Проблема усугубляется тем, что большая часть кадров самой большой в мире научной среды работает в центральных научно-исследовательских институтах, находящихся вдали от промышленных и рыночных баз. Как хорошо известно на основании опыта, большинство полезных нововведений скорее «вырастает из потребностей», чем является продуктом накопления теоретических знаний. Все это ведет к тому, что Советский Союз импортирует технику для целого ряда отраслей производства (хотя, конечно, не для военной области, где четко определенные цели стимулируют ученых осуществлять необходимые технические нововведения).

в). Учитывая высокую норму капиталовложений и высокий уровень научных знаний, следует сделать вывод, что *фактическая продуктивность низка* в большинстве секторов экономики.

г). *Сельское хозяйство* является наиболее слабым звеном советской экономики. В нем занято более 25%

трудового населения. Однако страна превратилась из самого большого экспортера пшеницы в прошлом столетии в самого большого импортера пшеницы в последние годы, хотя население росло не очень быстро и его пищевые потребности существенно не изменились. Причин много: последствия принудительной коллективизации, чрезмерное изъятие сельскохозяйственных излишков на финансирование индустриализации, что означает недостаточное материальное вознаграждение крестьянам, недостаточную модернизацию земледелия (механизация, удобрения), внутренне обусловленные трудности использования центрального планирования в сельском хозяйстве и, наконец, отвлечение значительной части энергии и внимания крестьян на интенсивную обработку личных участков, которые дают им необходимое дополнение к заработку, и где вознаграждение за труд непосредственное и зависит от приложенных усилий.

д). *Хозяйственная система* с центральным планированием и в значительной мере административным распределением ресурсов уже не поспевает за нынешним этапом развития советской экономики. «Командный тип государства» облегчает поступательное движение на ранних фазах индустриализации (если не принимать во внимание социально-политических затрат). На этих ранних фазах цель была ясна: создать промышленную базу. Приоритетов было мало: энергетическая база, металлургическая, машиностроительная и военная промышленности, физическая инфраструктура. Поэтому большинство хозяйственных решений можно было принимать в центре и оттуда направлять ресурсы в нужные отрасли. Это был форсированный процесс индустриализации, который частично воспроизводил сам себя (больше сталелетейных заводов, чтобы производить больше стали, чтобы производить больше машин, чтобы строить больше доменных печей и т. д.) и легко согласовывался с «директивным» планированием.

Сейчас существуют широкая промышленная база и инфраструктура, и основные потребности в промышленных продуктах удовлетворяются. Экономика приближается к фазе массового потребления, когда станет возможным удовлетворить сложные и разнообразные потребности взыскательного населения. Для этого, однако, необходимо

обладать способностью следить за разнообразием требований и запросов потребителей и, следовательно, увеличить количество мест, где принимаются решения о том, что производить, для кого и как. Централизация планирования превращается в препятствие. Проблема обостряется в связи с тем, что планы необходимо навязывать, а их выполнение контролировать, так как большинство людей склонно делать то, что им выгодно, а не добровольно подчиняться общественным приоритетам, как это должно было бы быть, если бы действительно господствовали эгалитарно-коллективистские ценности. Следствием этого является чрезмерная бюрократизация. Наблюдается естественное давление с целью децентрализации хозяйственных решений, но нынешнее руководство на это не готово, так как децентрализация означала бы ослабление политического контроля.

е). Существуют также *пробелы в области политического управления*. Конституция довольно либеральна и гарантирует гражданам немалые свободы, но структура власти монолитна и опирается на силу. Теоретически власть принадлежит населению, которое доверяет ее практическое осуществление своим выборным представителям. В действительности же власть находится в руках партийного руководства, полномочия распределяются сверху вниз. Оправдание такой форме «тоталитарной демократии» находят в марксистской доктрине, а не в воле народа. Эти противоречия создают напряжение, и чтобы их сдержать, необходима большая организация и много общественной энергии, что еще увеличивает груз «макроуправления».

ж). Еще один пробел — исключительная неустойчивость политического устройства. Теоретически СССР является тем, о чем говорится в его названии: союзом республик. Номинально они имеют широкие полномочия и даже гарантированное конституцией право на выход. Ликвидация Российской империи и создание автономных, хотя и объединенных в федерацию, республик было одним из ключевых требований октябрьской революции. Однако благодаря численности населения и традиционно господствующему положению, русские сосредоточили в своих руках большую часть политической власти и требуют, чтобы остальные народы согласились на их лидерство не только в

политической, но также и в хозяйственной, культурной и языковой областях. Лишь те представители других национальностей, которые готовы признать такое лидерство и работать вместе над созданием «нового советского человека» по русскому образцу, входят в состав руководящей структуры.

Описанная ситуация вызывает сильные националистические чувства у нерусских, которые легко могут стимулировать центробежные силы, как показала Вторая мировая война. А поскольку благодаря деколонизации национальные стремления к самоопределению в большинстве районов мира в последние десятилетия увенчались успехом, такие стремления кажутся многим в Советском Союзе естественными и законными. Специальным аспектом этой проблемы является быстрая демографическая экспансия азиатского, в частности мусульманского, населения именно в период, когда во всем мире начинается возрождение Ислама как жизненной силы. Это, вероятно, увеличит ряды «национальных уклонистов», которые уже довольно многочисленны на Украине, в балтийских и кавказских республиках.

з). Аналогичная неустойчивость наблюдается и в отношениях с центральноевропейскими государствами, что оказались в советской сфере влияния после Второй мировой войны. Отказ Югославии следовать за советским руководством в 1947 году, венгерское восстание в 1956 году, попытка Чехословакии построить свою собственную модель «социализма с человеческим лицом» в 1968 году, постоянное подчеркивание Румынией своих прав на проведение самостоятельной политики, периодические волнения в Польше** — все это скорее проявление стремлений к национальной самостоятельности, чем тоска по прошлому социально-экономическому строю. Это свидетельствует о пределах «возможностей освоения» Советского Союза, а следовательно и возможностей дальнейшей территориальной экспансии.

и). *Конфликт с Китаем представляет собой очень*

** Книга написана до событий августа 1980 года в Польше и до интервенции в Афганистан в декабре 1979 года.

серьезную проблему. Он имеет три корня: националистический, территориальный и идеологический. Трудно китайцам, почти миллиардной нации с более чем четырехтысячелетней историей, с немалыми культурными достижениями и недавней успешной революцией, согласиться на руководство более молодой и значительно менее многочисленной русской нации. Во-вторых, Советам кажется, что у энергичных и трудолюбивых китайцев есть искушение перелиться в богатую, но малонаселенную Сибирь. Однако, в отличие от монголов, у китайцев нет традиций территориального экспансионизма. Нация с склонностью к захватам новых земель вряд ли бы построила стену длиной в несколько тысяч километров. Усилия по перенесению такой стены с каждым присоединением «нового клочка земли» кажутся диспропорциональными «земельным» приобретениям. Но так как русские подвергались в прошлом нападениям и с востока, и с запада, и сами имеют историю последовательной территориальной экспансии, угроза перелива китайцев в Сибирь, вероятно, кажется им достаточно реальной.

Существует также и идеологический конфликт. Советское руководство оправдывает нынешнюю практику материальной заинтересованности и неравного вознаграждения как необходимую для конечной стадии «переходного социализма», этапа создания материальной базы построения коммунизма. Китайцы пока отстаивают большее равенство при распределении, хотя и на значительно более низком уровне материального богатства. Вышеприведенные конфликты можно было бы как-то сгладить, но вряд ли они исчезнут.

В целом физический потенциал Советского Союза огромный, но его институциональные структуры довольно непрочные и требуют больших изменений.

3. Будущие альтернативы

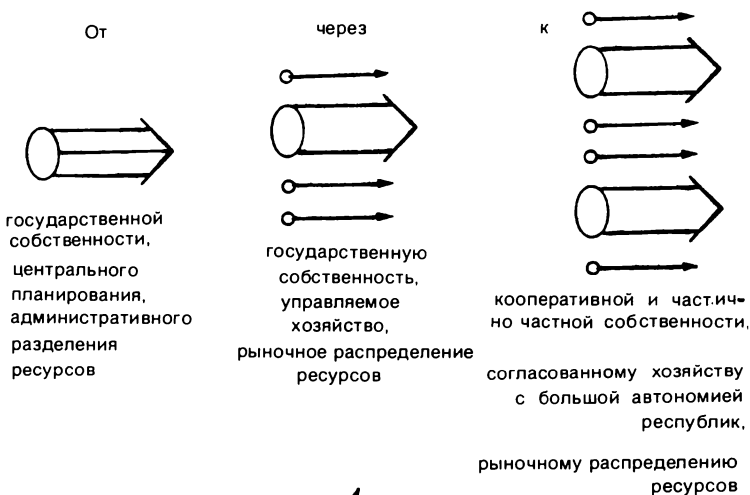
Направления, по которым советский общественный строй может развиваться, чтобы уменьшить разрывы, чтобы лучше связать между собой составные части и таким образом быть способным перейти к новым логически обусловленным

стадиям хозяйственного развития и политического опыта, ясны. Осуществимость такой эволюции весьма сомнительна. Логичным мог бы показаться такой порядок превращения системы: во-первых, серьезные экономические реформы, затем, расширение структуры власти и, таким образом, изменения в политическом управлении, и, наконец, перенесение центра тяжести с одних ценностей на другие.

3. 1 Хозяйственная система

Должны прозойти изменения в направлении, предлагаемом в прошлом даже некоторыми советскими экономистами: от центрального планирования через видимую децентрализацию экономических решений к системе типа «рыночного социализма».

Символически изменения в хозяйственной системе можно представить на схеме 1.

Эта эволюция могла бы пройти через следующие этапы:
 а). В первой фазе реформ размеры центрального

планирования следует слегка уменьшить, а его характер нужно изменить. Его главными функциями были бы — устанавливать ведущие приоритеты для инвестиций, ассигновать кредиты и согласовывать перспективы в отношении различных производственных и распределительных предприятий. Цены можно было бы вначале лучше приспособить к фактическим расходам, спросу и недостаткам, а затем постепенно выводить их из-под контроля, позволяя регулировать их в соответствии с законами предложения и спроса, сначала на потребительские товары, а затем, постепенно, на полупромышленные и промышленные. Под центральным контролем остались бы такое стратегически важное сырье, как нефть, уголь, газ, некоторые металлы и такие общегосударственные службы, как связь и транспорт.

б). В следующей фазе изменения бы(шли) в направлении подлинно кооперативной собственности на большинство промышленных предприятий и коллективных хозяйств и управления такими кооперативами с помощью выборных комитетов. Эта система имела бы некоторые черты югославского «рабочего самоуправления» и кибуцов. Частная собственность была бы разрешена на малых предприятиях, особенно предприятиях системы обслуживания. Если бы возникло в этом направлении сильное народное давление, земельная собственность могла бы со временем перейти в частные руки путем постепенного превращения кооперативов-собственников в организации совместных закупок, найма машин и продажи.

в). Хозяйство могло таким образом постепенно развиваться из полностью планового в согласованное и управляемое с помощью налогов и денежных средств, дифференцированных норм кредита, правил размещения излишков (прибыли), минимальной и максимальной зарплаты и «указательно-предсказательного» типа планирования. Чтобы получить кредиты, избежать чрезмерных нагрузок и обеспечить себе место на рынке сбыта, большие предприятия предъявляли бы свои планы планово-координационным органам, которые сопоставляли бы их с планами других соответствующих предприятий, давали обратную информацию и предлагали бы изменения.

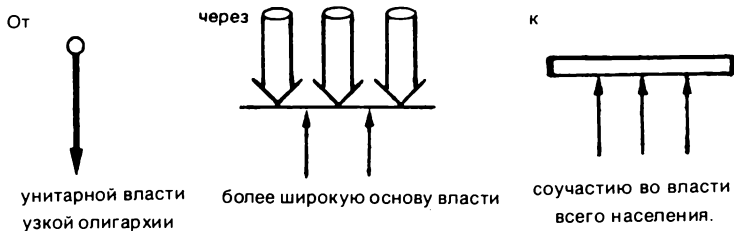
г). Большинство описанных процессов могло бы пройти

скорее на республиканском, чем на всесоюзном уровне. Ресурсы распределялись бы между республиками преимущественно путем торговли между ними, а не путем обязательных поставок по ценам, установленным властями, как это делается теперь.

е). Можно было бы постепенно достичь более равного уровня жизни путем уменьшения разницы в оплате и использования методов распределения, как, например, в скандинавских странах.

3. 2 Политическое правление

Изменения в системе политического правления наиболее важные, но в то же время их труднее всего провести мирным путем. Направление изменений должно идти от нынешней унитарной системы, с властью сконцентрированной в руках немногих наверху, через расширение базы руководства до соучастия всего общества в управлении, но без промежуточной фазы противоположной системы власти. Символично этот переход можно представить следующим образом (схема 2):

Как можно представить себе эту эволюцию?

а). Хозяйственная децентрализация, если бы она была проведена, послужила бы толчком к политической эволюции, так как автоматически привела бы к некоторому разделению и децентрализации политической власти. Вот почему хозяйственные реформы должны были бы предшествовать изменениям политическим.¹

1. А. М. Okun, «Capitalism and Democracy: Some Unifying Principles», Columbia Journal of World Business, 1978.

б). Следующим большим шагом было бы постепенное устранение современной «двойной» структуры управления, при которой партийные органы определяют политику и цели и контролируют их осуществление, а администрация (от министерств вниз) выступает в роли исполнителя.

в). Вышесказанное уменьшило бы власть партии и укрепило бы контроль выборных органов и администрации над принятием решений. Тогда устанавливать политическую линию и принимать решения в большей мере, чем люди верные партии, могли бы те, кто пользуется народной поддержкой и имеет профессиональные знания.

г). В следующей фазе можно было бы начать значительную политическую либерализацию путем все более строгого соблюдения существующей конституции и законов.

д). Обеспечив свободу слова можно было бы, в дальнейшем, предоставить большую свободу объединений. Это могло бы привести к возникновению новых политических группировок.

е). Можно было бы затем окончательно покончить с монополией коммунистической партии, допустив кандидатов различных группировок к избранию в законодательные и исполнительные органы. Верховный Совет мог бы тогда, например, избирать Совет Министров, включая в него представителей всех группировок пропорционально полученным ими голосам.

ж). Затем были бы перераспределены прерогативы, которые превратили бы Советский Союз из *de facto* унитарного государства в подлинно добровольную федерацию автономных и равноправных республик. Конституционное право на выход из Союза должно было бы быть восстановлено с помощью референдумов, и следовало бы быть готовым к вероятности того, что многие республики выбрали бы выход из федерации.

3. 3 *Ценности*

Главными заданиями в изменении системы ценностей являются: устранение противоречий между официальной пропагандой и реальной жизнью; развитие комплекса цен-

ностей и типов поведения, которые соответствовали бы новой хозяйственной и политической системе и облегчали бы ее функционирование. Поэтому упор был бы на переход от официальных эгалитарно-коллективистских (а в действительности — индивидуалистично-конкурентных) ценностей к ценностям группового сотрудничества. Символично этот переход выглядел бы так, как показано на схеме 3:

Проведение в жизнь такой трансформации зависело бы полностью от успеха хозяйственных реформ и изменений в системе управления, и поэтому такая перемена должна была бы произойти в результате реформ, а не перед ними. Это обратный порядок по сравнению с тем, что предлагается для Соединенных Штатов.

В Соединенных Штатах сначала могли бы произойти стихийные изменения, а после того — изменения политических и экономических институтов. Это возможно благодаря плюралистической природе страны и существующей уже свободе мнений и высказываний.

В Советском Союзе разрыв между официальным и фактическим плюс невозможность публичных высказываний означают, что изменение ценностей возможно будет лишь тогда, когда экономические и политические институты (в

рамках которых люди работают, думают и чувствуют) создадут необходимость появления новых моделей поведения, а таким образом и новых взглядов и ценностей. И потому можно принять такой порядок эволюции:

а). Превращение промышленных предприятий и государственных и коллективных хозяйств в автономно управляемые кооперативы привело бы к появлению чувства собственности и ответственности за такие хозяйственные единицы. Их члены постепенно начинали бы ощущать влияние своих решений и своего труда на других, и наоборот.

б). С децентрализацией принятия политических решений и ослаблением системы навязывания постановлений сверху, возникнет чувство привязанности к вещам, группам и общинам, на которые люди могли бы влиять, что приведет к более добровольной дисциплине и подчинению местным потребностям и приоритетам.

в). Если бы политические институты на всех уровнях выносили процессы принятия решений на широкое обсуждение и предоставляли возможности для соучастия в этом процессе, у людей возникло бы чувство отождествления себя со своими институтами и появилась бы готовность избегать конфликтов и искать соглашений.

Описанный процесс продолжался бы в течение целых десятилетий. Были бы какие-то срывы и хозяйственные трудности. Со временем они были бы более чем компенсированы за счет уменьшения расходов на угнетателя-бюрократию и усиления чувства свободы и достоинства.

4. Возможность мирной эволюции

Остается один фундаментальный вопрос: могут ли экономическая система и политическое правление эволюционировать так, как здесь предлагается, без новой войны, революции или других катаклизмов?

Хотя вероятность мирной эволюции очень низкая, есть некоторые факторы, которые могли бы способствовать этому процессу:

а). Необходимость экономических реформ является сама собой разумеющейся. Ее признают многие экономисты;

в шестидесятые годы она обсуждалась довольно откровенно (либерализм); экспериментировали с некоторыми реформами. Подобные реформы спокойно провели в таких странах, как Венгрия.

б). Внутреннее давление в пользу реформ будет возрастать, так как возрастающая сложность планирования будет все более и более отягощать экономику. Кроме того, наблюдаемое уже замедление темпов экономического роста увеличит трудности удовлетворения нужд все более требовательного населения.

в). Некоторые внешние факторы будут действовать в том же направлении. Тот факт, что ряд развивающихся стран, как например Южная Корея, работает в рамках «согласованного свободного предпринимательства», а не директивной экономики, трудно будет игнорировать. Постоянный расчет на импорт нужной техники станет нестерпимым. Необходимость конкурировать на мировых рынках не только в области сырья, но и высококачественных готовых товаров, также станет толчком к либерализации.

г). С политической точки зрения очевидно, что Советский Союз не успевает за новыми тенденциями. Все империи деколонизированы. Пример Испании красноречиво демонстрирует, что диктаторские режимы можно изменить эволюционно. Другие страны (например, Бразилия или даже Чили) могут успешно пройти этот процесс в ближайшем будущем.

д). Внутри страны будет все возрастать «стоимость» удержания на поводу наиболее просвещенной части населения, которая лучше других информирована о внешних реальностях, а значит и о возможности выбора. Противоречия между теорией и практикой нельзя будет маскировать или оправдывать вечно.

е). Весьма вероятно, что кое-кто из русских среди верхушки руководства начнет втайне сомневаться в пользе своей монопольной власти над другими национальностями в Советском Союзе. Главная польза, какую они при этом имеют, — «приятное щекотание национальной самовлюбленности». Но экономическая и политическая стоимость такого господства очень высока. Тоталитарное управление такой огромной и сложной системой, какой является Советский Союз, поглощает непропорционально большое количество

энергии, которую можно было бы использовать для производства полезных хозяйственных и общественно необходимых продуктов и организацию услуг. Поддержание политической дисциплины всего населения означает принятие многих ограничений свободы, даже для людей руководящей верхушки.

ж). Опыт Западной Германии после Второй мировой войны может послужить примером. Немцы чувствовали, что нуждаются в большем просторе для творческого использования избытка своей общественной энергии. В результате проигранной войны они оказались замкнутыми на еще меньшей территории, чем перед ее началом. Тогда они сосредоточили всю свою энергию на этом ограниченном пространстве и в результате создали исключительно богатое хозяйство и политически свободное общество. Думается, что и некоторые русские понимают: такой же вариант возможен и у них, если отказаться от груза «управления» Советским Союзом. Они могли бы пойти на более равное распределение с другими национальностями.

з). Наконец, то, что структура власти эволюционировала от абсолютной личной диктатуры Сталина к стоящей у власти олигархии без серьезных политических катаклизмов, могло бы послужить стимулом для кое-кого из верхушки к дальнейшему расширению основ власти.

Но есть и серьезные сомнения:

а). Русские не имеют традиций либерального типа правления. Для них было бы нелегким заданием повести других к такой системе. Это почти то же, что слепые должны вести слепых.

б). Те, что теперь входят в руководящую элиту, вероятно, боялись бы потерять свои привилегии, а кроме того, возможно, и контроль над процессом либерализации, если бы он полностью развернулся. Интервенция в Чехословакии в 1968 году была откровенным проявлением таких опасений.

в). В связи с трудностями проведения открытых дискуссий фактически никто в стране не может предложить директивного плана или проекта необходимых изменений. Политическая власть достаточно монолитна и достаточно закрыта для каких-либо идей, бросающих серьезный вызов существующему положению.

г). Люди, которые образуют сейчас пирамиду власти, достаточно стары. Мирный выход на пенсию может их больше привлекать, чем сомнительное приключение с либерализацией. На это указывает их недавний возврат к более жесткому контролю над экономикой (в июле 1979 года).

Наиболее вероятный сценарий

Вполне вероятным следствием попытки сохранить существующее положение будет увеличение недовольства, отчуждения и инакомыслия; затем взрывы насилия, усиленные каким-либо событием-катализатором, которые приведут к развалу Советского Союза. В результате большинство нынешних составных республик стали бы независимыми государствами. Они хотели бы сохранить свою независимость на протяжении нескольких десятилетий. Попробовав радостей и горестей такой независимости, они, вероятно, объединились бы добровольно в более крупные единицы, как Соединенные Штаты Европы или Средней Азии, с сохранением полной культурной автономии, как в нынешнем Европейском Сообществе (ЕЭС). Российская республика также нашла бы себе место в каком-то таком наднациональном образовании, но лишь в качестве партнера.

Реально ли вообще говорить о возможных революционных событиях в стране, которая кажется такой монолитной, имеет такую огромную армию, которая выступает в роли гомогенизатора, что сводит в единую целостность разные национальности, и которая имеет органы внутренней безопасности, уже не раз показавшие свою способность раздавить любую оппозицию, даже если для этого надо уничтожить или сослать огромные массы людей?

По законам химии можно растворять в растворе все больше и больше твердых тел вплоть до состояния насыщения. А затем один дополнительный кристалл может осадить все твердые тела. Недавняя история показывает, что подобным образом можно ускорить события в обществах, где накопилось слишком большое напряжение. Для этого нужен лишь катализатор. В Португалии им могла стать книжка, написанная одним из генералов. В Иране, где также имелись сильная армия и безжалостные органы внутренней без-

опасности, это был голос Хомейни, котрый слушали непосредственно (как-будто с неба) с магнитофонных кассет. В Польше папа во время своего недавнего визита мог бы вызвать события почти спонтанного характера, если бы только захотел.

В случае СССР процесс распада мог бы быть ускорен рядом такого рода: возвращение к жесткому планированию приведет к появлению новых узких мест. Положение ухудшат несколько плохих урожаев подряд. Достигнув своего пика, внутренняя добыча нефти упадет, тогда как спрос на нее еще больше возрастет. Советский Союз должен будет обеспечить себя какими-то поставками извне. Ему это сделать нелегко: нужно еще больше повысить мировые цены; одновременно необходимо покупать большое количество пшеницы. Но вместе с тем Советский Союз не может заплатить ни за то, ни за другое экспортом товаров высокого качества. Усиливается искушение захватить по крайней мере часть Ближнего Востока. Вызывается призрак иностранной интервенции, чтобы отвлечь внимание народа от внутренних трудностей и подготовить его ко внешней авантюре, оживляя в памяти Чингиз-хана, Наполеона и Гитлера. Но вторжение на Ближний Восток наталкивается на противодействие, и одновременно дело доходит до столкновения с Китаем. Нервы не выдерживают, и в результате — борьба за власть на верхах, которая совпадает с массовой забастовкой рабочих и выступлениями некоторых «национал-уклонистов». Условия для процесса распада созревают.

Описанный сценарий — не пророчество. Это серия допущений, сформулированных в духе, подобном тому, что лежал в основе предшествующих описаний возможной последовательности эволюционных шагов.

Таким образом, Советский Союз находится на распутье. Путеводитель в будущее указывает две главные дороги — либо глубокие эволюционные изменения, которые требуют большой решимости и умения от нынешнего руководства, либо сохранение нынешнего положения с большой вероятностью распада в конце этого пути.

Оба пути приведут Советский Союз или его государства-наследников в соответствие с вероятным развитием стран остального мира и, таким образом, приблизят к завершающей стадии мирового устройства.

ОБСЛЕДОВАНИЯ ДОМОВЛАДЕНИЙ ГРАЖДАН

После прихода Ю. Андропова к власти советские средства массовой информации начали «дискуссию» о «нарушителях трудового порядка», о лицах, живущих на «нетрудовые доходы», о необходимости укрепления дисциплины и порядка в стране. Нынешняя кампания имеет действенный характер. Новый хозяин СССР, имеющий опыт управления Комитетом государственной безопасности и лучше других осведомленный о положении в стране, решил внести свой вклад в построение коммунистического общества. Меры, используемые ныне для наведения «порядка», свидетельствуют о том, что партия намерена установить тотальный контроль над частной жизнью граждан.

27 марта 1983 г. в газете «Правда» заместитель Министра финансов СССР А. Каменсков заявил следующее: «Министерство финансов СССР со своей стороны систематически проводит работу, чтобы обеспечить надлежащий контроль за деятельностью лиц, извлекающих крупные доходы не от работы на предприятиях, в учреждениях и организациях, регулярно организуя проверки колхозных рынков и *обследования домовладений граждан*».

Хотя «соответствующие государственные органы с привлечением населения», как выражается А. Каменсков, и ведут борьбу с гражданами, живущими «на нетрудовые доходы», но число этих граждан так велико, что пришлось и министерство финансов наделить полицейскими полномочиями. Контроль дохода граждан оправдывается необходимостью «повышения эффективности общественного производства». Дескать, если лишить граждан возможности иметь «нетрудовые доходы», тогда они будут лучше работать на государственных предприятиях.

Хотя ни Сталину, ни Хрущеву не удалось каждого советского человека сделать абсолютно зависимым от государственной кормушки, Андропов, видимо, надеется, что

он осуществит принцип социализма: от каждого по его способностям, каждому по его труду. Партия, требуя от других соблюдения принципа социализма, сама никогда не придерживалась его. Уже Ленин, придя к власти, отказался от «сведения платы всем должностным лицам в государстве до уровня заработной платы рабочего», хотя еще в августе 1917 г. в работе «Государство и революция» был в восторге от этой меры Парижской коммуны.

Принуждая других придерживаться принципа социализма, верхи партии живут по второй части принципа коммунизма: каждому по потребностям. И советский человек, имея перед глазами пример партии, не стремится довольствоваться той мерой потребления, которую определяет ему партия. Он ищет и находит другие, партией не предусмотренные, неконтролируемые пути и средства для удовлетворения своих потребностей.

Хотя партия и не в состоянии была пресечь частное предпринимательство, она сумела предотвратить утечку капиталов за границу. Сейчас она решила нанести подпольному предпринимательству удар с тыла: регулярно «обследовать домовладения граждан». КГБ, ОБХСС, Прокуратура и милиция будут, конечно, по-прежнему стремиться обнаружить и пресечь пути и средства функционирования частного предпринимательства, черного рынка. Но эти органы, как показала практика, не смогли нанести смертельный удар частной инициативе, ибо объем операций черного рынка настолько разнообразен и велик, что в поле зрения этих органов попадает лишь незначительная часть его деятельности. Но гораздо проще «регулярно обыскивать (обследовать) домовладения граждан», подвергая их финансовому анализу. Обнаружив ценности, которые граждане не смогли бы приобрести, если бы жили только за счет заработной платы, изъять их в пользу государства. Если раньше ОБХСС интересовался доходами тех, кто купил машину или дом, то сейчас просто обследуются домовладения тех, кто подозревается в получении побочных доходов. Инициатор этой меры полагает, что частное подпольное предпринимательство должно потерять всякий смысл, если финансовые инспектора могут в любой момент конфисковать все, что нельзя оправдать заработной платой.

Известно, что Хрущев пытался повысить эффективность колхозного производства путем запрета приусадебного хозяйства. Но ожидаемое повышение производительности труда колхозников не наступило, а отсутствие на рынках страны продуктов подсобного хозяйства привело к резкому ухудшению снабжения всего населения страны продуктами питания. Эксперимент с запретом подсобного хозяйства пришлось прекратить, колхозникам вновь разрешили подсобное хозяйство. Такая же участь может постигнуть эксперимент Андропова с «обследованием домовладений граждан». До тех пор, пока существующая система не может законным путем материально заинтересовать трудящихся, экономика страны будет нуждаться в черном рынке. Пример: в 60-тые годы часть продукции трикотажной фабрики города Фрунзе поступала на черный рынок, удовлетворяя острейший спрос населения. Руководители фабрики сумели так рационально организовать производство, что не только выполняли государственный план по всем статьям, но и производили дополнительно высококачественную продукцию для черного рынка. Следует отметить, что часть доходов от оборота на черном рынке они инвестировали в производство: построили новый цех, купили современные машины, улучшили технологию производства. После пресечения деятельности подпольных предпринимателей положение на фабрике во всех отношениях ухудшилось, ибо новое руководство уже не было прямо заинтересовано в том, чтобы фабрика работала без перебоев.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Олдос Хаксли

СВОБОДА И МИР*

В мире, где концентрация экономической власти выгодна правящему меньшинству, результаты беспристрастных научных исследований, естественно, могут служить лишь стимулированию массового производства и массового распределения. В мире, где национализм считается чем-то само собой разумеющимся, а его ценности котируются превыше всего,** все те же результаты, естественно, в конечном счете могут служить лишь производству и непрерывному совершенствованию орудий войны. Поскольку это приносило доход, люди науки, изобретатели и инженеры создали систему централизованной промышленности; будучи истинными националистами и видя в этом свой долг (надо сказать, что долг порой оказывается весьма доходной штукой), они произвели на свет такие чудеса технологической изобретательности как танки, бомбардировщики, огнеметы и ядерные ракеты.

* Часть эссе «Наука, свобода и мир», известного английского писателя, поэта и философа Олдоса Леонарда Хаксли (1894-1963), London, Chatto & Windus, 1970.

** Здесь и далее О. Хаксли имеет в виду под «национализмом» идеологию, которая выше других ценностей ставит интересы национального государства. Как видно из контекста, Хаксли не включает в это понятие идеологию национально-освободительных движений (ред.).

«Национализм, — написал лорд Эктон в 1862 году, — не направлен ни на достижение свободы, ни на достижение благосостояния — и то, и другое он приносит в жертву императивной необходимости превратить нацию в форму и эталон государства. Он оставляет на своем пути материальные и моральные руины». Пророчество Эктона и сегодня продолжает исполняться с неумолимой дословностью. Материальные разрушения, причиненные прикладной наукой на службе у национализма, таковы, что потребуется несколько поколений, чтобы возместить ущерб. Для миллионов мужчин, женщин и особенно детей моральные руины, причиненные войной, не поддаются восстановлению — до конца дней своих им суждено остаться психически надломленными, ущербными и неполноценными. И это, разумеется, еще не все «дары» национализма, который мы превратили в нашу идолопоклонническую религию (предварительно отступившись от веры в отцовскую любовь Господа и в братскую любовь человека). Мир разделен на пятьдесят с лишним административных единиц, именующих себя нациями. У каждой из этих наций есть своя государственная религия, а именно — поклонение самой нации, рассматриваемой как высшая ценность, как Господь Бог. Поклоняться одному из этих пятидесяти с лишним Молохов неизбежно и автоматически означает — быть в вечном крестовом походе против тех, кто исповедует веру в любого другого из этих национальных Молохов. Национализм оставляет за собой нравственные развалины, ибо он отрицает универсальное, отрицает существование единого Бога, отрицает ценность человеческой личности как таковой; в то же время он утверждает исключительность, поощряет тщету, гордыню и самодовольство, оправдывает ненависть и постулирует необходимость и праведность войны. Вновь и вновь на протяжении человеческой истории национализм приводил к роковым последствиям. Взять для примера древнегреческую цивилизацию — во многих отношениях самую высокую из всех, когда-либо достигнутых западным миром. После недолгого благоденствия она разрушила себя национализмом. Каждое государство-полис поклонялось самому себе и, следовательно, ненавидело и презирало своих соседей. Греческий мир великих поэтов, драматургов и

философов хронически находился в состоянии гражданской войны. И он умер от потери крови, став жертвой идолопоклоннического патриотизма и местничества. К счастью, подвернулись македонцы, взявшие власть в свои руки.

Современный мир отличается от древней Греции только уровнем развития и масштабом, но не своим типом. Действие локал-патриотизма, которое в те времена ощущали на себе жители Восточного Средиземноморья, т. е. территории в несколько тысяч квадратных километров, сегодня ощущает на себе население всего земного шара. Как Афины и Спарта вымерли от идолопоклонничества, шапкозакидательства и джингоизма, так и мы выйдем от идолопоклонничества, шапкозакидательства и джингоизма. Но в то время, как технари на службе у различных божков греческого урапатриотизма располагали всего лишь колесницами и копьями, технари на службе у наших пятидесяти с лишним самопоклоняющихся административных единиц снабдили нас бомбардировщиками, способными поразить все живое в радиусе восьми тысяч миль, и атомными ракетами, гарантирующими для целых городов тот же эффект, какой производит ведро кипятка, вылитое на муравейник. «И не введи нас в искушение». Присутствие этой фразы в Нагорной проповеди Иисуса выявляет у автора глубоко реалистическое понимание человеческой природы. Почему должны мы в молитве просить Господа, чтобы не быть введенным в искушение? Да по той простой причине, что, как показывает опыт, в тех случаях, когда Зло искушает людей достаточно энергично и достаточно часто, мужчины и женщины, как правило, поддаются соблазну. Наличие сверхмощных вооружений являет собой для их обладателей непреходящий соблазн прибегнуть к насилию. *Si vis bellum, para bellum*: и когда приготовления к войне ведутся всеми средствами современной науки и технологии, соблазн агрессии, или защиты законных интересов, или выполнения высокого предназначения (оправдательные формулировки разнятся, но характер последствий остается все тот же), становится неизмеримо более интенсивным, вплоть до определенной критической точки — до того момента, когда нация «Икс» почувствует себя стратегически лучше подготовленной и

лучше вооруженной, чем нации «Игрек» и «Зет»; тогда соблазн превращается в категорический императив, в указание свыше начать войну для вящей славы богонации. Но и это еще не все искушение. В последнее время прикладная наука добилась особых успехов в разработке и производстве оружия, предназначенного для невыборочного разрушения на значительных расстояниях. Мощные взрывчатые и зажигательные вещества, тяжелые бомбардировщики и реактивные беспилотные самолеты, минометы и ядерные ракеты — все это вместе взятое создает сильнейший соблазн отмахнуться от традиционных правил ведения войны и одним махом стереть с лица земли все гражданское население противника вместе с его жилищами. Этому искушению поддались все воюющие стороны Второй мировой войны. И до тех пор, пока правительство и промышленники будут субсидировать научные исследования и технологическое освоение новых вооружений, до тех пор это искушение будет неодолимо манить любителей националистической власти, подобно тому, как спиртное, секс или деньги манят алкоголиков, маньяков и скопидомов.

В последнее время многие оптимистически доказывают, что обуздание атомной энергии положит конец неистребимой привычке человечества вести войны. Подобные аргументы приводились и в прошлом. Всякий раз, когда прогрессивная прикладная наука производила на свет новые, радикально эффективные средства умерщвления и побиения, раздавались голоса, приводились факты и цифры, доказывающие, что отныне и навсегда исключена любая война, ибо она стоила бы слишком много жизней, страданий и денег. И тем не менее войны шли своим чередом. Разрабатывались методы защиты от нового разрушительного оружия и изобретались еще более действенные средства возмездия. Технологический прогресс не устранил института войны, он всего лишь видоизменил ее проявления. На сегодняшний день, вроде бы, нет защиты от атомного удара. Но это отнюдь не означает неизбежного конца войн. Коллективная ментальность наций — которую разделяют все разумные взрослые люди, принимая важнейшие решения в области международной политики — это ментальность четырнадцатилетнего хули-

гана, одновременно коварного и дурашливого, злорадного и глупого, маниакально эгоистичного, мнительного и стяжательного и в то же время смехотворно хвастливого и тщеславного. Когда дело касается вопросов, не имеющих большого значения, правила этой странной игры позволяют взрослым людям, ответственным за политику страны, вести себя, как положено взрослым. Но как только в игре оказываются затронутыми важные экономические интересы или национальный престиж, тут доктор Джекилл ретируется и его место занимает несовершеннолетний мистер Гайд, с этическими стандартами юного бандита, мировоззрение которого сформировало чтение Хьюстона Стюарта Чемберлена и самых кровавых комиксов. И не следует забывать, что тот же малолетний преступник, который, в личине политика средних лет, принуждает миллионы страдать от последствий научно организованного зла, сидит и в нас самих, готовый в любую минуту выскочить наружу, как только первый кризис сдерет с нас тонкую кожицу рационализма и идеализма. Для этого юного гангстера в нашем нутре естественной реакцией на атомную бомбу будет не стремление положить конец всяческим войнам, устранив их причины: национализм, экономическое соперничество и жажду власти. Скорее это вызовет в нем стремление воспользоваться новой силой, данной наукой, для установления мирового господства его банды. Весьма показательно, что люди любят говорить о беспощадной борьбе за мир, о борьбе до последней капли крови ради демократии, но почему-то не любят говорить о мире ради прекращения войн, о введении самоуправления (которое представляет собой полярный антитезис милитаризму) ради сохранения демократии. Как и взрослый, в теле которого он прячется, националистический юнец-бандюга боится боли, которую ему может причинить атомная бомба. И все же он продолжает мыслить в категориях кланового соперничества и собственного превосходства. «Если моим ребятам, — говорит он себе, — удастся заставить наших ученых еще более усовершенствовать ракеты и атомные бомбы, если удастся заставить наших заводчиков производить достаточно плутония и урана-235 и достаточно пусковых установок и беспилотных самолетов, то мне останется только нажать на кнопку и —

шарах! — это будет наш последний и решительный бой, война за мир во всем мире, и я стану хозяином всей планеты!».

Говоря о возможности положить конец войнам, нельзя упускать из виду еще одного важного момента: военные приготовления и даже самое войну централизованные правительства находят весьма полезной штукой для их собственных тоталитарных целей. Так, сохранение воинской повинности в мирное время обычно оправдывается тем, что собственная армия является гарантией против войны, в крайнем случае против поражения в войне. В действительности же страны, принявшие закон о воинской повинности в мирное время, вели после этого ровно столько же войн, как и до этого, и потерпели столько же поражений. Подлинную, но не декларируемую причину сохранения воинской повинности в мирное время следует видеть в стремлении каждого сильного, централизованного правительства осуществлять полный контроль над своими подданными, располагая потенциальной возможностью в любой момент ввести военное положение и присвоив себе право, когда заблагорассудится (скажем, в момент забастовки), призвать этих подданных под свои знамена. В эпоху атомного оружия массовая армия представляется неким анахронизмом. Однако ни одна из стран, сохранивших воинскую повинность в мирное время, не проявляет намерения ослабить смертельную хватку, которой она держит свое население. Более того, в странах, где никогда ранее в мирное время не было воинской повинности, находятся высокие военные и гражданские чины, ратующие за массовый призыв в армию.

Есть еще одна причина, по которой подготовка к войне выгодна обладателям централизованной политической власти. Когда в отечестве становится неладно, когда недовольство масс принимает неприятно отчетливые формы, то всегда можно военной авантюрой отвлечь внимание народа от внутренних проблем — благо в нашем мире война остается самым священным из обычаев. Волна ксенофобии и империалистической пропаганды поднимается контролируемые правительством средствами убеждения, по отношению к одной из иностранных держав проводится «политика силы», раздаются призывы к «национальному единству»

(иными словами к безусловной послушности населения правящей олигархии) — в таких условиях любой, кто осмелится пожаловаться на недостатки режима или на произвол, может быть обвиненным в отсутствии патриотизма. Трудно предположить, что высокоцентрализованное правительство сможет когда-либо позволить себе обходиться без милитаризма и угрозы иностранного вторжения. В этом нам видится еще один аргумент в пользу разделения и распыления власти, деинституционализации политики и экономики и введения везде, где это возможно, региональных кооперативов взаимопомощи для массового производства и массового распределения, а также регионального, кооперативного самоуправления для выполнения государственных функций и государственного контроля.

И наконец, следует рассмотреть роль милитаризма в решении таких экономических и социальных проблем, которые сопутствуют технологическому прогрессу общества. Великий Кризис 30-ых годов во всех промышленно развитых странах сопровождался массовой безработицей. Это грозное социальное заболевание в разных странах пытались лечить по-разному. В Великобритании развернули грандиозную программу жилищного строительства; в Соединенных Штатах администрация Рузвельта предпочла сооружение автодорожных коммуникаций и ограничение объема сельскохозяйственной продукции. Эти меры были успешными лишь отчасти. Количество незанятых сократилось, однако безработица как социальное зло искоренена не была. Полного успеха добился лишь Гитлер, начав широкомасштабную программу перевооружения. Безработица исчезла словно по мановению волшебной палочки — сначала в Германии, а потом, по мере того, как в гонку вооружений вступали другие страны, повсюду в индустриализованном мире. Так была найдена панацея от нестабильности — результата научно-технического прогресса на службе централизованного финансового капитала. Но ценой за временное излечение была смерть и разрушения, и финальное состояние втянутых в конфликт стран было несоизмеримо хуже исходного. Тем не менее нельзя исключить, что в один прекрасный день военно-промышленный комплекс вновь не будет призван врачевать

симптомы безработицы.

Следует отметить, что, при нынешней раскладке, оружие — единственный товар, который производится без оглядки на издержки или прибыль. Современная война, помимо прочего, — это состязание между нациями, которому добровольно, бесплодно и бессмысленно отдается в кратчайшие сроки решающая часть капиталовложений. Капиталовложения оказываются неэффективными и непродуктивными; и все же иногда трудно не предполагать, что и в военное время некоторое подобие благополучия можно сохранить, если затрачивать еще больше средств вхолостую и еще меньше заботиться о прибыли. Так и получается там, где мы имеем дело с центральным финансированием, массовым производством и распределением, в сочетании с политической системой типа государственного социализма. Вполне вероятно, что такой порядок в каком-то смысле выгоднее нынешней организации общества. Однако нельзя забывать, что правительство, располагающее монополией на политическую и экономическую власть, постоянно подвергается неодолимому соблазну тирании. В прошлом неограниченная власть всегда развращала властителя, и у нас нет решительно никаких оснований полагать, что в будущем поведение человека будет сколько-нибудь отличаться от такого в прошлом или настоящем. Аргументы в пользу ограничения и децентрализации власти сохраняют силу даже в том случае, если власть сосредоточена в руках социалистической олигархии — это словосочетание, кстати, содержит в себе противоречие; вспомним слова Мидлтона Марри: «Социализм, осуществляемый через автократию или олигархию, — это не социализм, и даже отдаленно не напоминает его». Это не более, чем благодушный деспотизм; а ведь ничто в истории не дает нам оснований для слепой веры в то, что благодушный деспотизм сохранит свое благодушие достаточно долго. Аппетит к власти приходит по мере удовлетворения этого, самого алчного и самого пагубного из вожделений. Против искушения злоупотреблением властью нет никаких гарантий, кроме святости. Но поскольку все меньше людей готовы платить цену за святость и все меньше святых рвутся к власти, здравый смысл подсказывает, что

власть, которой облечены отдельные лица или группы лиц, должна быть строго ограниченной и принцип самоуправления (т. е. принцип разделения власти, сбалансированности и компромисса независимых сил) должен быть претворен в жизнь, причем до предела практических возможностей, во всех сферах человеческой деятельности. Этот принцип предполагает деинституционализацию многих политических или экономических процедур, которые на сегодняшний день планируются «наверху» функционерами частного капитала или национального государства. В нынешних условиях крайне невелики шансы на осуществление этого исключительно целесообразного процесса децентрализации и деинституционализации. Воспитанное так в школах и жизнью, будучи игрушкой в умелых руках специалистов по рекламе и политических пропагандистов, подавляющее большинство людей предпочитает верить, что прогрессирующая институционализация, контролируемая частным капиталом или государством, или и тем, и другим одновременно, — это в высшей степени полезная штука и в то же время неизбежное и вполне естественное развитие. Те, кто сознательно разделяет господствующую централистскую философию, и те, гораздо более многочисленные, кто просто принимает ее на веру как нечто само собой разумеющееся, не могут, конечно, иначе как с подозрением относиться к идеям деинституционализации, взаимопомощи и самоуправления. Совершенно необходимо восстановить интерес к эмерсоновской доктрине опоры на собственные силы — но не абстрактно и в общем плане, а документированно, с учетом всех доступных на сегодняшний день методов достижения независимости в рамках локализованной кооперативной общины. В техническом смысле эти методы, предназначенные для обеспечения первичной ячейки общества — семьи — постоянными запасами продовольствия; механические методы, предназначенные для производства различных потребительских товаров для нужд местного рынка; финансовые методы, такие как создание касс взаимопомощи, где каждый может получить кредит, не увеличивая при этом мощь государства или коммерческих банков; юридические методы, с помощью которых община может защитить себя от корыстолюбивых спекулянтов землей и недвижимостью. В

настоящее время таким документированным и практическим восстановлением старой доктрины занимаются такие люди, как Вилфред Уэллок в Англии, Ральф Борсоди и круг писателей вокруг журнала «Фри Америка» в Соединенных Штатах. Конечно, в оглушительном хоре рекламных агентов, поющих дифирамбы всесильному государству, трудно расслышать эти немногочисленные, одинокие голоса. Впору впасть в отчаяние — но спасает осознание того факта, что и в прошлом порой ничтожные на первый взгляд движения, зародившиеся среди людей, не обладающих никакой политической властью, оказывали в конечном счете решающее влияние на человечество. И вполне можно представить себе, что крошечная сегодня ниша децентрализма завтра заполнит собой всю грандиозную махину современного общества.

Повторяю, в этом нет ничего невозможного; но — до тех пор, пока народы не откажутся от старой привычки решать свои проблемы войной — это маловероятно.

(Перевел с английского Е. Фиштейн)

ТЕОРИЯ ПЬЯЖЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ФУНКЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА*

К середине XX века атеистическое направление в изучении общественного развития зашло в тупик. Представители детерминистического крыла этого направления (например, марксисты) в своих теориях не смогли показать ту важную роль, которую играет в этом процессе интеллект человека. Их противники, антидетерминисты, отводили определяющую роль в развитии общества интеллектуальной деятельности человека. Однако они отказывались от поисков какого-либо объективного смысла в эволюции общества.

Свой основной тезис антидетерминисты основывали на том, что умственная деятельность человека — главного субъекта процесса общественного развития — не имеет какой-либо определенной направленности, иначе говоря недетерминирована. Связь между развитием общества и интеллектуальной деятельностью человека, на которую указал Луис Фойер, подсказывает, что поиск закономерностей и факторов, определяющих общественное развитие, нужно вести именно в плане исследования закономерностей и факторов, определяющих умственную деятельность человека, особенно в ее творческом аспекте. Широкие перспективы в решении этих проблем открывают труды выдающегося швейцарского ученого Жана Пьяже.

Мы начнем знакомство с учением Пьяже с его теории о происхождении мыслящего интеллекта у детей, выводы которой выходят далеко за пределы практической психологии. В этой теории Пьяже выдвинул положение о том, что

* Глава из работы Геннадия Шкляревского «Опыт теории общественного развития». В следующем номере «Форума» будет опубликована еще одна часть этой же работы — «Ассимиляционная деятельность человека и развитие общества».

мыслящий интеллект развивается в результате активного взаимодействия ребенка с окружающим миром (comportement). Основываясь на своих научных наблюдениях Пьяже делает следующий вывод:

«Мыслящий интеллект (т. е. интеллект, оперирующий определенным языком), основывается на практическом или сенсо-моторном интеллекте, который в свою очередь основывается на приобретенных или полученных в результате комбинирования привычках и ассоциациях. Эти же последние в свою очередь предполагают существование системы рефлексов, которые несомненно связаны с морфологической и анатомической структурой организма. Таким образом, существует определенная преемственность между интеллектом и чисто биологическими процессами морфогенеза и адаптации к окружающей среде.**»¹

Пьяже считал, что умственная деятельность человека имеет в своей основе некоторые «инвариантные операции», которые укладываются в рамки «самых общих биологических функций: (процесса) организации (самого организма) и (его) адаптации к окружающей среде.»² Пьяже выделяет в процессе развития интеллекта у ребенка 6 стадий. Начинается он с бессознательных первичных инстинктивных реакций, которые являются функциями отдельных органов ребенка (например, функция рта — сосать, а руки — хватать и т. д.), а кончается стадией, на которой ребенок начинает делать свои первые разумные действия: например, ищет и находит средства для достижения определенной цели (т. е. делает первые изобретения), когда у него развивается представление о вещах как о внешних объектах и о связях между этими объектами. Следующим шагом от представления о предметах и связях между ними является их звуковое обозначение или речь.

Согласно Пьяже, в основе развития этого процесса лежат бессознательные инстинктивные реакции. Органы, с которыми ребенок рождается, неразрывно связаны с определенными функциями. Эти функции являются основой взаимоотношения ребенка с окружающим его миром (то, что

** Примечания в конце статьи

Пьяже называет «comportement»). С их помощью ребенок начинает усваивать объекты внешнего мира: он начинает их хватать, сосать и т. д. Пьяже называет это усвоение ассимиляцией.

Пьяже рассматривает ассимиляцию не как идентификацию субъекта и объекта, а как создание ребенком (субъектом) определенных схем действия и одновременное включение в эти схемы ассимилируемых объектов. Таким образом первичный инстинктивный акт становится первым актом ребенка по освоению (ассимиляции) мира.

Пьяже указывал, что первичные схемы ассимиляции объектов являются и самой элементарной формой психологической ассимиляции мира. С такой элементарной практической деятельности начинается создание сложной структуры взаимодействия с миром, результатом которого и является интеллектуальный аппарат человека. Ассимилятивная схема включает в себя не только определенную функцию организма, но и элементарный психологический акт.³ «Поиск объекта для действия функции (букв., питания функции), — пишет Пьяже, — необходимый для развития взаимодействия с миром (comportement), и упражнение (этой функции) составляют самые элементарные формы психологической ассимиляции».⁴ Развитие сенсомоторных схем ассимиляции необходимо ведет к развитию все более сложных схем психологической ассимиляции. Таким образом, «в психологическом и биологическом плане образование схем (ассимиляции объектов) и организация, являются неотделимыми от деятельности организма по ассимиляции (объектов) и аккомодации (к ним), развитие которой единственно и объясняет возникновение последующих структур.»⁵

Выработав первичную схему с определенным объектом (например, рот-сосание-грудь), ребенок воспроизводит эту схему на самых различных объектах, с которыми он вступает в контакт. Иными словами, первичная схема принимает обобщающий характер (например, сосание применяется не только к материнской груди, но и к другим предметам).

«... субъект ищет объекты для своей деятельности и таким образом последняя является обобщающей; итак, ребенок

сосет, смотрит и слушает во все возрастающем количестве ситуаций. ... С момента, когда ребенок начинает в полном смысле воздействовать на внешний мир, каждое его завоевание ведет не только к воспроизведению, но и к обобщению».⁶

В основе превращения первичной схемы в обобщающую лежит стремление к ее закреплению и сохранению, однако это ведет и к ее дифференциации, так как объекты отличаются друг от друга: например, одни (материнская грудь) ведут к насыщению ребенка, а другие — нет. Кроме дифференциации первичных схем идет еще одновременно и процесс их взаимодействия между собой: например, сочетание схем схватывания и сосания. Сложный процесс одновременной интеграции и дифференциации первичных схем ведет к возникновению вторичных схем.

«Ассимиляция, характерная для вторичных круговых реакций, является ...только продолжением процесса ассимиляции в первичных реакциях».⁷

На этой стадии первичное единство ребенка с миром разрушается, мир становится объектом для ребенка, иначе говоря, объективируется.

«Как все в примитивном мире ребенка служит для того, чтобы он мог сосать, видеть, слушать, дотрагиваться, хватать, все затем становится объектом, который можно трясти, толкать, тереть и т. д. в соответствии с дифференциацией схем видения, хватания и т. д.»⁸

Таким образом, бессознательно в своих действиях ребенок практически осуществляет операцию, которая является очень характерной для деятельности мыслящего интеллекта. Эта операция представляет существенный шаг в развитии человеческого интеллекта.

На уровне вторичных ассимилятивных схем ребенок начинает различать цель и средства ее достижения. Иными словами, он начинает в своей практической деятельности ставить объекты в определенное отношение друг к другу и к самому себе. Пьяже прекрасно демонстрирует этот факт целым рядом наблюдений над поведением детей. Например, в одном из экспериментов ребенок связывал движение купола коляски со схемой хватания и качанием куклы, подвешенной к куполу.⁹

«Такой процесс, — пишет Пьяже, — объясняет почему каждая репродуктивная ассимиляция явления, отдаленного от ребенка (промежуточными связями), ведет к активной выработке (воспроизведению) этих связей. Действие перестает быть простым, начинается дифференциация между средством и целью, и ассимиляция объектов индивидуумом становится построением связи между объектами».¹⁰

Пьяже считает, что организация новых схем является «прогрессом по отношению к первичным схемам в том смысле, что на этой стадии ребенок улавливает отношения между объектами, и в такой степени, в какой эти отношения установлены, он начинает отличать средства от целей».¹¹

В рамки данной работы не входит подробное освещение перехода от схем второй стадии к схемам третьей и так далее. Необходимо только подчеркнуть, что развитие схем ассимиляции объектов вплоть до первых мыслительных операций есть процесс непрерывный, где каждая последующая стадия основывается на предыдущей: схемы предыдущей стадии дифференцируются и интегрируются, создавая таким образом более сложные схемы ассимиляции объектов.

Одновременно усложняется и нервно-психическая деятельность ребенка, необходимая для осуществления сенсомоторных реакций по ассимиляции объектов, что и ведет к возникновению человеческого интеллекта, обладающего способностью мыслить. Уже на второй стадии ассимилятивных схем ребенок начинает различать цель и средства. На последующих стадиях, как отмечает в своих наблюдениях Пьяже, ребенок начинает использовать одни схемы как промежуточные для достижения цели; изменяется, так сказать, ориентация схемы: схема направлена не на непосредственную ассимиляцию объекта, а служит как бы ступенькой для ассимиляции, ребенок, например, раскачивает и трясет подвешенную к куполу коляски куклу не непосредственно ударяя ее, а раскачивая и ударяя предмет, к которому эта кукла подвешена; иными словами, ребенок устанавливает взаимосвязь между куклой, куполом и коляской. Характерным для этой стадии является то, что ребенок начинает ожидать от своих действий определенного результата (например, трясая коляску, он ожидает, что будет качаться кукла, подвешенная к ней); иначе говоря, в действиях еще бессознательного ребенка начинает прояв-

ляться способность к предвидению. Более того, наблюдения Пьяже над этой стадией развития ребенка показывают, что ребенок уже на этой стадии делает усилие «понять, а не только изобрести или даже предвидеть».¹²

На последующих стадиях интеллект ребенка в своем становлении переходит к образному видению. Ассимиляционная деятельность подчеркивает Пьяже, вызывает образ того объекта, на который она направлена, а от образа и образного мышления только один шаг до звукового обозначения этого образа и речи. Конечно в эволюционном развитии человека этот шаг занял весьма продолжительный промежуток времени, но ребенок с помощью социальной среды, которая его окружает, совершает его очень быстро. Пьяже отмечает, что у детей, участвовавших в его экспериментах, именно поиск (практическая деятельность) вызывал механическое произнесение слова, его обозначающего, а не наоборот. На этом основании он делает вывод, что «... образ отсутствующего объекта вызывается без непосредственного восприятия стимула»,¹³ т. е. в результате одного лишь действия.

На последней (шестой) стадии ассимилятивные схемы, отражающие определенные взаимоотношения ребенка и объектов, представляют собой

«... умственные комбинации схем с возможностью дедукции, которым отдается предпочтение перед практическим экспериментированием; изобретательство, вызывание образов с помощью символов — все это свидетельствует о том, что формирование сенсо-моторного интеллекта завершено и становится возможным переход к языку, что в дальнейшем ведет к развитию (у ребенка), под влиянием социальной группы, сознательного интеллекта».¹⁴

Опыты Пьяже, его наблюдения за ранним развитием ребенка и теоретические соображения, основанные на этих наблюдениях, дают возможность сделать следующие выводы:

1. Интеллект ребенка развивается как начало *активных*. Он является результатом активного взаимоотношения ребенка с объектами, в основе которого лежит биологическая структура организма.

«Интеллект ... не появляется как способность к рефлексии, независимая от конкретного положения, которое организм занимает в мире, но с самого начала он связан с биологическими априорными факторами. Он не является независимым абсолютom, а только одной из форм взаимоотношения между организмом и вещами».¹⁵

2. Из вышесказанного следует, что функции интеллекта являются продолжением биологических функций организма. Они уходят своими корнями в сенсо-моторный или практический интеллект, «функции которого являются продолжением механизмов более низкого уровня: круговых реакций, рефлексов и еще далее, морфогенетической деятельности организма».¹⁶

3. Во взаимоотношении организма и окружающего мира Пьяже различает два основных взаимодополняющих процесса—ассимиляции объектов этого мира организмом и адаптации организма к ассимилированным объектам (иными словами его организации). В деятельности интеллекта Пьяже тоже различает «инвариантные операции, которые существуют в рамках двух самых общих биологических функций—организации (окружающего мира) и адаптации».¹⁷

Эти два процесса определяют и дальнейшую эволюцию интеллекта, в частности развитие сознания.

«Сознание, — пишет Пьяже, — начинается не с осознания объектов и не с осознания самой деятельности, а с недифференцированного состояния, которое включает два взаимодополняющих движения: первое — ассимиляция объектов субъектом, а второе — аккомодация (субъекта) к самим вещам».¹⁸

Взаимоотношение интеллекта с объектами представляет собой (по аналогии с взаимоотношением организма и объектов на более низком уровне) прогрессивную «структуризацию в понятиях» внешнего мира и внутреннего «Я» или, что тоже самое, ассимиляцию объектов и адаптацию к ним:

«Именно через прогрессивное построение вырабатываются понятия внешнего мира и внутреннего «Я» как взаимодополняющие функции; процессы ассимиляции и аккомодации являются только инструментами этого построения, но ни в коем случае не его результатом. Что же касается результата, то он всегда зависит от самого построения; кроме этого ни на

одном из уровней не существуют как непосредственно данные в опыте ни «Я», ни окружающая среда. А существует только «интерпретированный» опыт и только благодаря коррелятивной двойной игре ассимиляции и аккомодации. Иными словами, организация, характерная для становления интеллекта, не является ни способностью, которая образует сам интеллект, ни силой, которая образует «Я»: это только операция, последующие структурные кристаллизации которой не составляют интеллекта как такового».¹⁹

В своей теории о происхождении интеллекта у детей Пьяже блестяще синтезировал наиболее ценные достижения современной психологии — лучшее, что было в существующих теориях: от различных теорий адаптации (например, ассоциативный эмпиризм), утверждающих, что происхождение интеллекта является результатом воздействия окружающей среды, и различных теорий врожденности (например, виталистический интеллектуализм), утверждающих, что интеллект является силой или качеством, присущим человеческому мозгу и даже жизни в целом, до более сложных современных теорий (например, гештальтпсихологии, согласно которой интеллект является результатом взаимодействия некоторых структур, присущих биологической организации организма и в первую очередь его нервной системе, с одной стороны, и окружающей среды, с другой).²⁰

Пьяже не только блестяще использовал уже существующие достижения, но как выдающийся теоретик и экспериментатор внес свой оригинальный вклад. Выводы созданной им теории выходят далеко за пределы практической психологии. Она затрагивает не только проблемы раннего развития детей, но и общие проблемы происхождения человеческого интеллекта, так как в своем раннем развитии интеллект ребенка как бы повторяет эволюцию психики в животном мире от простых «круговых реакций» до сравнительно сложного сенсо-моторного интеллекта у высших животных и, наконец, до человеческого интеллекта.

В более поздний период своего творчества Пьяже попытался на основе сформулированных им принципов

развития человеческого интеллекта вывести более общие принципы эволюции животного мира. В частности, он показал какую важную роль играет в эволюции животного мира деятельность организма по ассимиляции объектов окружающей среды.²¹

В отличие от тех направлений биологии, которые отводят организму в сущности пассивную роль в процессе эволюции (например, ламаркизм, представители которого считают эволюцию результатом активного воздействия на организм окружающей среды, к которой организм и должен приспособляться, или мутационизм, который ставит эволюцию в зависимость от случайных мутаций), в своей концепции процесса эволюции Пяже отводит главную роль активному воздействию организма на окружающую среду, ассимиляционной деятельности организма, направленной на объекты этой среды. Характерной чертой его концепции является то, что организм выступает как начало активное.

Уже в своих ранних трудах Пяже высказал мысль о том, что влияние окружающей среды на наследственные изменения организма имеет пределы (например, интенсивность или длительность этого воздействия) и сам организм «воспринимает его (это воздействие) далеко не пассивно, он активно реагирует, адаптируется, и это выходит за пределы привычек, которые просто диктуются извне».²² В более поздний период творчества Пяже развил эту мысль и сформулировал теоретическое положение, согласно которому эволюция живого мира является продуктом активного воздействия организма на окружающую среду. Пяже назвал это активное действие организма на среду процессом, представляющим собой ассимиляцию организмом объектов окружающей среды — «comportement». Он определил его как «действие, оказываемое организмом на среду, или действие, имеющее своей целью модифицировать функциональную ситуацию организма по отношению к этой среде».²³

Согласно Пяже, действие организма на среду, бесспорно, не является односторонним. Среда в свою очередь тоже оказывает воздействие на организм. Однако это действие является только реакцией на действие организма. Иными словами, в своей концепции эволюции живого мира Пяже отводил определяющую, активную роль организму и

его воздействию на среду, а последней отводил роль пассивную, страдательную. Действие организма на среду (ассимиляционную деятельность) Пьяже считал мотором эволюции.²⁴

В одной из своих последних книг «Le Comportement moteur de l'évolution» Пьяже пишет:

«Так как такое взаимодействие (comportement) состоит из действий, направленных на окружающую среду, модификации (организма) являются результатом комбинированного воздействия окружающей среды и собственно деятельности организма».²⁵

В активной ассимиляции среды организмом Пьяже видел динамизирующий фактор эволюции, в то время как в физиологии организма Пьяже отмечал наличие консервативных тенденций:

«Когда мы сравниваем основные функциональные механизмы, общие для физиологии и взаимоотношения со средой (comportement), мы сталкиваемся с постоянным контрастом между консервативными тенденциями, доминирующими в области физиологии и тенденциями к экспансии, характерными для области взаимоотношения с внешней средой (comportement), которые толкают взаимодополняющие процессы ассимиляции и аккомодации к тому, в чем, вероятно, и заключается двойная роль этого взаимодействия на всех уровнях: к расширению среды обитания и увеличению возможностей самого организма».²⁶

Пьяже неоднократно подчеркивал, что активная роль взаимодействия со средой важна не столько для сохранения организма, сколько для расширения среды его обитания. Адаптации организма, сопровождающие этот процесс, не только способствуют выживанию организма в новых условиях. Многие из них представляют собой «специфические адаптации», в которых проявляется «вечно присутствующая потенция (организма) к самопреодолению».²⁷ Пьяже считает, что организм является «открытой системой», развивающейся благодаря взаимодействию с окружающей средой (comportement), суть которого в том, что «оно всегда направлено на самопреодоление и таким образом служит основным мотором эволюции».²⁸

Согласно Пьяже, характерная черта взаимодействия между организмом и окружающей средой состоит в том, что это взаимодействие включает активное действие организма на среду, которая «находится вне соматических пределов и предполагает цели, которые выходят за пределы биохимической программы морфогенеза».²⁹

Как утверждает Пьяже, для действий организма на среду характерна «необходимость самопреодоления», которую нельзя объяснить стремлением к самосохранению. В своей деятельности, направленной на среду, организм преодолевает пределы своих собственных возможностей и результатом этого оказывается «диверсификация и сложность соматической организации, которая, по всей видимости, противостоит законам энтропии».³⁰

Итак, всю эволюцию живого мира Пьяже представляет как развитие процесса ассимиляции организмом окружающей среды, в результате чего расширяется среда обитания организма и увеличивается его способность воздействовать на среду. Расширения среды, ассимилированной организмом, ведет к соматическим изменениям самого организма. Пьяже подчеркивает, что:

«Действие (организма) на среду не имеет своей целью выживание. Оно имеет своей целью расширение своего специфического поля действия через утверждение (своих) схем (ассимиляции).³¹ И это, как мне кажется, является самой важной, определяющей, характерной чертой воздействия организма на среду (*comportement*): постепенное расширение среды обитания и одновременное увеличение способности организма влиять на эту расширяющуюся среду.»³²

В процессе взаимодействия с окружающей средой, в основе которой лежит ассимиляционная деятельность самого организма, этот последний вырабатывает определенные схемы. Исследуя развитие интеллекта у детей, Пьяже показал принцип развития схемы. Исходная схема возникает как простая «круговая реакция», в основе которой лежит функциональная деятельность органов. С такой простой схемы начинается взаимодействие организма и среды. Применение организмом исходной схемы к различным объектам среды (иными словами утверждение этой схемы и ее превращение в схему обобщающую) ведет к диф-

ференциации исходной схемы и таким образом к появлению новых схем. Взаимодействие новых схем ведет к их интеграции, выработке более сложных схем ассимиляции. Таким образом, в результате сложного процесса интеграции и дифференциации схем организм расширяет ассимилированную им среду. Одновременно эта среда оказывает обратное действие на организм, делая необходимым приспособление организма к новым условиям, что ведет к морфологическим изменениям в организме, к его эволюции (эпигенезу).

Данное описание дает лишь самое общее представление о процессе эпигенеза организма в результате развития его взаимодействия со средой. Остается неосвещенным вопрос, каким образом информация, накопленная организмом в процессе взаимодействия со средой, переходит в его генетическую информацию и приводит к морфологическим изменениям. Иными словами, каким образом изменение схем взаимодействия организма и среды влияет на морфологию организма?

Пьяже считает, что активную роль здесь играет нервная система организма, которая и выступает посредником в передаче этой информации, так как нервная система одновременно является и «условием развития ассимилятивной деятельности и отражением общей физиологической организации, интеграции которой она способствует.»³³ Согласно Пьяже, нервная система имеет «две ориентации»:

«Во-первых, она сориентирована на внешний мир и расширяет сферу (действий) своих (функциональных) способностей вместе со способностями к взаимодействию (comportement); в во-вторых, она направлена внутрь (организма) для координации (функционирования) органов. Обе эти формы деятельности (нервной системы) основываются на одних и тех же унитарных эволюционных изменениях, так что одна необходимо дополняет другую.»³⁴

Благодаря своему промежуточному положению нервная система перебрасывает мост между морфологической структурой организма и сферой его взаимодействия со средой (comportement). Звенья этой цепи (морфологическая структура — нервная система — способ взаимодействия со средой) образуют открытую систему, один конец которой направлен во внешний мир; они связаны таким образом, что каждое

звено определяет соседние звенья и одновременно определяется ими. Нервная система отражает общую структуру организма, и в то же время функционирование этой структуры зависит от нервной системы и изменений в ней. Таким же образом нервная система взаимосвязана и со сферой взаимодействия с внешней средой (comportement). С одной стороны, Пьяже видит, что «развитие нервных центров как бы следует... развитию некоторых форм взаимодействия (comportement) даже у высших животных»,³⁵ а с другой стороны, он полагает, что «с точки зрения филогенетики, именно развитие нервной системы, которое объясняется развитием общей организации (организма), вызывает прогресс в области взаимодействия со средой (comportement), даже включая способность последнего к самопреодолению».³⁶

В общей схеме, предложенной Пьяже, способ взаимодействия организма со средой (comportement) обеспечивает связь с внешним миром. Изменения в сфере взаимодействия вызывают изменения в нервной системе (фенотипические изменения), что ведет к морфологическим изменениям в организме. Эти последние вызывают морфологические изменения в нервной системе (ведь она отражает общую физиологическую организацию организма) и это, в свою очередь, создает возможность новых форм взаимодействия и т. д. Вот что об этом пишет Пьяже:

«... Я предложил две взаимодополняющие гипотезы. Первая состоит в том, что элементарные формы взаимодействия (comportement) образуются на уровне фенотипа и когда внутренняя среда (организма) модифицируется этими изменениями, она осуществляет селекцию генетических вариантов до тех пор, пока фенокопия, реконструирующая действия в этих рамках, не произведена эндогенным путем. Вторая гипотеза состоит в том, что сложные инстинкты происходят из генетической комбинаторной системы, которая синтезирует элементарные формы взаимодействия со средой (comportement) и в конечном счете выходит за их пределы посредством комплиментарных усилений — процесса, предполагающего действие по селекции также и со стороны эпигенетической среды.»³⁷

Центральное место в этом процессе занимает фенокопирование, или выработка фенокопий.

«Фенокопия есть биологический процесс, в котором определенные формы взаимодействия со средой (comprotement)... или определенная форма морфологической структуры вырабатываются сначала на уровне фенотипа, но не определяются генетически. В свою очередь фенотип модифицирует внутреннюю среду (организма, т. е. его структуру) и верхние уровни эпигенетической среды; таким образом, вариации или мутации, которые могут иметь место в геноме, будут выбраны не внешней средой, а внутренней, или эпигенетической, средой, которая затем ориентирует их в направлении той же тенденции, которую выработал фенотип; другими словами, произойдет генетическая или генетически обусловленная реконструкция тех новых форм, которые были выработаны на уровне фенотипа.»³⁸

В кратком обзоре невозможно осветить во всех деталях богатое теоретическое наследие Пьяже. Ученый проделал громадный путь от изучения частных проблем развития интеллекта у детей до более общих проблем развития животного мира в целом. В результате своих эмпирических и теоретических исследований Пьяже пришел к фундаментальному выводу о том, что в основе эволюции живого мира и развития человека лежит активное взаимодействие организма со средой. Как правило, в этом взаимодействии именно организм выступает в качестве активного начала. Бесспорно, Пьяже далек от того, чтобы полностью отрицать возможность активного воздействия среды на организм (в результате, например, каких-либо катастрофических изменений среды), однако главную роль в этом взаимодействии он отводил организму: во-первых, катастрофические изменения среды явление довольно редкое в природе, а деятельность организма — фактор присутствующий постоянно, во-вторых, и это главное, в изменениях среды невозможно увидеть постоянно и последовательно действующего фактора, который бы придавал направленность развитию живого мира, в то же время в деятельности самого организма можно ясно увидеть определенную направленность.

Не вдаваясь в обсуждение причины происхождения активной деятельности организма (проблема, которая, по всей вероятности, тесно связана с вопросом о природе материи и принципах ее развития), Пьяже констатировал факт, что эта деятельность направлена на ассимиляцию объектов окружающей организм среды. В результате этой

направленной деятельности организм, во-первых, расширяет ассимилированную среду, а во-вторых, изменяется сам, приспособляясь к этой ассимилированной среде, вырабатывая новые и все более совершенные способы и органы ассимиляции окружающей среды. От простых форм ассимиляции, связанных, например, с питанием организма, у бактерий, организм поднимается до все более сложных, включающих и сложные психические акты. Именно в результате этого процесса и развивается интеллект человека.

Итак, эволюция живого мира никак не имеет своей целью развитие интеллекта. Интеллект человека — результат развития процесса ассимиляции организмом окружающей среды; он есть продукт развития аппарата ассимиляции организмом этой среды, и, следовательно, определяющим моментом его жизнедеятельности является именно ассимиляция окружающей среды.

Несмотря на свою глубокую внутреннюю связь со всем аппаратом ассимилятивной деятельности организма, ассимилятивная деятельность интеллекта принципиально отличается от других видов ассимилятивной деятельности. Если для последних необходим непосредственный контакт с объектом ассимиляции, для ассимиляции посредством интеллекта в таком контакте нет необходимости. Иными словами, ассимиляция посредством интеллекта не ограничена непосредственно средой обитания носителя этого интеллекта: она может быть направлена на объекты, лежащие далеко вне пределов этой среды. Сферу, которая может быть ассимилирована мыслящим интеллектом, нужно понимать в самом широком смысле — как все сущее.

В свете теории Пьяже, определяющим моментом жизнедеятельности человека — носителя мыслящего интеллекта — является деятельность по ассимиляции объектов окружающей среды. Жизнедеятельность человека таким образом представляет собой естественное продолжение общей ассимилятивной деятельности всего живого мира, целью которой является «ни что иное, как расширение обитаемой, а позднее (т. е. с появлением человека) и познанной окружающей среды».³⁹ Творческая же деятельность человека, при всем своем значении, является только частным случаем его общей ассимилятивной деятельности. Следовательно, как и

эта последняя, она направлена на ассимиляцию мира с тем только отличием, что ее характерной чертой является выработка новых форм ассимиляции.

Теория Пьяже дает нам возможность ответить на тот основной вопрос, который поставил в тупик представителей антидетерминистического крыла атеистического направления в изучении общественного развития. Определяющим моментом жизнедеятельности человека в целом, включая и творческую деятельность как ее составную часть, является развитие процесса ассимиляции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Jean Piaget, *The Origin of Intelligence in Children* (New York: International University Press, 1966, p. 1.)
2. *Ibid.*, стр. 4-5.
3. Такой, например, простейший организм как бактерия перемещается в направлении наибольшей концентрации пищи, совершая таким образом элементарный психологический акт выбора на чисто физиологической основе.
4. Piaget, *The Origin of Intelligence*, p. 408.
5. *Ibid.*, стр. 389.
6. *Ibid.*, стр. 386.
7. *Ibid.*, стр. 173.
8. *Ibid.*
9. См. *ibid.*, стр. 173.
10. *Ibid.*,
11. *Ibid.*, стр. 180.
12. *Ibid.*, стр. 261.
13. *Ibid.*, стр. 356.
14. *Ibid.*
15. *Ibid.*, стр. 19.
16. *Ibid.*, стр. 356.
17. *Ibid.*, стр. 4-5.
18. *Ibid.*, стр. 415.
19. *Ibid.*, стр. 136.
20. См., например, критику Пьяже этих теорий в «*The Origin of Intelligence*», стр. 357-407.
21. См., например, J. Piaget, *Le comportement moteur de l'évolution* (Paris: Edition Gallimard, 1976).
22. Piaget, *The Origin of Intelligence*, p. 17.
23. Jean Piaget, *Behavior and Evolution* (New York: Pantheon Books, 1978), p. 131. За неимением лучшего термина я перевел «comportement» как действие, или активное действие, организма на среду.

24. Конечно здесь необходимо отметить, что Пьяже отнюдь не отрицал возможности такой ситуации, когда среда начинает активно воздействовать на организм (например, резкая смена климатических условий, природные катастрофы и т. д.). Однако такая активная роль среды в эволюции была скорее исключением, чем правилом.
25. Piaget, Behavior and Evolution, p. 78.
26. Ibid., стр. 142.
27. Ibid., стр. 150.
28. Ibid., стр. 139.
29. Ibid., стр. 98.
30. Ibid., стр. 121.
31. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что стремление к повторению схемы и применению ее к различным объектам является в сущности стремлением к ее сохранению. Однако в действительности это стремление, как и в случае с ребенком, ведет к дифференциации схемы и выработке новых схем. Таким образом действие организма на среду претерпевает изменения.
32. Piaget, Behavior and Evolution, p. 8.
33. Ibid., стр. 143.
34. Ibid., стр. 145.
35. Ibid., стр. 144.
36. Ibid., стр. 143.
37. Ibid., стр. 150.
38. M. Piatelli-Palmarini, Language and Learning, p. 59.
39. Piaget, Behavior and Evolution, p. XX.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Н. Аргуни

РУССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И БУДУЩЕЕ РОССИИ (Самиздат)

Спор, возникший в рядах русских социал-демократов в начале XX века, продолжается и в настоящее время. Остановимся только на основных расхождениях, выкристаллизовавшихся, в конечном счете, в процессе революции 1917 года в полное организационное обособление большевиков и меньшевиков. Для удобства изложения, в целях приближения к современности, будем называть большевиков с самого начала их деятельности коммунистами, пренебрегая постепенностью перехода: РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС. Меньшевиков же, игнорируя фракционные ответвления, будем называть социал-демократами.

Разногласия, носившие теоретический характер даже в революцию 1905 года, в 1917 году, сразу после свержения царизма, стали совершенно конкретными. Как относиться к буржуазии? Брать или не брать власть в свои руки? Коммунисты за то, чтобы взять власть и «по-плебейски разделаться с буржуазией». Социал-демократы считают историческую роль русской буржуазии невыполненной, саму буржуазию вполне дееспособной, могущей создать развитую национальную промышленность и оздоровить потрясенное войной сельское хозяйство. Коммунисты за диктатуру, за чекистски-полицейский террор, за национализацию промышленности, банков, земли. Социал-демократы за парла-

ментаризм, за сохранение власти в руках буржуазии, за пребывание в оппозиции, за контроль над деятельностью капиталистов, за воздействие на предпринимателей через Советы и свободные профсоюзы. Средства воздействия: демонстрации, стачки, забастовки. Один гимн у коммунистов и социал-демократов. Коммунисты поют: «*Это есть* наш последний и решительный бой», социал-демократы — «*Это будет* последний и решительный бой». Казалось бы, маленькая разница! Почему же *будет*, а не *есть*? От чего и почему стараются удержать социал-демократы коммунистов? Коммунистов, которых они еще продолжают рассматривать как союзников в борьбе с буржуазией и, надо думать, не подозревают, какими способами «союзники» будут уничтожать их. Вот что они говорят коммунистам: Взяв в свои руки власть, вы берете на себя выполнение функций русской буржуазии во внутренней и внешней политике. Интернационалисты по убеждениям, вы будете защищать интересы *национального* русского государства, примете эстафету царизма:¹ полезете и на Ближний, и на Дальний Восток, поведете борьбу и с Западом. Как социалистическое государство, находящееся в капиталистическом окружении, вы будете под постоянной угрозой военного столкновения, что заставит вас в ускоренном порядке расширять промышленное производство, создавать новые отрасли промышленности, работающие на войну, ничего не дающие народу, отбирающие у полуголодного русского населения последний кусок хлеба буквально изо рта. Вы повысите норму эксплуатации рабочих до пределов, которые и не снились русским заводчикам и фабрикантам. Из партии рабочего класса превратитесь в ее антипод: не защищать будете рабочих, а всемерно ущемлять их интересы, подавляя самым беспощадным образом любую попытку сопротивления, независимо от того, какой характер будет носить эта

1. Прогноз этот подтверждается советской политикой на Балканах, в Африке, Юго-Восточной Азии. Подтверждается и борьбой коммунистических тоталитарных режимов между собой: СССР — Китай, Китай — Вьетнам, Вьетнам — Камбоджа; подтверждается и непредоставлением независимости республикам СССР — «Единая, неделимая Россия».

попытка — будет ли она ограничена только экономическими требованиями или будут предъявлены и требования политического характера.

Будучи приверженцами марксистской теории о строгой зависимости между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, социал-демократы утверждали: так как революция в России может быть и есть буржуазно-демократическая, национализация промышленности, земли, банков преждевременна и приведет к экономическому краху, за которым последует крах политический, и вы (большевики) власть не удержите.²

В чем же оказались правы русские социал-демократы и в чем они ошибались?

Ошибки

Не удержите власть. Удержали, на длительный срок. Удержали, установив кровавый тоталитарный режим, введя опричнину: ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ.³ Уничтожили все политические партии, кроме коммунистической, превратившейся в короткий срок в сословно-бюрократическое объединение. Закрыли все газеты и издательства, кроме своих — коммунистических. Цензуру довели до пределов, не применявшихся и при фашизме: даже этикетки на спичечных коробках, билеты в кино, театры и пр. мелочи печатаются только с разрешения-утверждения Обллита (областные организации Главлита).

Возьмете на себя функции буржуазии. Не только взяли, а превратились в нее. Новая буржуазия — так называли их позднее социал-демократы — полностью сосредоточила в своих руках бесконтрольное распоряжение как средствами производства, так и распределением. Все это при абсолют-

2. Берете власть в стране, где 80% населения — мелкие собственники. Уничтоженный вами капитализм будет беспрерывно возрождаться (аргументация Плеханова).

3. Спецвойска, созданные при политической полиции (НКВД-КГБ), были расформированы только после попытки Берии произвести с их помощью переворот.

ном отчуждении от средств производства и распределения фабрично-заводских рабочих и тружеников сельского хозяйства. Стопроцентная пролетаризация была осуществлена сплошной коллективизацией (фактическое ограбление) — мероприятие далеко не бескровное, давшее только на Украине миллионы смертей от голода и пуль.

Новая буржуазия установила полицейско-крепостнический режим управления государством. Ввела вновь уничтоженную революцией паспортную систему.⁴ Запретила беспаспортное проживание, лишила колхозное крестьянство права на получение паспортов и тем самым прикрепила колхозника к земле. И это — при заработке в 100-200 граммов зерна на отработанный трудодень.⁵

Городское население, за исключением номенклатурных работников, закрепощалось жилищем. Рабочий или служащий, задумавший переселиться в другой большой город, встречается, если он даже нашел комнату в частном порядке, с непреодолимой дилеммой: в милиции ему говорят — сначала работа, потом прописка; в отделе кадров предприятия или учреждения — сначала прописка, потом работа... Миграция населения в поисках лучшей жизни внутри страны оказалась почти невозможной. Свободно можно было передвигаться только в деревню или в вымирающие городишки, но и там и тут было голодно, а в маленьких городах, кроме того, угрожала беспросветная безработица. В начале тридцатых годов закрепление рабочих за предприятием протекало так: рабочих, в поисках лучшего заработка переходивших на другое предприятие, называли

4. Профессор Петражицкий в учебнике Римского права (курс лекций, читанный им в дореволюционные годы в Петербургском университете) паспортную систему справедливо считает основным признаком полицейского государства.

5. Фактически это было длительным умиранием с голода. Из тех времен помню деревенскую девочку-нищенку лет 10-12, ходившую по вагонам на перегоне Харьков-Ростов и распевавшую песенку, которая транслировалась в то время ежедневно по радио, славившую Сталина и сытную жизнь в колхозе. Закончив песенку приглашением: «Приезжай, товарищ Сталин, приезжай, отец родной», она шла по вагону с протянутой ручонкой, приговаривая слезно: «Подайте нищенке на пропитание».

«летунами», подвергали позорному глумлению на собраниях, при повторных попытках угрожали судом. В годы Второй империалистической войны рабочие официально закреплялись за предприятием: теперь судили и сажали в тюрьму за прогул и даже за неоднократное опоздание на работу.

В распределении новая буржуазия ведет себя соответственно — бесконтрольно. Высшие партийно-чиновные «слуги народа» в области потребления не ограничивают себя ничем. Свое жилье в пригородах (особняковое, привилегированное, дачное) оградил высокими заборами. Организовали для себя специальное снабжение. Для заборной obsługi открыли особые магазины. Предзаборная obsługi иногда прорывается туда. Говорят в таких случаях — поехали в коммунизм: есть все для удовлетворения потребностей — натуральная колбаса, натуральное масло, икра красная и зернистая и пр. Кормят чиновников в соответствии с «табелем о рангах». Так, в Ленинграде, в Смольном при столовках, в каждую — особый пропуск, то же — в Ленисполкоме. Пруды около заборных дач приспособлены к развлечению — водится и золотистый карп. Рожи вокруг заборных особняков кишат милицией в форме и без: блюдут «чистоту» прудов и рек и...«чистоту» посещающих неофициально закрытые места. Простым гражданам в прудах и в пределах особых границ Москвы-реки в районе правительственных дач купаться запрещено. У золушек, позволивших себе купание в неофициально закрытой зоне, уносят по одной туфельке. За туфельками приходится являться в милицию (есть разъясняющие агенты в штатском), где предупреждают, что купаться здесь запрещено и что в случае повторения можно поплатиться не только туфелькой, и *без возвращения утраты*.

Конечно, личное потребление капиталиста — и дореволюционного, и представителя новой буржуазии — ограничено пределами физических возможностей: у каждого человека один желудок, пара рук, пара ног и т. д. Много прибавочного продукта при этих условиях не поглотить. Весь излишек прибавочной стоимости идет на расширение производства. Новая буржуазия хуже старой потому, что она очень значительную часть прибавочного продукта тратит на колоссально возросший слой паразитического населения и

содержание крайне вздорожавшего правительственного аппарата. К примеру, в здании Министерства внутренних дел царского правительства (улица Дзержинского, дом 2 — бывшая Гороховая) оказалось тесно отделу снабжения Ленисполкома, и он перебрался на новое место. Взамен его там разместился какой-то отдел Главленинградстроя. Можно сравнить с тем же царским министерством огромные корпуса КГБ, занявшие квартал по Литейному проспекту между улицами Чайковского и Воинова. Метастазы КГБ, кроме того, имеются в каждом районе города. *Паразитические слои населения* (не производят, а только потребляют): КГБ, весь аппарат КПСС, Министерство культуры и его периферийные отделы, возросший аппарат тюрем, милиции, вновь возникший слой лагерной администрации (до революции хватало тюрем, лагерей не было), весь аппарат партийной по содержанию печати (нужна партии, не нужна народу), разросшаяся армия — следствие агрессивной внешней политики.

В чем были правы социал-демократы?

Правы были, утверждая: *повысите норму эксплуатации рабочих до пределов, не снившихся русским заводчикам и фабрикантам*. Действительно, никому не снилось, что низкая зарплата рабочих при царизме не будет перекрыта и к шестидесятилетию Октябрьской революции. При царизме заработной платы главы семьи хватало на содержание всей семьи. При коммунистическом управлении семья может существовать только при условии, что работают и отец и мать. «Благополучной» семья становится, когда и дети начинают вносить свою лепту (ПТУ, стипендия, заработок по первому-второму разряду): появляются все предметы мещанского преуспевания — сервант, телевизор, гитара, аккордеон.

По официальным данным советской печати, средняя зарплата рабочих в начале семидесятых годов составляла 150 рублей в месяц. Сличим ее, для сравнения, с имеющимися официальными сведениями по Швеции. Средняя зарплата шведского рабочего 44000 крон в год. По официальному советскому курсу (август 1978 года) 100 крон обмениваются

на 15 рублей. В пересчете средняя зарплата шведского рабочего

$$\frac{44000 \times 15}{100} : 12$$

составит 550 рублей в месяц, т. е. почти в четыре раза выше средней зарплаты советского рабочего. Пособие по безработице в Западной Германии, по данным ФРГ, в пересчете на немецкие марки по официальному советскому курсу составляет 250 рублей в месяц — почти в два раза выше средней зарплаты советского рабочего.

Не следует всерьез принимать заклинания советских руководителей, а вслед за ними и советской печати, что при определении заработка и уровня жизни надо принимать во внимание социальное обеспечение и прочие материальные блага. Не будем говорить обо всем. Сравним пенсионное обеспечение. В СССР высший пенсионный потолок 120 рублей в месяц. Исключим шахтеров, которым с 1977 года повысили пенсионный потолок до 180 рублей в месяц. Возьмем снова Швецию, благо, данные по ней под руками. В Швеции существует два вида пенсий: основная — выплачивается всем, достигшим 65 лет, независимо от работы; дополнительная — выплачивается за работу на государственном или частном предприятии или в учреждении. Средняя пенсия (основная + дополнительная) составляет 2/3 среднего заработка, т. е.

$$\frac{550 \times 2}{3} = 366 \text{ рублей } 66 \text{ коп.}$$

Основная для одинокого — 10920 крон в год или

$$\frac{10920 \times 15}{100} : 12 = 136 \text{ руб. } 50 \text{ коп. в месяц}$$

Основная для супружеской четы — 17820 крон в год или

$$\frac{17820 \times 15}{100} : 12 = 222 \text{ руб. } 75 \text{ коп. на чету в месяц}$$

или 111руб. 37 коп. на одного в месяц.

Вот и сопоставьте

Пенсия в месяц	Швеция	СССР
на одного работавшего достигшего 65 лет, но не работавшего	366 руб. средняя 111-136 руб.	120 руб. максимум ничего не платят

Коммунисты исповедуют положение Маркса о норме эксплуатации как соотношении либо между необходимым и прибавочным временем, либо между необходимым и прибавочным продуктом, либо между зарплатой и прибылью. При отсутствии статистических публикаций (крайней бедности их) по первым двум соотношениям невозможно провести никаких сопоставлений, соотношение же между зарплатой и прибылью можно взять из любого годового бухгалтерского отчета. Привожу данные годовых отчетов по двум предприятиям.

Предприятие	За какой период	Единица измерения	Зарплата рабочих промышленно-производственного персонала	Прибыль	Норма эксплуатации (прибыль в % к зарплате)
Лесопромышленное объединение	один из 60-х годов	млн. р.	20	17	85
Строительное	три из 70-х годов	1 тыс. р.	535	1150	212
		2 тыс. р.	520	800	135
		3 тыс. р.	561	1100	196

Предприятия не названы полным наименованием и годы не указаны точно сознательно: затаскает КГБ главных бухгалтеров. Комментировать приведенные цифры, думаю, не надо, хотя в них следует внести поправку на «систему лжи» в СССР.

Чем же можно объяснить, что рабочие мирятся и с нищенской заработной платой, и с чудовищной эксплуатацией? Только разобщенностью рабочих — отсутствием свободных профсоюзов. Профсоюзы в СССР — придаток коммунистической партии. От них требуется лишь обеспечение роста производительности труда и всемерное содействие выполнению плана. Ни профсоюзы, ни КПСС не думают о введении давно действующего на Западе элементарного положения: заработная плата изменяется прямо пропорционально росту цен.

КПСС — правительство, удерживающее свою власть, опираясь на военщину и КГБ. КГБ контролирует верхи армии и профсоюзов. Зубатов пытался осуществить слияние полиции с профсоюзами. Коммунисты, подмяная под себя профсоюзы, осуществили этот трогательный альянс. Работники политической полиции постоянно дефилируют туда и обратно. Выборы в профсоюзные комитеты столь же «демократичны», как и выборы в Советы. Ко всему привыкают люди. Привыкли и к «положительной» рекомендации избираемого: работал в органах КГБ. Коммунистическое правительство и само ко всему привыкло настолько, что сочло нормальным перемещение полиция-профсоюзы и в высшей инстанции: начальника КГБ Шелепина переместило в председатели ВЦСПС. Получили щелчок в нос от английских тред-юнионов, отказавшихся разговаривать с делегацией советских профсоюзов, возглавляемой Шелепиным. Впредь, видимо, будут осторожней при перемещениях в высших инстанциях, но и только: противоестественное сожительство полиция-профсоюзы сохраняется.

Были ли попытки организации рабочих демонстраций, стачек? Были. Кончились трагически. Остановимся на некоторых.

19 января 1918 года коммунисты розогнали Учредительное собрание. Рабочие ответили митингами протеста. Колпинские рабочие вышли на демонстрацию. Как всегда

бывает, в процессе движения демонстрация обросла детьми, женщинами, стариками. Мирная демонстрация по личному приказу Ленина была расстреляна⁶ из пулеметов латышскими стрелками и матросами.

Летом 1962 года в Новочеркасске из-за повышения цен на мясо вспыхнула забастовка. С демонстрацией протеста рабочие отправились к областному комитету партии коммунистов. Демонстрация была расстреляна из автоматов и раздавлена танками. Трупы не сразу разрешили убрать. Произвели массовые аресты среди рабочих Новочеркасска. Осудили за «хулиганство» и отправили в бытовые лагеря, где, как надеялись власти, воры, казнокрады и убийцы «осудят» мнимых хулиганов (политических преступников в СССР нет!!!). Со свидетелем новочеркасских событий, молодым инженером М., я виделся в течение двух лет. У него от нервного потрясения не переставали дрожать руки. Невропатологи не исключали, что «память» сохранится у него на всю жизнь.

Даже когда «своя своих непознаша», расправа не менее жестока. В пятидесятых годах в Тбилиси возникла массовая демонстрация, шедшая под лозунгом: «Отдайте нам наши трупы» (Берия, Сталин). «Рассеяна» танками.

Аппетит приходит во время еды. Вылезли с расправами и на международную арену. Танк стал «модным» оружием в борьбе с рабочими: Германия в 1953 году, Венгрия в 1956, Чехословакия в 1968.

Правы были социал-демократы, утверждая: *полезете на Ближний и Дальний Восток, полезете и на Запад.*

Ближний Восток. Не только Балканы, но и расширенное против царя продвижение: Африка — арабские и негритянские государства. Держат курс на создание единого

6. В свое время автору статьи было поручено вместе с покойным членом Обкома профсоюза Бруком написать историю завода «Электросила» (б. Сименс и Шуккерт). В архиве завода мы обнаружили ворох резолюций митингов протеста против расстрела колпинских рабочих. Из резолюций явствовало, что протестовали почти все рабочие Московского района. Нам сразу же заявили, что писать историю завода не надо, а архив забрали в ГПУ (тогдашнее КГБ).

арабского государства. Если осуществится, не вызовут ли на себя силу, подобную Китаю?

Дальний и Средний Восток. Китай, Корея, Вьетнам, Камбоджа, Бирма, Афганистан.⁷ С Китаем явный просчет: разбудили сонного великана себе на голову, а быть может, и на погибель.

Столкновения с Западом и расширение за счет его. Постоянная конфронтация с Западной Европой. Политика зигзагов. Целование с Гитлером, совместный с ним раздел Польши. Война 1941-1945 годов. Кроме прямо присоединенных территорий, сателлиты: Польша, Чехословакия, Венгрия, ГДР, Болгария, Румыния (последняя послушна не всегда и не во всем).

Правы были социал-демократы, утверждая: *придете к экономическому и политическому краху.*

Побежденная в Первой и Второй империалистических войнах Германия, придавленная прессом репараций, а после Второй, кроме того, подвергшаяся и прямому ограблению (размонтировались и увозились в СССР целые предприятия), в течение 5-7 лет не только восстанавливала свою экономическую мощь после каждой из войн, но снова становилась первой после США промышленной державой. Советская держава под «мудрым» руководством коммунистов и к началу тридцатых годов примеривалась к уровню предвоенной царской России — к уровню 1913 года. В начале тридцатых годов, после установления личной диктатуры Сталина, объявили об окончании реконструкции и завершении индустриализации. После Второй империалистической стали «догонять» и «перегонять» капиталистические страны. При этом провозглашали приоритет Советов (и даже России с незапамятных времен) во всем. Кибернетика, а заодно с ней и генетика были объявлены лженауками. Людей, призывавших к разуму, обращавших внимание на нашу техническую отсталость во всех отраслях, клеймили как преклоняющихся перед Западом космополитов. Результат: на Западе про-

7. Уже после написания статьи стремительно развернулись события в Афганистане: Тараки-Амин-Бабрак Кармаль и полная оккупация Афганистана советскими войсками.

мышленность, в итоге кибернетической революции, совершила гигантский прыжок, в СССР она топталась почти на месте, по-черепашьи продвигаясь вперед на оборудовании, подвергшемся «моральному износу». Увы, зачастую и полному техническому — износ до производства брака, до разрушения станка (модный тогда «режим экономии»). Справедливости ради следует сказать, что Хрущев не только развенчал Сталина, «открыв» его как палача и деспота, но, опубликовав данные, свидетельствующие о нашей позорной технической отсталости, познакомил нас с «отцом и учителем» как рекордсменом бесхозяйственности. По обыкновению, прикрылись фиговым листочком стыдливости: закрытое письмо ЦК с зачитанием на собраниях парторганизаций без обсуждения.

Не глядя на безобразное руководство промышленностью, она, благодаря безудержной эксплуатации и неисчерпаемому источнику дешевой по-азиатски рабочей силы, медленно ползла вперед. С особой тщательностью недреманное око чудища-партии наблюдало за предприятиями военной промышленности.

Не находится ли все вышесказанное в серьезном противоречии с официальной отчетностью Центрального статистического управления, публикующего ежегодно сводки о росте промышленного и сельскохозяйственного производства? Не находится, ибо в сводках ЦСУ все построено на системе лжи — системе, узаконенной партийно-советским государством. В сводках все правда и все ложь. Сводка — суммированная отчетность предприятий. Правда — точность арифметического суммирования. Ложь — суммирование лживых сведений. С выпуска продукции предприятия не снимается ни стоимость комплектующих изделий, ни стоимость сырья и полуфабрикатов, ни стоимость электроэнергии, топлива, вспомогательных материалов, хотя все эти изделия, материалы, энергия и т. д. уже прошли как выпуск продукции на других предприятиях. Так вот, через многократный показ одной и той же продукции выпуском на различных предприятиях и создается база для мнимого роста темпов развития, национального дохода и доли его на душу населения.

Еще один из видов в государственном порядке органи-

зованной лжи. В 1969 году было произведено снижение цен на строительные материалы примерно на 10% по ряду отраслей. Строительные организации отчитываются в выпуске продукции по сметной стоимости объектов. В сметы этих отраслей стоимость материалов и оборудования закладывается в старых ценах, получает же их строительная организация по новым сниженным ценам. Так тянется уже десятилетие. Отчитываясь в выполнении плана по сметной стоимости, эти отрасли строительства восторгаются мнимым ростом рентабельности.

Большую роль в системе промышленной лжи занимают и приписки, с которыми государство формально борется, но, по существу, бюрократия всех рангов их поощряет, стремясь хорошо выглядеть перед вышестоящим чиновником. Чиновник перед чиновником, чиновник перед чиновником... до Геркулесовых столпов партийно-сословной бюрократии (министерства и высшие партийно-правительственные органы). Автор знает одно управление, осуществившее за девять месяцев 52 тысячи единиц ввода при годовом плане в 352 тыс. единиц. Управление числится передовым. На вопрос, чем вызвано такое отставание, отвечают, лукавя: *шесть месяцев работали в счет прошлой пятилетки!* Причем умудряются получать премии, безмерно вздувая незавершенное производство.

О сельском хозяйстве, его развале много говорить не надо. Тут все ясно. Страна, снабжавшая Европу хлебом, мясом, кожей, шерстью, не может жить без ввоза сельскохозяйственной продукции. Население деревни голодает в буквальном смысле. Ему почти ничего не завозят. Сами деревенские жители лишены возможности производить для себя: приусадебный участок мал, корову, овец держать невозможно — нет выпасов, негде заготовить корма. Действует жестокое правило: сначала заготовки для совхозно-колхозного стада, потом для животных, находящихся в личной собственности колхозника или рабочего совхоза. Для колхоза-совхоза не успевают заготовить до «белых мух» — до снега. После «белых мух» остается только пожелтевшая трава. Ее косить нет смысла: корова, питаясь ей, с голода не сдохнет, но молока не даст (с трудом перезимует). Лишив деревню возможности производить для себя, перевели ее на

магазин. Не была готова товаропроводящая сеть. Беда, с которой можно справиться. Неисправимая беда — отсутствие продуктов для завоза. В магазинах села можно купить спички, махорку, соль, пуговицы, крем и шнурки для ботинок, нитки, кое-какие неходовые ткани и **СОВЕРШЕННО БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ ВОДКУ!**

Прибалтика, Украина, Средняя Азия, Кавказ еще как-то держатся. Соблюдается декорум: советские колонии — не колонии, а свободный союз братских республик. Туда, в целях пропаганды, можно завозить иностранных гостей и даже организовывать проезд их по строго определенным туристским маршрутам. Эти два обстоятельства и определяют относительное благополучие перечисленных республик.* В РСФСР — бедствие. Изможденная рука полуголода легла на горло городского населения. Киров (Вятка), Новосибирск, Красноярск, Астрахань, как свидетельствуют наезжающие оттуда люди, уже пять лет не знают продажи мяса. В Новосибирске официально закрыты мясные отделы во всех продовольственных магазинах. В Астрахани нет и молочных продуктов. Не лучше в других городах РСФСР. Идет подспудное брожение. Успокаивая его, иногда привозят к станку мясо в пакетах. И тут действует табель о рангах: «кому — таторы, а кому — ляторы». Вятичи шутят: «Кирову надо присвоить звание города-героя — столько лет не едят мяса и не сдохли!»

Коммунисты стали не только новой буржуазией, но и новой церковью. Новая церковь исповедует марксизм-ленинизм, срослась намертво с государством, бесцеремонно шарит в государственном кармане, бесцеремонно тратит государственные средства и на вьетнамы, и на схоластическую пропаганду коммунистической религии во всех звеньях: лекции, кино, клубы, театры, все виды обучения — от начальной школы до вуза. О литературе и говорить не приходится: темное царство с изредка пробивающимися лучами света. Все виды искусств в том же положении.

* Сейчас продовольственное положение в национальных республиках ничуть не лучше, если не хуже, чем в РСФСР — см. Продовольственное положение в СССР в 1981 году, «Форум», N 1, сс. 202-211 (ред.).

Промышленная отсталость, полная разруха в сельском хозяйстве подтверждают правильность прогноза социал-демократов об экономическом крахе. Охват кризисом снабжения все больших и больших слоев населения готовит крах политический. Люди уже начинают задумываться о наличии связи между собственной нищетой, полуголодным существованием — с одной стороны, и расходами на Вьетнам, арабские и негритянские страны, на содержание партоплутократии и других паразитических слоев населения — с другой стороны. Политический кризис подготовлен и тем, чего социал-демократы не предвидели. Отсутствие гласности, свободы печати, свободы слова, свободы совести привело к духовному обнищанию народа. Государство, в котором люди живут лишь «днем» своей жизни — рождаются, растут, спят, едят, рукоплещут вождям, пьянствуют, привычно развратничают, смотрят телепередачи и... умирают, такое государство неизбежно должно погибнуть.

Наивно рассматривать историю как цепь случайностей. Все закономерно. «Заслуга» Ленина — создание полицейско-тоталитарной государственной системы. Все остальные — Сталин, Берия, Маленков, Молотов, Хрущев, Суслов, Брежнев — рождены системой. Должна ли и может ли жить полицейско-тоталитарная система, способная породить единоличную диктатуру палача Сталина? Внесли ли в систему тоталитаризма что-нибудь принципиально новое сменившие Сталина? Ответ один — нет и нет. Все отвратительное — пороки самой системы. И хорошо, что она уже пришла к экономическому и политическому краху. КАК ОНА ПОГИБНЕТ? Будет ли это следствием грозящей гибелью всему человечеству войны? Произойдет ли дворцовый переворот? Вспыхнет ли стихийный бунт обнищавшего населения, доведенного голодом и водкой до озверения? Не будем гадать. Остановимся на вопросе о том, что должно делать после падения тоталитарной диктатуры.

Маленькое предварение. Представляю себе, какие вопли и крики подымутся в советской печати после ознакомления с приводимыми ниже положениями, носящими программный характер. Караул! Хотят возврата буржуазии! Караул, добиваются реставрации капитализма! Кричать будут две категории людей: умственно неполноценные (всерьез верят, что в

СССР социализм и счастье) и наглые политиканы (все знают, но не желают уходить из правительственного или партийного кресла, дающего сытую жизнь, покой, власть, иллюзию уважения). Как уже говорилось, капитализм в России не исчезал, а появилась новая буржуазия. Речь идет о замене жадной, корыстной, мелочной, безликой, невежественной новой буржуазии, доказавшей, что она не может управлять производством, о замене ее людьми инициативными, энергичными, способными возродить промышленность и сельское хозяйство.

Общественная собственность, как видно из дальнейшего изложения, сохраняется. Предполагается, что она под влиянием свободного рынка и конкуренции оздоровится. Социалисты Австрии успешно справляются с этой задачей уже много лет — от Отто Бауэра до наших дней.

Итак, что же должно делать после падения тоталитарной коммунистической диктатуры?

В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ

1. Отделение новой церкви — КПСС — от государства.
2. Установление парламентарной республики.
3. Восстановление свободы для всех политических партий.
4. Свобода слова, печати, собраний, совести.
5. Создание свободных профсоюзов с восстановлением права на стачки, забастовки, демонстрации.⁸
6. Государственное (согласительное) регулирование конфликтов между трудящимися и предприятиями.

8. Револьт Пименов, переваливший за сорокалетний возраст, возражая А. Д. Сахарову, выдвинувшему требование об издании закона о свободе забастовок, поражается: «забастовало московское метро,.. присоединились снегоочистители,.. не завозят продукты в магазины,.. не вывозят покойников... Представляете?» Уж не господин ли Журден перед нами? Тот тоже более сорока лет не знал, что говорит прозой.

а. Промышленность

Не денационализация.⁹ Она невозможна. В России нет людей, имеющих достаточно накоплений, чтобы приобрести, даже с рассрочкой платежей, скажем, завод им. Лихачева в Москве, «Путиловец» или «Электросилу» в Ленинграде. Уступка их иностранным капиталистам недопустима: не отвечает интересам России. Передача промышленных предприятий сохранившимся за рубежом наследникам бывших владельцев нежелательна (слишком большие сроки давности) и сложна, т. к. предприятия укрупнились, хотя и медленно, но модернизировались. Да и по соображениям национально-социальным и то и другое ни к чему. Изменение прав собственности не самоцель. Не вознаграждение обиженных революцией владельцев фабрик и заводов или их наследников, а будущее родины, будущее ее многонационального населения, создание наиболее благоприятных условий для развития отечественной промышленности — наша задача.

Не денационализация, а *допущение, при свободных рыночных отношениях, наряду с государственными предприятиями частных, без ограничения их размеров.* Конкуренция между государственными и частными предприятиями в каждом отдельном случае решит, какой способ производства наиболее целесообразен. Безусловно, частные предприниматели ринутся к «узким» местам. Это и будет их первоначальной форой. Заполнят одни, появятся новые «узкие» места. Возникнет свободный перелив капиталов и постепенное их укрупнение.

Под влиянием конкуренции будет происходить оздоровление государственных предприятий. Их целью станет не угождение вышестоящим чиновникам, не обман государства мнимым ростом и мнимой рентабельностью, а подлинная прибыльность объекта.

9. Денационализация, деколлективизация — термины, употребленные А. Д. Сахаровым в одной из его статей. Мне они кажутся, как это видно из текста, не совсем верными.

б. *Сельское хозяйство*

Не деколлективизация. Возвращать некому: умерли и большей частью не своей смертью, ограбленные крестьяне, дети их погибли на фронтах Второй империалистической войны, сохранившиеся отдельные старики доживают на пенсии. Внуки живут в обычной для советских граждан духовной нищете и с землей никак не связаны. Да и что возвращать? Коров десятого поколения? Вымирающих лошадей, на смену которым пришли тракторы, комбайны, автомашины? Косилки, бороны, плуги, конные грабли — механизмы, утратившие почти полностью производственное значение?

Не деколлективизация, а *допущение фермерско-хуторского хозяйства, арендуемого у государства через местные земельные управления на одинаковых с совхозами и колхозами условиях землю.*

Не подлежит никакому сомнению, что здоровое, правильно организованное хозяйство победит во всех отраслях — будь то колхоз, совхоз или ферма. В течение каких-нибудь трех-пяти лет будет решена проблема, с которой Советы неспособны справиться, рынок получит в изобилии мясо, зерно, фрукты. Капиталовложения в различные отрасли сельского хозяйства будут регулироваться соотношениями, складывающимися на рынке.

в. *Банки*

Частный капитал допускается и в сферу финансовой деятельности. Наряду с Госбанком могут существовать кредитные товарищества, акционерные общества и частные банки.

г. *Торговля*

На одинаковых условиях с государственной и кооперативной торговлей разрешается частная торговля во всех звеньях: оптовая и розничная.

д. Труд, зарплата, пенсионное обеспечение

40-часовая рабочая неделя на предприятиях с нормальными условиями труда. 30-часовая рабочая неделя на предприятиях с вредными условиями труда. Условия оплаты труда определяются коллективным договором между свободным профсоюзом и предприятием: государственным, кооперативным, частным. Устанавливаются два вида пенсий: основная и дополнительная. Основная выплачивается всем гражданам, достигшим 65 лет. Она должна быть выше прожиточного минимума на 15-20%. Выплачивается основная пенсия из государственного бюджета. Дополнительная пенсия выплачивается гражданам, имеющим 20-летний стаж работы на государственном, кооперативном или частном предприятии, выплачивается предприятиями пропорционально отработанному у них времени. Размер дополнительной пенсии: — 60% средней зарплаты пенсионера + надбавки на нетрудоспособных членов семьи. Пособия по безработице — на уровне дополнительной пенсии. В случаях падения денежного курса зарплата, пособие по безработице, пенсия возрастают прямо пропорционально росту цен.

е. Налоговое обложение

Устанавливается прогрессивный налог на доход, имущество, наследство, роскошь. Доходы от владения обладаются более высоко, чем доходы от личного труда. В связи с уничтожением расходов на коммунистическую пропаганду за счет госбюджета и сокращением паразитических слоев населения повышается свободный от обложения минимум заработной платы до 100 рублей. В связи с необходимостью восстановить полностью разрушенное сельское хозяйство доходы от сельского хозяйства освобождаются от налогового обложения на неопределенный срок, но не менее, чем на 10-15 лет.

ж. Просвещение, образование

Всеобщее обязательное десятилетнее обучение. Максимальное число учеников в одном классе — 30. Бесплатность

обучения на всех ступенях: школа — вуз. Пересмотр программ на всех ступенях обучения с изъятием из них дисциплин коммунистической пропаганды. Освободившееся большое количество учебных часов передается: в школах — на расширение программ по литературе и истории, в высших учебных заведениях — на расширение программ по специальным предметам. Каждому обществу или организации определенного мировоззрения предоставляется право заботиться о подготовке молодежи соответствующего направления. С этой целью разрешается чтение лекций факультативно в высших учебных заведениях. Все расходы по факультативу несет соответствующая организация (политическая партия, философское общество и пр.). Затраты на эти цели из государственных средств не допускаются.

3. Церковь, религия

Церковь остается отделенной от государства. Все мировоззрения (религиозные, философские, научные и политические всех родов) равноправны перед законом. Все общества того или иного мировоззрения являются частными организациями. Сами управляют своими делами и замещают должности без участия государства, сами заботятся о доходах и расходах по управлению и о расходах по подготовке своих работников. В государстве действует единый брачный закон независимо от вероисповедания. Запись брака и ведение метрик осуществляется государством. Не возбраняются культовые обряды (венчание и крещение в церкви). Преследование граждан за политические или религиозные убеждения является преступлением, наказуемым в уголовном порядке.

и. Национальный вопрос...

Все союзные республики имеют право на полное отделение — право выхода из СССР. Вопрос о пребывании в составе СССР или о выходе из него решается путем всенародного референдума. Граждане всех национальностей равны перед законом. Дискриминация граждан по национальному признаку — преступление, наказуемое в уголовном порядке.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Знакомя читателей со взглядами русских социал-демократов, я, по существу, изложил их представления о будущем России. Автору приходилось близко соприкасаться с некоторыми крупными представителями русского социал-демократического движения. В основном беседы носили характер «взгляда назад»: разногласия между коммунистами и социал-демократами, заговор коммунистов и захват ими власти, личные воспоминания и пр. Кое-что просматривалось и вперед. К сожалению, только кое-что, так что многое додумано самим автором.

Не следует упрекать автора в забвении жгучих для наших дней вопросов: использование психиатрических больниц в качестве средства борьбы с инакомыслием, юдофобство, жилищный кризис, свобода передвижения внутри страны, свобода выезда за границу, свобода обратного въезда, судебная реформа (восстановление суда присяжных) и т. д. Многие из этого станут органически невозможным, многое умрет естественной смертью, многое возникнет вновь в парламентарной республике при многопартийной системе.

Так как социал-демократы придерживались взглядов Карла Маркса, приведу еще один довод о неизбежности крушения коммунистического строя в СССР, вытекающий из теории Маркса. Речь идет о зависимости между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. Промышленности и сельскому хозяйству стало слишком тесно в тисках коммунистической системы: промышленность отстала, сельское хозяйство загублено. Видимо, пора менять производственные отношения, ибо «новая буржуазия» не оправдала себя и не оправдана историей!

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Евгений Габович

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Вторая мировая война закончилась в 1945 году. Война по всему миру продолжается вот уже скоро сорок лет после окончания этой крупнейшей в человеческой истории бойни.

Прямым продолжением Второй мировой войны явилась греческая гражданская война. Впрочем, гражданской ее можно назвать лишь с определенной натяжкой. Основной причиной ее возникновения скорее следует считать стремление к совершенству «гениального стратега современности» Иосифа Виссарионовича Сталина. Вторая мировая война приближалась к концу, советские войска вступили в 1944 году на территорию Восточной Европы. По соглашению с союзниками почти вся Восточная Европа становилась областью влияния советской империи. Вся, да не совсем. Одно досадное — с точки зрения Сталина — исключение составляла Греция.

Традиционная союзница Англии, мужественно противостоявшая в начале второй мировой войны итальянскому нападению и лишь с помощью немецких войск разбитая, Греция к этому времени была освобождена войсками западных союзников. Устремленному в будущее взору

Copyright: Е. Габович

Сталина уже ясно виделась картина коммунистических Балкан. Несмотря на все нынешние нюансы, почти все балканские страны сегодня являются коммунистическими: и фрондирующая, но в то же время самая тоталитарная среди стран Варшавского договора Румыния, и верный союзник СССР Болгария (ее шестнадцатая союзная республика), и считающая себя неприсоединившейся Югославия, и сверх-сталинистская Албания — все эти страны имеют прочные коммунистические режимы. Единственное исключение — это Греция.

По планам Сталина, этого исключения не должно было быть. Обосновавшись в Болгарии и Югославии, Советский Союз приказал коммунистической партии Греции развернуть в стране партизанскую войну, добиться вывода из Греции английских войск, свергнуть прозападное правительство. Гражданская война началась. Около пяти лет действовавшие с баз на территории Югославии и Болгарии коммунистические партизанские отряды пытались выполнить это задание Сталина, но греческий народ не захотел променять один тоталитарный режим (режим немецкой оккупации) на другой (коммунистический). Вновь созданная с помощью западных союзников греческая армия разбила коммунистические партизанские отряды, лишившиеся из-за советско-югославского конфликта важной части своих баз снабжения. В 1949-м году война, стоившая греческому народу около 50 тысяч жизней, закончилась.

Вторым поражением сталинской политики военного наступления явилась корейская война. Обсудив причины поражения в войне против Греции, советское руководство избрало в Корее другой вариант: вместо партизанской войны — прямое наступление регулярных войск.

О начале этой войны в 1950 году советская пресса сообщала приблизительно следующим образом: «Сегодня в такое-то время вероломно, без объявления войны южнокорейские войска напали на Северную Корею. Бойцы мужественной народной армии Северной Кореи отбили это вероломное нападение, перешли в контратаку и к середине дня освободили столицу Южной Кореи город Сеул.»

В последующие несколько дней хорошо подготовившиеся к началу войны, вооруженные и обученные Советским

Союзом северокорейские войска захватили почти всю Южную Корею. Конец, казалось, был близок. Остатки южнокорейских войск столпились на небольшом плацдарме вокруг портового города Пусан на южной оконечности Корейского полуострова. Царила паника. Все, кто мог, прорывались на корабли, покидающие Корею.

Однако и на этот раз Советский Союз просчитался. Соединенные Штаты быстро провели на заседании Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию, осуждающую эту коммунистическую агрессию, призывающую к созданию войск ООН для противостояния захватчикам. Срочно переброшенные из Японии и США американские десантные войска высадились с двух сторон Корейского полуострова, окружили и разбили большую часть северокорейской армии и, не только освободили всю Южную Корею, но и захватили Пхеньян и вообще почти всю Северную Корею.

Затем в войну вступил коммунистический Китай. Войскам ООН, в которые входили воинские части не только Соединенных Штатов Америки, но и таких европейских стран, как Великобритания, Голландия, Бельгия, Франция и Греция, таких азиатских стран, как Турция, Таиланд и Филиппины, а также Канады, Колумбии, Эфиопии и Австралии, пришлось столкнуться с фактором огромного численного перевеса коммунистических войск. Они отступили с территории Северной Кореи. Война приняла затяжной и кровопролитный характер. Она закончилась лишь со смертью Сталина, во второй половине 1953 года.

Соединенные Штаты потеряли в этой войне 55 тысяч человек, Южная Корея — 415 тысяч человек. Коммунистическим странам война обошлась почти в полтора миллиона жизней солдат и офицеров. Из этого числа погибших около миллиона — китайцы, 520 тысяч — северокорейцы, количество погибших советских инструкторов и военных советников нам неизвестно.

Более удачной для коммунистов была война во Вьетнаме (1945–54) или, как тогда говорили, во Французском Индокитае. Девять лет поддерживаемые Советским Союзом и коммунистическим Китаем коммунистические партизанские отряды вьетнамцев воевали против французских колониальных войск и сражавшихся на их стороне антикоммунисти-

ческих вьетнамских отрядов. Война кончилась известным поражением французов под Дьен-Бьен-Фу и созданием на севере Вьетнама Вьетнамской Демократической Республики.

В свете последующих исторических событий поражение под Дьен-Бьен-Фу представляется не столь уж и значительным. Вывод французских войск из Индо-Китая был не столько следствием этого поражения, сколько впервые со всей ясностью проявившейся тогда слабости морального духа западноевропейских стран перед лицом массивного военного наступления коммунизма. По далеко не полным данным эта война обошлась более, чем в сто тысяч жизней.

Приведенные три примера демонстрируют со всей ясностью, что одним из основных моторов всех войн последних десятилетий на земном шаре является прямая коммунистическая агрессия. Впрочем, и в тех войнах, где войска коммунистических стран не принимают непосредственного участия, война зачастую ведется с помощью коммунистических стран, оружием, поставленным коммунистическими странами, войсками, обученными инструкторами из стран коммунистического блока.

Пожалуй, лишь в таких небольших конфликтах, как индонезийская война 1945-46 годов, в которую были вовлечены Великобритания и Голландия (1400 убитых), и первая кашмирская война между Индией и Пакистаном 1947-49 гг. (1500 убитых), отсутствовало прямое или существенное косвенное советское вмешательство. В более позднее время к таким конфликтам можно, быть может, отнести кубинскую революцию 1956-59 гг. (500 убитых), футбольную войну 1969 г. между Гондурасом и Эль-Сальвадором (2 000 убитых) и недавний фолклендский конфликт между Аргентиной и Великобританией (1250 убитых).

Прямое советское участие в войне против Венгрии в 1956 году (30 тыс. убитых, в том числе 5 тыс. советских солдат), в подавлении рабочих восстаний в Берлине и Варшаве, в советско-китайском пограничном конфликте — хорошо известно. Последний и, пожалуй, самый грустный пример подобного рода, длящаяся уже более трех лет война в Афганистане.

Прямое китайское участие в войнах тоже имеет свою длительную историю. В 1956-59 гг. Китай осуществил

завоевание бывшего до этого независимым, политически связанного с Индией, Тибета. Эта война против тибетского народа принесла 40 тысяч убитых. В 1962 году КНР напала на Индию и захватила часть ее территории. В этом пограничном конфликте погибло около тысячи человек. Наконец, сравнительно недавняя китайско-вьетнамская война явилась первым в истории примером открытого военного столкновения двух коммунистических стран. Данные о количестве погибших в этой войне автору неизвестны.

Косвенное участие Китая в гражданских войнах в Лаосе и Камбодже, а также во второй вьетнамской войне, инспирированные КНР партизанские войны в пограничных с Китаем районах Бирмы и Индии, в Таиланде, свидетельствуют о том, что не только Советский Союз организует и поддерживает партизанскую войну в различных странах, добивается дестабилизации и падения существующих в этих странах правительств.

Если Китай в основном проводит эту политику в Азии, то Советский Союз действует по всему миру. В Европе СССР поддерживает практически любые террористические движения, лишь бы они были направлены против существующего в европейских странах политического строя. В Латинской Америке трудно найти страну, в которой коммунистические партизанские отряды не пытались бы, используя советское вооружение, захватить власть или хотя бы создать способствующую этому «революционную» ситуацию. Наиболее кровавая из этих партизанских войн — мало известная, почти позабытая 20-летняя гражданская война в Колумбии, получившая на Западе название Ла-Виоленсия (Насилие), которая унесла, по некоторым подсчетам, около 300 тысяч жизней (1948-66 гг.).

Первая серьезная победа в этой серии организованных коммунистами гражданских войн была одержана в 1979 году в Никарагуа (установление коммунистического режима на Кубе произошло не в ходе гражданской войны, а через некоторое время после окончания оной). Эта война унесла 40 тысяч жизней и почти сразу же перекинулась на соседнюю республику Эль-Сальвадор. С 1980 года в Эль-Сальвадоре уже погибло около 30 тысяч человек.

В ряде латиноамериканских стран гражданские войны

вспыхнули в результате перехода в наступление антикоммунистических сил. Разгромом прокоммунистических партий и партизанских отрядов закончилась гражданская война в Доминиканской республике в 1965 году (3 тысячи убитых). Победа Пиночета и чилийских правых генералов стоила чилийскому народу, по разным оценкам, от 3 до 80 тысяч жизней.

В Африке в послевоенные годы развернулся обширный процесс деколонизации. Десяткам стран, часто неподготовленным к самостоятельному существованию, была, в основном добровольно, колониальными державами, такими как Англия и Франция, предоставлена независимость. В отдельных странах процесс деколонизации, насильственно ускорялся инспирируемыми и поддерживаемыми коммунистами так называемыми войнами за освобождение. Первая, сравнительно небольшая такая война шла в 1952-55 гг. в Кении. Было зарегистрировано около 800 убитых. Британское правительство, не желая более серьезных человеческих жертв, поспешило предоставить Кении независимость.

Значительно более продолжительной и ожесточенной оказалась «война за независимость» в Алжире. Она продолжалась восемь лет и закончилась в 1962 году предоставлением Де Голлем независимости Алжиру, массовым бегством из Алжира французской части его населения, огромной арабской эмиграцией во Францию из Алжира в последующие годы. Эта война обошлась Франции в 10 тысяч и арабскому населению Алжира в 70 тысяч жизней.

В 70-е годы независимость была предоставлена последним колониям европейских держав в Африке: португальским колониям Анголе и Мозамбику. Продолжавшаяся в этих странах многие годы партизанская война не закончилась с предоставлением этим странам государственной независимости. Национально-освободительные движения различных племенных групп, лишившись общего врага («португальских колонизаторов»), продолжают вести войну ... друг против друга.

Этот пример иллюстрирует еще один важный источник современных войн. Предоставляя в спешке независимость своим колониям, колониальные державы оставили новым суверенным государствам Африки в наследство нерешенную

проблему несовпадения государственных границ с границами расселения различных племенных групп и народностей. Эта проблема вызвала в 1960 году ожесточенную гражданскую войну в бельгийском Конго, продолжавшуюся четыре года и потребовавшую для своего прекращения вмешательства войск ООН. Она же привела к двум страшнейшим войнам за всю историю Африки: к войне Нигерии против попытавшейся отколоться от нее республики Биафра, созданной народностью ибо, и к гражданской войне в Бурунди (1967-70 гг. и 1972-73 гг.). Каждая из этих отличавшихся страшными зверствами и геноцидом войн унесла более миллиона жизней. Народность ибо была физически уничтожена почти наполовину, в Бурунди целые племена были вырезаны.

Африканские войны последних лет хорошо известны. Война Танганьики против Уганды, приведшая к свержению ненавистного всему миру Иди Амина, стоила сама по себе гораздо меньше жизней, чем годы его кровавой диктатуры. Война бывшего советского союзника Сомали с нынешним советским союзником Эфиопией при участии в ней кубинских войск и военных специалистов из социалистических стран Восточной Европы велась наиболее ожесточенно в 1977-78 гг. и стоила лишь Сомали 15 тысяч жизней. Количество погибших на эфиопской стороне неизвестно, но скорее всего исчисляется цифрами того же порядка. Эта война продолжается, пусть и не столь интенсивно, и в наше время. Другая еще не окончившаяся война — так называемая сахарская — началась в 1978 году и уже обошла Марокко в 10 тысяч жизней. Потери на стороне Алжира и марионеточной республики Южной Сахары не сообщаются.

Вернемся снова в Азию. Кроме уже названных корейской войны, оккупации Тибета Китаем и войны индокитайских коммунистов против Франции, наиболее известной и кровопролитной была вторая вьетнамская война, продолжавшаяся с 1961 года по 1973 год. Эта война обошла Соединенным Штатам, сражавшимся на стороне Южного Вьетнама в 46 тысяч человеческих жизней, Северный и Южный Вьетнам потеряли в этой войне более полумиллиона человек. Первая (1947-49 гг.) и вторая (1965) кашмирские войны между Индией и Пакистаном были сравнительно малокровопролитными («только» 10 тысяч убитыми).

Хорошо известна и дрящящая вот уже скоро тридцать пять лет арабо-израильская война. Ее обычно подразделяют на отдельные конфликты, такие как палестинская война 1948-49 гг., синайская война 1956 года, шестидневная война 1967 года и последовавшая за ней война на изнеможение, йом-кипурная война 1973 года и израильско-палестинская война на территории Ливана, свидетелями кульминации которой мы только что были. На самом же деле пока лишь одна арабская страна (Египет) заключила мир с Израилем, почти все остальные арабские страны находятся с 1948 года в состоянии войны с Израилем и лишь некоторые из них заключали в различные периоды соглашения о перемирии. Однако перемирие не есть мир, война продолжается. Она уже унесла более 60 тысяч жизней.

Во столько же примерно жизней обошлась и гражданская война в Ливане 1975-77 гг., которая тоже фактически еще тлеет и приводит ко все новым и новым жертвам, к последним из которых можно отнести не успевшего вступить в должность президента Ливана Башира Джемаеля и палестинцев, уничтоженных в лагерях беженцев христианами-фалангистами в знак кровавой мести за убийство их вождя. Продолжается и ирано-иракская война, количество жертв которой тоже оценивается по меньшей мере в 50-60 тысяч убитых и конца которой не видно.

Итак, как мы сказали в самом начале, вторая мировая война закончилась, однако война во всем мире продолжается. Каковы же перспективы на будущее? На опубликованной недавно одним научным журналом карте мира яркочерным цветом показаны страны или пограничные участки между различными странами, которые представляют собой районы потенциальной угрозы возникновения новых войн. В Америке — это Чили и Аргентина, между которыми царят весьма напряженные отношения, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор, Гватемала и Белиз, в Африке — Западная Сахара и Алжир, граница между Ливией и Чадом, Судан, Эфиопия, Сомали, Уганда, Заир, Ангола, Зимбабве и граница между Мозамбиком и Южно-Африканской Республикой. В Азии — это почти все страны Ближнего Востока: Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Сирия, Ирак и Иран, а также Кипр, Афганистан, Пакистан, индийский Кашмир, границы между Китаем и

такими соседними с ним странами, как Бирма, Лаос и Вьетнам, советско-китайская граница, Корея, Индонезия, Филиппины, Новая Гвинея. Наиболее мирной выглядит карта Европы, но и здесь есть районы потенциальных или уже начавшихся конфликтов: Польша, Югославия, Северная Ирландия и граница между Западной и Восточной Германией. Конечно, оценки составителей этой карты могут быть и не совсем точными. Но общий принцип скорее всего правилен: как это ни печально, войны и в ближайшие годы и в ближайшие десятилетия будут на земле продолжаться.

Все перечисленные и неперечисленные (например, гражданская война в Китае) войны, несмотря на то, что многие из них стоили жизни миллионам людей, несмотря на то, что все они вместе унесли лишь немногим менее десяти миллионов человеческих жизней, относятся политологами к разряду локальных войн. С неизбежностью локальных войн весь мир, кажется, уже смирился. Все помыслы западных политиков устремлены на то, чтобы не допустить войны глобальной, избежать третьей мировой войны, не довести дела до полного уничтожения всей земной цивилизации. И тут мы подходим к теме ядерного оружия, одной из заслуг которого является, как считают многие, неперерастание локальных войн в мировую войну.

Так было, по крайней мере, до сегодняшнего дня. В атомный пул современности официально входят шесть государств. Это — Советский Союз, США, Китай, Великобритания, Франция и Индия. Последняя, правда, называет свои атомные бомбы мирными взрывными устройствами. Считается, что атомным оружием, хотя об этом и не объявлено официально, обладают еще две страны: Южно-Африканская республика и Израиль. Техническую возможность производить ядерное вооружение имеют уже сегодня такие страны, как Япония, Канада, Западная Германия, Италия, Швейцария, Швеция и Пакистан. В течение ближайших пяти — десяти лет к этим странам добавятся почти все остальные западноевропейские страны, Бразилия и Аргентина, Южная Корея, Тайвань, Австралия, Ирак, Египет и Ливия. Данные о социалистических странах отсутствуют. Техническая возможность производить ядерное оружие имеется у многих из них, однако Советский Союз, скорее всего, следит за

сохранением своей ядерной монополии в Варшавском пакте. Будет ли и через десять лет ядерное оружие, если оно действительно так широко распространится, сдерживающим фактором, или же оно приведет к первым локальным войнам с использованием атомных бомб, а тем самым и к увеличению вероятности третьей мировой войны, покажет будущее. К сожалению, вероятность ядерной мировой войны с ростом ядерных арсеналов и, главное, их количества, скорее всего, возрастает.

Впрочем, и без атомного оружия войск и вооружения во всем мире предостаточно. Наибольшей по численности армией в мире располагает Китай — 4,75 млн. человек. За ним следуют Советский Союз — 3 млн., США — приблизительно 2 млн., Индия — 1,1 млн, Северная Корея — 780 тыс. человек, Южная Корея — 600 тыс., Турция — 570 тыс., Франция и Западная Германия — по 500 тысяч, Пакистан — 450 тыс. военнослужащих. Около 1,110 тысяч держат под ружьем восточноевропейские союзники СССР.

Количество межконтинентальных баллистических ракет исчисляется в 1400 в СССР и 1050 в США. Первые такие ракеты уже построены в Китае. Ракет среднего радиуса действия (около 3 тыс. км) — 710 в СССР, 70 в Китае и 20 во Франции. В Западной Германии стационарировано сто американских ракет «Першинг-1», имеющих гораздо меньший радиус действия. Баллистических ракет дальнего радиуса действия, запускаемых с подводных лодок: 1030 — в СССР, 600 — в США, по 60 — во Франции и Великобритании.

США имеют 14 авианосцев, СССР — 4, Франция — 3, Великобритания — 2, Бразилия, Аргентина, Австралия, Индия и Италия — по одному. Бомбардировщиков дальнего радиуса действия, способных заправляться в воздухе, США имеют 430, СССР — 160, Великобритания — 50, Франция — 30.

Истребителей и истребителей-бомбардировщиков больше всего в СССР — 6100, далее следуют США — 5900, Китай — 5600 (в основном устаревшей конструкции), восточноевропейские союзники СССР — 2100, Израиль, Индия, Франция, Египет, Швеция, Западная Германия, Северная Корея — по 600, Великобритания — 500, Япония, Сирия, Иран, Южно-Африканская Республика — по 400, Турция, Пакистан, Ирак, Южная Корея, Югославия, Швейцария, Греция, Алжир,

Италия — по 300, Ливия, Аргентина, Испания, Канада, Куба — по 200, Дания, Эфиопия, Сингапур, Бразилия и Перу — по 100.

Из приведенных цифр путем их деления на численность населения соответствующих стран легко вывести новые, показывающие разительные различия в количестве того или иного вооружения, приходящегося в разных странах мира на определенное число жителей, скажем, на миллион человек. Так что у гонки вооружений еще немало неиспользованных целей и резервов, любезно предоставляемых в ее распоряжение нашей противоречивой цивилизацией, наиболее успешно проявляющей себя именно в области создания средств своего же уничтожения.

ИЗ ПРОШЛОГО

Б. Вайль

СУББОТНИКИ: ДОБРОВОЛЬНО, НО ОБЯЗАТЕЛЬНО

Еще 300 лет тому назад один из замечательных людей и бесстрашных борцов за лучшее будущее, Томас Кампанелла, в своем «Государстве Солнца» находил, что люди коммунистического общества работают по-коммунистически. «В надлежащее время, — говорит Кампанелла, — все граждане в полном вооружении, с трубами, барабанами и знаменами отправляются пахать, сеять, копать, жать или собирать плоды и виноград; вся работа исполняется в несколько часов, так как способ работы у них выработан превосходно».

Не напоминают ли эту картину наши «субботники», на которые передовые и сознательные рабочие и красноармейцы выходят для производства революционной работы, работы коммунистической, выходят с музыкой, с музыкой же и с пением Интернационала заканчивают ее? Не напоминают ли ее тот порыв и то воодушевление, которые охватывают каждого участника «субботника»?

(«Красная Москва 1917-1920». М. 1920)

Как знает в Советском Союзе, наверное, каждый школьник, первый коммунистический субботник состоялся в депо станции Москва-Сортировочная 12 апреля 1919 г. Нужно сразу же отметить, что тогда суббота была рабочим днем, и коммунисты (29 человек) остались работать после окончания

своего рабочего дня, проработали всю ночь и благодаря этому выпустили из текущего ремонта три паровоза. Эта инициатива была поддержана вышестоящими партийными инстанциями, и в августе 1919 г. Московский Комитет РКП(б) вынес два постановления: 1) создать отдел субботников при Московском комитете партии; 2) «установить обязательное участие в субботниках для всех членов партии».

Тут мы подходим к первому интересному моменту в истории субботников, о котором не очень-то говорится в наши дни: в субботниках вначале участвовали *только* члены партии. И, кроме того, для них, для партийцев, участие было обязательным, т. е. оно не было *добровольным*.

Впрочем, может быть, именно тогда, в 1919 г. и родилось это крылатое выражение «добровольно, но обязательно» — символ советской жизни, символ официального лицемерия. Ленин назвал субботники «ростками коммунизма», «фактическим началом коммунизма». Но именно при Ленине, с его, очевидно, ведома и согласия, внедрялся принцип «обязательности» участия коммунистов в субботниках. Ленин любил говорить о высокой сознательности партийцев, участвовавших в субботниках, но какова цена этой сознательности, если их, членов партии, надо было «обязывать», проще говоря — заставлять?

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на одну редкую книгу. Называется она «Красная Москва 1917-1920» и издана в Москве в 1920 г. Советом Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. Это юбилейное и вполне официальное издание, выпущенное к трехлетию Октябрьской революции. Здесь в статье «Субботники» говорится, например, что отдел субботников Московского комитета партии издал в 1919 г. инструкцию для партячеек, в которой, между прочим, записано:

«... следит за тем, чтобы члены РКП принимали участие в субботниках не реже двух раз в месяц... следить за тем, чтобы участники субботников относились к работе с должной серьезностью, работали не менее 4-х часов». И далее: «К членам ячейки, пропускающим без уважительных причин субботники, применяются следующие меры воздействия: в 1-й раз — предупреждение... во 2-й раз — публичное порицание, выносимое партийным комитетом... в 4-й раз —

член партии переводится в кандидаты, а кандидат исключается из партии. Члены партии, относящиеся недостаточно серьезно к работе, предаются партийному суду».

В книге «Красная Москва» подчеркивается, что участие в субботниках было обязательным только для членов партии. В отношении же беспартийных, участвующих в субботниках, но участвующих «недобросовестно», в упомянутой инструкции говорилось так:

«Беспартийные, замеченные в недобросовестном отношении к субботникам, лишаются права участия в работе и о таковых сообщается в соответствующие профессиональные союзы, для воздействия в порядке профессиональной дисциплины». Очевидно, здесь имеются в виду так называемые «дисциплинарные суды» при профсоюзах,* которые могли уволить рабочего с производства, а в некоторых случаях — и сдать в концлагерь. Увольнение же с работы с определенными пометками в документах было серьезным наказанием, поскольку в стране была тогда большая безработица.

Какая же нужда гнала беспартийных участвовать в субботниках? В статье Ленина «Великий почин» признается, что тогда, в 1919 году, в Москве был голод. Люди же, которые приходили на субботник, согласно той же инструкции Московского комитета РКП(б) получали паек «1 фунт хлеба и 1/4 фунта кондитерских изделий». Много это или мало? Согласно статистике (приведенной в книге «Красная Москва»), хлеб для москвичей 1919 года являлся главным, основным продуктом питания. В феврале-апреле 1919 г. в Москве на карточку в среднем выдавалось 0,38 фунта хлеба** (1 фунт=409 граммов). Подводя итог, можно сказать, что для членов партии субботники были трудом *принудительным*, для части беспартийных же — возможностью получить кусок хлеба не в переносном, а в прямом смысле слова. (Все это не

* Не смешивать с дисциплинарными судами при исполкомах, существовавшими с 1923 до 1928 г. и разбиравшими служебные проступки должностных лиц.

** См. В. И. Ленин, Собр. соч., 3 изд., т. 24, М.-Л. 1932, примеч. 95. (стр. 781)

исключает, конечно, того факта, что в субботниках могли участвовать и энтузиасты).

С тех пор много воды утекло. Субботники продолжают оставаться «добровольным, но обязательным» делом уже не только для членов партии, а для всех советских людей. Причем именно члены партии (не рядовые, конечно, а начальство) менее всего «вкалывают» в этот неоплачиваемый рабочий день. Дело начальства — «контролировать», «подводить итоги», рапортовать наверх о «трудовых успехах». Рабочие же должны работать. Тем более, это как бы не только работа, но также и «праздник».

Недавно в газете «Советская Россия» описывался случай, происшедший с одной женщиной в городе Валуйки Белгородской области. Эта женщина была уволена с хорошей должности старшего инженера районного узла связи за то, в частности, что не ходила на субботники. Суд восстановил ее на работе, сославшись, как следует из статьи в газете, на то, что участие в субботниках не оговорено в трудовом законодательстве. Газета «Советская Россия» в статье своих корреспондентов Никитина и Орловского обрушилась на этот суд в следующих выражениях:

«Нет, в графе закона не значится «шефская помощь колхозу», в графе закона нет слова „субботник“. Все так. Но субботник родился вместе с рождением нашей страны. Для нас он праздник. Неявка на него законом не карается. Но разве вправе кто-либо запретить считать не явившегося на субботник человека чужим?!» («Советская Россия» от 19 января 1982 г.) Другими словами, эту женщину нужно уволить с работы, она — «чужой» человек. Стало быть, есть законы писанные, а есть и неписанные, и газета — орган ЦК КПСС — полагает, что вторые — важнее.

«Великий почин», о котором в восторженных и пышных выражениях писал в 1919 году Ленин, стал действительно «великим почином» — почином принудительного труда — и не в лагерях и тюрьмах — а в вполне «нормальных» советских условиях.

ГОЛОД В КИРГИЗИИ

Газета «Последние новости» (редактор — П. Н. Милюков),
Париж, 26. 11. 1921 г.

Под этим заголовком в номере 244 (от 16 сего ноября) берлинского «Нового мира» появилась (очевидно, перепечатка) небольшая заметка за подписью А. Байтурсунова. Согласно этой заметке, причинами нынешнего голода в Киргизии являются исключительно: 1) «жут», падеж скота от гололедицы, 2) ранняя суровая зима 1920 г. и 3) отсутствие запасов сена и подножного корма, ибо этому году предшествовал ряд лет неурожаев трав. Другими словами, нынешняя гибель киргизского народа объясняется исключительно причинами стихийного характера.

Я позволю себе дополнить сообщение Ахмеда Байтурсунова (ныне члена правительства киргизской республики) о голоде в Киргизии некоторыми фактическими сведениями, которые бы могли осветить причину гибели киргизов с исчерпывающей полнотой.

Все лето 1918 г. и зиму 1918-1919 гг. я провел среди киргизов Тургайской, Уральской и Закаспийской областей. Это (Тургайская и Уральская области) как раз те районы, киргизское население которых, по данным советских газет, особенно пострадало от голода. И по рассказам киргиз, приезжающих из разных концов нынешней Киргизии на базары Актюбинска и ярмарки Темира и Уила, и, наконец, по собственным наблюдениям (мне приходилось бывать в самых отдаленных местах киргизского кочевья), должен констатировать, что в то лето урожай кормовых трав был прекрасный. Делались громадные запасы сена.

Киргизы боялись лишь одного: как бы «по опыту» прошлой зимы (1917-1918 гг.) местные большевики не стали «беззаконно» реквизировать, или, как говорили уездные наркомы типа актюбинского Скулкина, «социализировать» киргизский скот в пользу Красной армии.

При таком обороте дела обычные киргизские зимовые стоянки могли сыграть для скотоводов роль ловушек. Запасы сена не свозились в зимовки, и киргизы-скотоводы вынуж-

дены были и в суровую зимнюю пору блуждать со своими стадами в открытых степях и ущельях гор.

Опасения повторения «прошлогодного опыта» были тем более основательны, что в соседней Сыр-Дарьинской области «реквизиции» и «конфискации» киргизского скота проводились в самом широком масштабе и давали неслыханно чудовищные результаты.

Я сошлюсь на свидетельство большевика Сафарова, члена специальной комиссии ВЦИК по туркестанским делам. Вот что пишет он (московская «Правда», N 133, от 20 июня 1920 г.): «На словах здесь принимались „социалистические декреты” (это право было присвоено каждому исполкому), на деле значительнейшая часть всех этих „национализаций”, „реквизиций” и „конфискаций” (кавычки всюду подлинника) сводились „на местах” к простому грабежу»...«В Перовске (Сыр-Дарьинской области), — пишет Сафаров, — сидел самодержец Гержот. От него „откочевал” целый народ — киргизы. При этом „откочевании” вымерло около одного миллиона человек».

Реквизиционные аппараты окраинных большевиков добирались до самых отдаленных уголков киргизского «зимнего» кочевья. «В Сусамырских горах (в Сыр-Дарьинской области), — рассказывает бывший на советской службе агроном (русский), — киргизы-скотоводы держат при себе как талисман против повторных реквизиций брошюрки или листовки большевистского издания и объясняют, что это им выдано вместо платы за забранный скот и имущество. Таких брошюрок и листовок в степи набиралось очень много, но они не оказывают должного действия на большевистских агентов, страдающих реквизиционной болезнью в самой тяжелой форме. Эти „талисманы” держат при себе не только киргизы-хозяева, но даже женщины и дети носят их при себе завернутыми в тряпки» (см. газету «Вольный Горец», от 11 октября 1920 г., Тифлис).

Такие же самые брошюры-«талисманы» в громадном количестве мне (и моим спутникам-русским) приходилось видеть зимою 1918-19 гг. у киргиз Мангышлакского уезда Закаспийской области. «На каждый аул по одному мешку», — объясняли киргизы. «Я бы своего гнедого иноходца за сто мешков книжек не отдал, а у Бейсенбая забрали двух лучших

одногорбых верблюдов и обещали на весь его аул прислать три мешка книжек. Не хотел и за десять мешков отдать, но угрожали „шестизарядкой” („алты-атар” — так называют киргизы револьвер), — сокрушенно говорил киргиз-старик.»

Каковы экономические результаты подобных «реквизиций» и «конфискаций», это видно из данных, сообщаемых газетой «Экономическая Жизнь» (октябрь-ноябрь 1920 г., издается в Ташкенте).

Газета сообщает, что рабочего скота к концу 1919 г. в Туркестане значилось 561 531 голов (против 4 311 100 голов в 1914 г.), а мелкого скота 2 116 836 голов (против 15 399 200 голов в 1914 г.) Главнейшие причины такого катастрофического уменьшения киргизского скота (минимум 90% всего скота в Туркестане принадлежит киргизам) «Экономическая Газета» видит в «бесконечных реквизициях и конфискациях» и в числе мер, направленных к сохранению жалких остатков киргизского скота, газета выдвигает на первый план «ограждение его от возможных реквизиций».

Таково было положение киргиза-скотовода. Не лучше жилось в степи и киргизу-землеробу.

Упомянутый мною выше Сафаров пишет:

«Председатели комитетов РКП пользуются рабски-наемным трудом пролетариев-киргиз. „Коммунистическая партия” и „советская власть” (кавычки подлинника) выселяют, по указке кулаков, киргиз с занимаемых теми земель, а истинно-русское кулачье подкрепляет эти мероприятия убийствами среди бела дня из-за угла»...

Передо мною еще документ, проливающий яркий свет на то, «как дошли киргизы до жизни такой». Документ этот — «Письмо киргиз к Ленину». Оно начинается словами:

«Мы хотели бы, дорогой товарищ, кратко поделиться с вами некоторыми своими соображениями по волнующим нас вопросам». Составлено письмо в самых благожелательных советскому строю тонах и выражениях. Правда этого письма — правда товарищеская, без всяких официальных прикрас. И тем ценнее и, сказал бы я, страшнее для советской власти эта правда.

Описывая условия, в которые властью предержавшей поставлены киргизы, авторы письма говорят: «Нельзя же оставлять киргиз лишенными медицинской помощи при

наличии эпидемии и в самых ужасных санитарных условиях, оставлять голыми до того, что женщины вынуждены скрываться, не имея в чем показаться; голодными до того, что люди поставлены перед необходимостью есть собак, продавать своих детей, чтобы спасти себя от голодной смерти». Пишут далее киргизы, что советские продовольственные органы только берут у киргиз, но ничего взамен не дают; обязывают киргиз доставлять баранов «по 80 рублей за пуд живого веса», в то время, как сами киргизы вынуждены „покупать по 150 рублей коробку спичек”».

В письме нет ни одного слова «о ряде предшествовавших лет неурожаев трав», и написанное до губительной «ранней суровой зимы 1920 г.» (письмо относится к концу августа 1920 г.), письмо уже констатировало гибель киргизского скота и страшнейший голод в степи (иначе не стали бы есть собак и продавать своих детей).

Тогда, в августе 1920 г., киргизы писали Ленину, что для них «абсолютно непонятно отозвание центром тех работников, которые, благодаря своим познаниям условий жизни киргизского народа и исключительному интересу, проявляемому ими в своей работе, могли бы быть наиболее полезными»; что «не приходится говорить о местных работниках, большинство которых заражено шовинизмом господствующей нации, пропитано колонизаторским духом»; что «в губернских и уездных ревкомах, несмотря на абсолютное преобладание или значительный процент киргизского населения, сидят исключительно русские товарищи, причем для управления киргизским населением прибегают к учреждению так называемых „инородческих” отделов даже там, где процент киргизского населения, например, в Каркаралинском уезде Семипалатинской области, достигает 98-99%».

Как мы видим, голод в Киргизии подготовился и вызван не стихийным «жупом» (гололедицей), а революционным «жупом» специфического большевистского самоопределения народов, не «рядом лет неурожаев трав», а рядом лет реквизиций и конфискации и выкачивания, при посредстве «шестизарядки», из народа всего, что у него было, в обмен на «красный талисман».

В заключение несколько слов о самом Ахмеде Байтур-

сунове. Это один из самых популярных киргизских деятелей, и в каком бы лагере он ни находился, мы, киргизские работники, не можем подвергнуть сомнению чистоту его побуждений. В цитированном выше «Письме киргиз к Ленину» чувствуется авторская прикосновенность Байтурсунова, ибо для приближенных (в то время) Москвы киргизских большевиков письмо составлено слишком грамотно и содержательно. Нет сомнения и в том, что он находился в составе ездившей с этим письмом в Москву делегации.

Нынешний же автор напечатанного в «Новом Мире» «Голода в Киргизии» — не подлинный Ахмед Байтурсунов, а Байтурсунов, на 99% процеженный советской цензурой, ибо настоящий Ахмед Байтурсунов никогда не станет противоречить фактам.

Выдающийся казахский политический деятель Мустафа Чокай (Чокаев, Чокай Оглы) родился 7. 1. 1890 года в степи около города Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда) в семье казаха Чокая — земледельца и судьи. Следуя традиции царской колониальной администрации называть и киргизов и казахов киргизами, Мустафа называет себя киргизом.

Начальное образование Мустафа Чокай получил у муллы. Затем окончил с золотой медалью Ташкентскую русскую гимназию и, в 1917 году, юридический факультет Петроградского университета.

В 1914 году, будучи студентом, Мустафа работал секретарем члена Государственной Думы Алихана Букейханова (казаха) и секретарем мусульманской фракции Государственной Думы до 1917 года. После Февральской революции 1917 года Мустафа становится членом Туркестанского Комитета Временного правительства. После падения Временного правительства Мустафа Чокай организовал Автономное Правительство Туркестана в Коканде и стал его председателем. Когда пало и А. П. Т. (в феврале 1918 года), Мустафа Чокай эмигрировал во Францию. Нацисты, оккупировав Францию, насильно вывезли Мустафу Чокая в Германию, где он и умер 27 декабря 1941 года.

В Западной Европе Мустафа Чокай вел настолько активную общественную деятельность, что современники удивлялись тому, как много может сделать один человек. В 1929 году вышел в Париже, а в 1935 году был переиздан, большой исторический труд Мустафы Чокая «Туркестан под властью Советов».

Деятельность М. Чокая высоко оценивали его современники. (Бывший член Государственной Думы и министр иностранных дел независимой Грузии А. Чхенкели: «Деятельность Мустафы в Париже,

Лондоне, Женеве и других центрах Запада была настолько плодотворна, что не поддается учету». Бывший министр иностранных дел Украинской Центральной Рады, проф. А. Шульгин: «Мустафа Бей был большим государственным деятелем, выдающимся писателем и журналистом, но он был, прежде всего, *человеком*, интересной, оригинальной личностью»..) Знали об общественной деятельности Мустафы Чокая и у него в родине, за железным занавесом.

Большевики и так называемая Советская власть стараются вытравить из памяти народов Туркестана те беды, которые они принесли с собой. Но искусственный голод в Казахстане 1930-33 годов, когда погибло около 1,5 миллионов казахов, еще жив в памяти народа. А вот, тоже искусственный, голод 1920-21 годов, который тоже был порожден специфически большевистскими методами властвования, голод, при котором погибло более миллиона казахов, забывается. Советская историческая литература почти не упоминает о голоде 1920-21 годов в Казахстане.

(Публикация и послесловие Махмета Кулмагамбетова).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В 1927-1938 ГОДАХ

Под потерями в этой работе будем понимать повышенную убыль людей. Предполагаем, что существует некоторая «нормальная» смертность, соответствующая данному уровню развития общества, его обычаям, медицинскому обслуживанию, его возрастному составу и т. д. Потери — это повышение этой нормы независимо от непосредственных причин смерти (недоедание, ухудшение медицинских условий, пуля в затылок). В качестве нормального уровня смертности для Украины 30-х годов могут приниматься таблицы смертности, составленные как раз в начале рассматриваемого периода. Очень важным фактом в данном случае является то, что в 1938-39 гг. уровень смертности оказался для всех без исключения половозрастных групп более низким, чем в 1926-27 гг. То есть, можно предполагать, что «гипотетическая норма» постепенно снижалась в течение 12 лет, а резкие отклонения от этого уровня рассматривать как повышенную смертность — потери населения.

По характеру потерь рассматриваемый период делится на два немного перекрывающихся этапа: коллективизацию (1928-1936 гг.) и Большой террор (1936-38 гг.). Состояние источников сейчас таково, что я не могу сколько-нибудь надежно разделить демографические потери этих двух периодов, хотя некоторые соображения на эту тему будут высказаны в дальнейшем.

Годы коллективизации по условиям жизни и степени административного давления на население также не были чем-то однородным. Коллективизация проводилась постепенно. На первом этапе (1928-29 гг.) сильному экономическому и полицейскому давлению подвергалась сравнительно небольшая группа населения (3-4% крестьянских дворов). На эту наиболее зажиточную часть крестьянства была возложена повышенная доля поставок зерна по низким ценам и в случае невыполнения этого обязательства их преследовали по суду (статьи 127 и 135 УК УССР),

приговаривали к штрафу в пятикратном размере, полной конфискации имущества или тюремному заключению на 1-3 года. Всего на Украине в 1929 году индивидуальному налоговому обложению (не по нормам) было подвергнуто 155 тысяч хозяйств (3,02% всех сельских дворов).¹ Эта цифра примерно в два раза выше, чем оценка кулацких хозяйств гнездовой переписью 1929 года (1,4% сельских семей).² Общее число подвергнутых репрессиям по суду неизвестно, однако неполные данные также оказываются довольно значительными. Так на XI съезде КП(б)У говорилось, что в 1929 году в 22 округах (из общего числа 41) было распродано имущество 33 тысяч сельских хозяйств (14,7% семей, относимых к кулакам).³ Расхождение в общих оценках численности кулаков, с которыми мы сталкиваемся, рассматривая эти цифры (155 тысяч, 72 тысячи, 224 тысячи только по 22 округам), связаны с тем, что различные советские учреждения вкладывали в понятие „кулак” разный экономический и политический смысл. При гнездовой переписи использовалось сочетание двух признаков: стоимость средств производства и наем рабочей силы. Кулацкими считались хозяйства, имеющие средства производства стоимостью свыше 800 рублей при условии сдачи их в аренду или найме рабочей силы на 50-75 дней в году, или хозяйства со средствами производства на сумму 401-800 рублей при найме рабочей силы на 151 день в году.⁴ Расчеты показывают, что при таком подходе доля чужого труда в общей стоимости прибавочного продукта, создаваемого в хозяйстве составляла 4-6%. При налогообложении к кулацким относили хозяйства, систематически использующие чужой труд или имеющие механические, ветряные, водяные двигатели. В некоторых инструкциях дополнительно оговаривалось, что получаемый доход должен быть выше 300 рублей на человека

1. Історія селянства УРСР. т. 2, Наукова думка, Київ, 1967, с. 124.

2. Н. А. Ивницкий, Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., Наука, 1972, сс. 71-72.

3. В. П. Данилов, Советская доколхозная деревня. т. 2, М., Наука, 1979, с. 343.

4. Данилов, цит. соч., с. 314.

и 1500 рублей на семью (несколько меньше годового дохода рабочей семьи в те годы). Наконец, местная администрация относилась к кулакам всех неугодных и непослушных лиц.

Однако репрессии против кулаков не играли на первом этапе коллективизации определяющей роли в повышении убыли населения. Более важным было общее снижение уровня жизни. Введение карточной системы и специального снабжения на заводах сильно ударило по широким кругам горожан, не прикрепленных к производствам и учреждениям. Рыночные цены на хлеб за два года выросли более чем в три раза, что не могло не сказаться на положении рядового населения.⁵

1930-31 гг. были периодом наступления на кулака, которое принято называть «уничтожением как класс». Как известно, комиссия Политбюро, планируя геноцид, наметила: арестовать (для расстрелов и заключения в тюрьмы) 60 тысяч человек (их семьи выслались), сослать в северные районы 150 тысяч семей и экспроприровать имущество и переселить внутри данной области 3-4% всех крестьян (всего примерно 750-1250 тысяч сельских хозяйств).⁶ На долю Украины при такой раскладке приходилось в пропорции к численности населения: около 40 тысяч семей — к уничтожению и высылке, 150-250 тысяч — к раскулачиванию. Советские исследователи отмечают, что плановые цифры были почти повсеместно перевыполнены. На Украине только в 1930 году было ликвидировано примерно 3% крестьянских дворов (160 тысяч) и «выслано за пределы республики меньше половины» всех раскулаченных.⁷ Это значит, что около 400 тысяч жителей Украины оказались в тяжелых условиях северных районов (Коми, Карелия, Мурманск, Северный Урал). По данным других авторов, число раскулаченных семей сос-

5. С. В. Кульчицкий, Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926-1937), Киев, Наукова думка, 1979, с. 120.

6. В. А. Сидоров, Ликвидация в СССР кулачества как класс, Вопросы истории, М., 1967, с. 28.

7. М. Трифонов, Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. М., Политическая литература, 1960, с. 249; дается ссылка на ЦГАОР УССР, ф. 27, оп. 2, л. 543, 683, 950, 951, 992.

тавило 200 тысяч.⁸ Создается впечатление, что эта цифра также относится только к 1930 году. Приведенная авторами сумма конфискации в 30-м году (90-95 тысяч рублей) свидетельствует о большом числе раскулаченных. По данным Наркомфина, средняя стоимость имущества экспроприированной семьи составляла 550-600 рублей.⁹

Повышенная убыль среди сосланных составляет, согласно сведениям Ивницкого, около 400 тысяч человек (из 300-380 тысяч семей сосланных к 1940 году осталось 220 тысяч семей — 930 тысяч человек).¹⁰ К этой цифре надо прибавить оценку естественного прироста за 8 лет, вычесть примерно 6% реабилитированных¹¹ и некоторое количество убежавших. В любом случае повышенная убыль среди раскулаченных будет не меньше нескольких сотен тысяч, в том числе, вероятно, свыше 100 тысяч приходится на долю жителей Украины.

Наряду с раскулачиванием, потери в 1930-31 гг. включают и повышенную убыль из-за ухудшения условий жизни населения. Достаточно указать на то, что рыночные цены в стране по сравнению с 1928 годом выросли к концу первой пятилетки в 30 раз.¹²

Третий период коллективизации, начавшийся в 1932 году, был наиболее тяжелым. С этого времени государство перестраивает организацию колхозов таким образом, чтобы независимо ни от чего получать определенное количество продуктов сельского хозяйства. Встречные поставки промышленных товаров в село становятся необязательными, цена на заготавливаемые продукты сохраняется постоянной (в десятки раз меньше их рыночной стоимости), но главное, в случае плохих урожаев деревня оказывается вынужденной отдать государству почти всю продукцию, не оставляя себе

8. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках, М., Политическая литература, 1963, с. 183 (ссылка на журнал «Партработа в колхозах», 1934, III, с. 109).

9. Ивницкий, цит. соч. сс. 330, 298-299.

10. Вопросы аграрной истории Вологды, 1968, стр. 53; Ивницкий, сс. 346, 298-299.

11. Там же, сс. 238-239.

12. Кульчицкий, цит. соч., с. 127.

даже минимального количества для пропитания. Эти страшные порядки оборачиваются трагедией массового голода. В 1932 году была запрещена продажа зерна в областях, не выполнивших план заготовок. Это поставило под удар широкие слои сельского населения, всегда покупавшие часть зерна на рынке. Голод 1933 года нанес Украине и всей стране страшный урон. Но и в последующие 1934-36 годы положение было не намного лучше. По современным сведениям ЦСУ, урожай зерна в СССР в среднем за четыре года (1933-36) составил 66,8 млн. т. Из них на заготовки ушло 26, 4 млн. т., на семена — 13,3 млн. т. Фуражное зерно при существовавшем поголовье должно было составить не меньше 9 млн. т., минимальные потери — 2 млн. т., и таким образом на каждого из 120 млн. сельских жителей страны остается в среднем в течение 4 лет по 440 граммов зерна в день.¹³

Следует понять, что это никак не было средней нормой потребления. Огромная неравномерность распределения по территориям, по социальным слоям, наконец по годам (очень тяжелые 1933 и 1936 и немного более благополучные 1934 и 1935) показывает, что очень широкие круги сельского населения вообще практически не имели хлеба. Положение на Украине было в тот период более острым, чем в среднем по СССР, так как на нее приходилась повышенная доля заготовок.

Конечно, потери населения в эти годы включают не только непосредственную гибель от голода. Резкое ухудшение питания повсеместно увеличило смертность от всех болезней.

Потери детей в рассматриваемый период были особенно высоки. На это указывают материалы всех последующих переписей советского населения. На схеме возрастной пирамиды 1939 года можно увидет огромный врез, не уступающий по величине сокращению рождаемости во время Первой мировой и гражданской войн. Разница между этими двумя периодами заключается в том, что в годы войны

13. Потери и фуражное потребление зерна приводим по N. Jasney, *Socialized Agriculture of the USSR*, Stanford, 1949, pp. 752-760, 786-797.

решающую роль играл разрыв брачных связей, мобилизация более 1,5 миллионов мужчин. В 1932-33 гг. ничего похожего не было. В дальнейшем, в 1934-36 гг., наблюдалось повышенное ограничение рождаемости, как из-за психологической реакции населения на ухудшение условий жизни, так из-за физиологических причин (уменьшение вероятности зачатий в 1933 году из-за резкого снижения уровня жизни). Лишь в конце периода 1937-38 гг. рождаемость достигла примерно уровня 1928-31 гг. По сведениям Лоримера, средняя рождаемость в 1924-28 гг. была 6359 тысяч человек, в 1929-33 гг. — 5845 тысяч, в 1934-38 гг. — 5611 тысяч.¹⁴ Переписью 1959 года в соответствующих возрастных группах было учтено: 4820 тысяч, 4462 тысячи и 4690 тысяч.¹⁵ Можно довольно определенно утверждать, что смертность поколений в нормальных условиях должна была меняться равномерно. В этом случае численность поколений 1929-33 гг. рождения должна была составить в 1959 году 4660 тысяч, т. е. немного выше, чем было учтено фактически. Численность среднего поколения должна была оказаться примерно равна численности более младшего (1934-38 гг. рождения). Опираясь на этот факт, проанализируем как меняется соотношение численности поколений у отдельных народов и по территории страны.

Воспользуемся сведениями о сельском населении и рассмотрим только женские возрастные группы. Тем самым мы несколько снизим искажения, вносимые миграцией и военными потерями.

Отметим следующие важные региональные особенности. Общая тенденция сокращения рождаемости в период 1924-38 гг., наблюдавшаяся в стране отражает тенденцию, характерную для европейского населения страны. У народов Закавказья и Средней Азии снижения рождаемости не происходило.

Будем считать соотношение численности поколений,

14. Fr. Lorimer, *The population of the Soviet Union: History and Prospects*. Geneva, 1946, pp. 127, 130, 134.

15. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года*. СССР, М., ЦСУ, 1962, с. 70.

родившихся в 1929-33 гг. и 1934-38 гг., наблюдающееся в среднем по СССР, некоторой условной нормой и посмотрим, как отклоняются от этой нормы данные по отдельным областям Украины, соседним с ней территориям и по национальным группам.

Из 17 украинских областей, входивших в СССР до 1939 года, только в двух — Винницкой и Черниговской коэффициенты (соотношения между численностью поколений 1934-38 гг. рождения и 1929-33 годов рождения) близки к средним значениям по СССР. На всей остальной территории отмечается огромная нехватка численности 25-29-летних. Если нанести значения коэффициентов на карту, то можно заметить, что они уменьшаются при движении с северо-запада на юго-восток с наиболее сильными понижениями в центральной части по линии Киев, Черкассы, Кировоград, Днепропетровск, Харьков, Ворошиловград. Области русские, примыкающие к Украине — Курская, Орловская, Белгородская, Воронежская, также как Западная Белоруссия и Западная Украина, включенные в СССР в 1939 году, имеют нормальное соотношение возрастных групп. За границами Украины полоса потерь продолжается на Кубани, проходит через Волгоградскую и Саратовскую области, захватывает Южный Урал (Пензенскую, Челябинскую и Оренбургскую области) и разливается по территории Казахстана. Изменения этого коэффициента очень хорошо согласуются с имеющимися сведениями о распространении голода 1933 года. И это не удивительно, потому что трудно дать какое-либо иное объяснение тому факту, что жители соседних территорий с одинаковыми обычаями и образом жизни (как например Белгородской и Харьковской областей) вдруг столь существенно различались бы по характеру демографического поведения.

Кроме гибели от голода и плохих условий жизни, потери населения на третьем этапе коллективизации включали все возрастающий поток полицейских репрессий. Закон от 7 августа 1932 года об охране социалистической собственности, позволял подвергать самому жестокому наказанию, вплоть до расстрела, за оплошность, небрежность в работе, мелкое воровство на колхозном поле. Поломка в моторе трактора, павшая лошадь, подобранная морковь — все это

могло повлечь за собой суровое наказание. Судебная статистика тех лет неизвестна, но и косвенные указания, приводимые время от времени советскими авторами, довольно выразительны. Например, рассказывая как успешно милиция охраняла священную и неприкосновенную собственность советского государства, Трифонов сообщает, что число осужденных по статье от 7 августа уменьшилось во второй половине 1934 года, по сравнению с первой половиной 1933 года, в 5 раз (по Украине и РСФСР), а во второй половине 1935 года — почти в 20 раз.¹⁶

Высокий урожай 1937 года завершает период массовых потерь населения от коллективизации. Но в это время в стране уже разворачивается новая кампания уничтожения населения — Большой террор. Уже отмечалось, что можно указать лишь самые общие ограничения возможного числа жертв в 1936–38 гг. Известно, что доля арестованных мужчин была намного выше числа арестованных женщин. Также отмечают обычно, что аресты захватывали главным образом социальные слои советской интеллигенции, относительно редко вторгаясь в пролетарские массы. Среди потерь Украины, оцениваемых по результатам переписей 1926 и 1939 гг., на долю Большого террора приходится, вероятно, около 200–300 тысяч.

Вернемся к рассмотрению общей величины потерь для 1927–38 гг. Главным источником сведений для такой оценки служат советские официальные публикации. При этом однако возникают две трудности: неполнота сведений и опасения, что материалы фальсифицированы. Период 1932–35 гг. является наиболее засекреченным в советской демографической истории. В конце 1932 года, т. е. именно в тот момент, когда разразился голод, ЦСУ полностью прекратило публикацию данных о населении. Нет материалов ни о численности, ни о рождаемости, ни о смертности, ни по всей

16. Трифонов, цит. соч., с. 263.

стране, ни по отдельным республикам. Лишь в 1939 году, то есть через семь лет, вновь появляются некоторые цифры. Современные справочники ЦСУ дают отдельные сведения за 1937-38 гг., но период 1933-36 гг. остается неизвестным.

Более того, создается впечатление, что руководители страны и даже ученые в середине 30-х годов не знали подлинной демографической картины. В утверждениях политических деятелей, в проекте 2-го пятилетнего плана, в научных трудах известных демографов постоянно упоминаются абсолютно не соответствующие реальности цифры.

Интересна судьба переписи 1937 года. Она производилась с огромным размахом: свыше миллиона счетчиков. За успешное ее завершение руководитель ЦСУ И. Краваль был награжден летом 1937 года орденом Ленина. И вдруг, после представления результатов в правительство, перепись была объявлена вредительской, а ее материалы уничтожены вместе с организаторами. Сейчас статистики реабилитированы, но итоги переписи так и не появились в печати. Правда, в трудах Украинской АН появилась в 1973 году коротенькая заметочка, что, по оценкам демографа Лифшица, перепись 1937 года была очень точной. Ее возможная ошибка (0.3%) меньше, чем у наиболее надежной советской переписи 1959 года.¹⁷

Проблема возможной фальсификации сведений довольно сложна и требует специального рассмотрения. Отмечу лишь, что, несмотря на возможные искажения в части материалов, перепись 1939 года позволяет оценить минимальный уровень потерь населения за тот период.

Метод, используемый для оценки потерь, заключается в расчете нормального изменения численности каждого поколения мужчин и женщин за рассматриваемый период. Для этого используется численность возрастных групп по переписи 1926 года и таблицы смертности 1926-27 гг. Эти таблицы, составленные для относительно мирных лет, могут с довольно высокой надежностью рассматриваться в качестве «нормы» смертности. В результате расчета мы получаем гипотетическую оценку численности поколений со времени переписи 1939 года, оценку численности поколений, какой она должна была бы быть, если бы смертность в стране оставалась на обычном уровне.

17. Демографические тетради. Вып. 8., Киев, 1973, с. 329.

Основными демографическими материалами, на которые опирается оценка потерь населения, являются результаты половозрастной численности населения по переписям 1926 и 1939 гг., таблица смертности по возрастам 1926-27 гг. и оценка уровня рождаемости в 1932-38 гг. Все эти данные известны с определенными погрешностями, которые увеличиваются при их совместном использовании. На степени достоверности таблиц смертности и материалов переписей я более подробно останавливаюсь в других работах.¹⁸

Для оценки уровня рождаемости в период коллективизации, мною используются косвенные данные о плодovitости и распространенности абортов, которые позволяют составить представление о том, ниже какой величины рождаемость не могла опускаться естественным образом. Таким образом, для расчета используются минимальные оценки рождаемости, что приводит к получению несколько заниженного уровня потерь.

Таблицы смертности 1926/27 гг, принимаемые в качестве нормы, напротив, представляются преувеличивающими нормальную «естественную» смертность.

Сведения переписи 1939 года, используемые для конечной оценки потерь, также скорее несколько завышены, чем преуменьшены. При совместном использовании переписи 1926 года, учитывавшей население с обычной погрешностью, и переписи 1939 года, зафиксировавшей численность с высокой точностью или даже завысившей ее, мы опять несколько преуменьшаем возможную оценку потерь.

Таким образом, основные материалы, доступные для расчетов, позволяют оценить некоторый минимальный уровень потерь с довольно высокой надежностью. Такой подход и кажется наиболее полезным.

Расчет потерь заключается в «передвижении» по таблицам смертности каждого поколения мужчин и женщин, с 1926 года к 1939 году. Полученный результат — гипотетическая численность населения, каким оно должно было бы быть при

18. Максудов, Потери населения СССР в 1930-38 гг., «СССР: Внутренние противоречия», Нью Йорк, 1982, вып. 5, сс. 184-191; On the reliability of demographic data on the population of the USSR in 1926-39 [in process]. Огромное значение при изучении этих вопросов имеют труды Ю. Корчак-Чепурковского, который подробно проанализировал прогнозы населения Птухи и Новосельского и Паевского и показал, что они могут быть использованы для целей исторической демографии. Ему же удалось опубликовать результаты переписи населения по половозрастным группам для Украины, материал, совершенно необходимый для анализа результата.

нормальной смертности и известной рождаемости, — сравнивается с фактической численностью по переписи 1939 года. Самые общие данные такого расчета показаны в таблице:

БАЛАНС НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В 1927—1938 ГГ.*
(тыс. чел.)

Численность на 17. 12. 1926 г.	29 037
Умерло «естественной смертью» в 1927-38 гг.	3 621
Потери родившихся до переписи 17. 12. 1926 г.	2 480
Родилось в 1927-38 гг.	11 838
Умерло «естественной смертью» из числа родившихся после 17. 12. 1926 г.	1 767
Потери родившихся после 17. 12. 1926 г.	2 060
Общие потери населения	4 540
Численность 17. 1. 1939 г.	30 947

Мы видим, что в начале 1927 года население составляло 29 млн. человек. По таблицам смертности тех лет (1926-27 гг.) за 12 лет, то есть к 1939 году, должно было умереть 3.6 млн. Такую смертность можно считать «нормальной», «естественной смертностью». Она соответствует некоторому уровню жизни, бывшему в то время, медицинскому обслуживанию тех лет и т. д.

Однако фактически в результатах переписи 1939 года нехватка населения оказалась намного большей, чем эти 3.6 млн. Фактическая убыль между переписями составила 6.3 млн. 2.5 млн. человек (1.6 млн. мужчин и 900 тыс. женщин) составляют повышенную по сравнению с нормой убыль населения, то есть потери.

* В балансе не учтена миграция. Сальдо миграции входит в потери населения.

Под «естественной смертностью» понимается убыль в соответствии с таблицами смертности 1926-27 гг., рассчитанными Ю. Корчак-Чепурковским.

За эти 12 лет родилось около 12 млн. детей. Однако в переписи 1939 года учтено только 8 млн. детей моложе 12 лет. Значит почти 4 млн. умерли за это время. Таблицы смертности 1926-27 и 1938-39 гг позволяют оценить, сколько должно было умереть при обычных условиях. Эта цифра составляет меньше половины убыли. Свыше 2 млн. детей погибли.

Огромная детская смертность есть прямой результат голода. Дети младших возрастов наиболее уязвимы. Это показал в свое время и голод 1921 года. Как писал в те годы В. Арнаут в книге «Голод и дети на Украине»: «Есть губернии и уезды, в которых почти не останется детей моложе 6-7 лет». И если в 1921 году этого не случилось (по крайней мере, относительно губерний), то благодаря продовольственной помощи и вниманию всего мира. В 1933 году голодающее население было брошено на полный произвол, и мы видим, что каждый шестой родившийся в тот период ребенок умер не своей смертью. —

Раньше своего часа ушли из жизни и многие взрослые. Треть женщин, умерших в тот период, не должны были бы погибнуть при нормальном уровне смертности. То же можно сказать почти о половине умерших мужчин.

Правда, потери взрослого населения включают (в

таблице) и баланс миграций. Если выезд из республики в те годы превышал въезд, то эта величина попадает в наших расчетах в потери. Оценить миграционные потоки тех лет нелегко. Известно, что города Украины (особенно города Донбасса) привлекали много населения из других республик. В то же время раскулачивание и миграция на Восток, за Урал, уносили массы сельского населения. В этом вопросе нет окончательной ясности, так как публиковавшаяся статистика очень неполна. По моему мнению, из-за миграции ошибка может составлять в оценке потерь около 500 тысяч в ту или в другую сторону.

Часто отмечают, что в села Украины после голода было завезено много поселенцев из русских областей. С этим утверждением согласиться трудно. Перепись 1959 года показала, что доля русского населения в селах Украины изменилась мало. Если в 1926 году в сельской местности Украины проживало 20 млн. украинцев и 1,3 млн. русских, то в 1959 году в тех же границах было 14 млн. украинцев и 1 млн. русских.¹⁹ Из этих цифр следует, что если и было переселение русских в сельскую местность на Украине, то оно составляло не миллионы, а десятки тысяч, в крайнем случае — сотни тысяч.

Остановимся кратко на потерях в других районах СССР. Общие потери Советского Союза за 1926-39 гг., рассчитанные тем же методом, составляют около 9 млн. человек, в том числе 5.4 млн. взрослых и 3.6 млн. детей.²⁰ Таким образом на одну Украину приходится немного больше половины потерь. Другими сильно пострадавшими районами были Северный Кавказ и Казахстан. На этих территориях также обнаруживается огромная потеря детей — первый признак потерь от голода, — а также общая убыль населения. Известно, что только сокращение численности казахов за 1926-39 гг. составило 870 тысяч человек. Сильно пострадали и другие кочевые народы, не сразу сумевшие приспособиться к нелепым в их условиях требованиям обобществления скота.

Пострадали, хотя и в меньшей степени чем Украина,

19. Итоги Всесоюзной переписи... 1959 года, УССР, сс. 136-191.

20. Максудов, Потери населения СССР в 1930-38 гг.

Северный Кавказ и Казахстан, и другие районы СССР (как деревни, так и города). Практически не было непострадавших территорий. Дело в том, что хотя голод охватывал только часть страны, а страшный смертельный голод коснулся только сельского населения Украины, Северного Кавказа, Казахстана, некоторых районов Поволжья и Сибири, но ухудшение питания и условий жизни задело всю страну.

В заключение я хочу вернуться к общим цифрам. Убыль 4.5 млн. человек при общем населении Украины около 30 млн. составляет 15%. Это значит, почти в каждой семье (в среднем сельская семья включала около 5 человек) были погибшие. И если в какой-то семье обошлось без жертв, то значит, что у соседей погибло несколько человек. Ослабленное и отчасти уничтоженное сельское население подчинилось и беспрекословно выполняло в дальнейшем распоряжения власти. С этого момента поставки зерна государству увеличиваются в 2-3 раза по сравнению с предшествующими коллективизации 1926-28 годами, при том что урожаи оставались такими же или даже были меньшими.

Именно эта «решительная победа» позволила товарищу Сталину произнести перед колхозниками знаменитые слова:

«Жить стало лучше, веселее, но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертность стала меньше, рождаемость больше и чистого прироста получается несравненно больше... сейчас у нас чистого прироста получается около трех миллионов душ».

Это было сказано в 1935 году в лицо людям, только что перенесшим голод, людям, у каждого из которых только что умерли родственники. Но и все демографические утверждения Иосифа Виссарионовича — очевидная ложь. Размножаться население стало медленней, рождаемость упала, смертность выросла и вместо чистого прироста наблюдалась чистая убыль. То есть, все в сталинском утверждении следует понимать прямо противоположным образом.

И даже победителям в той страшной войне оказалось не так уж весело. Это была «пиррова победа». Продукция зернового хозяйства, которая в 1923-28 гг. (за 5 лет) почти удвоилась, в течение 25 лет после коллективизации колебалась вокруг одного и того же низкого уровня, при том, что

население в стране росло. Животноводство, потерявшее свыше ста миллионов голов скота (лошадей, коров, быков, овец и свиней), так никогда и не оправилось от этого удара. Если в 1928 году на каждого жителя в стране приходилось по 1.7 голов скота, то сегодня — только 1.3. Не приходится сомневаться, что сегодняшний кризис сельского хозяйства в СССР уходит корнями в те далекие годы, в ту «победу», оказавшуюся поражением.

Земля и сельские жители, как смогли, отомстили победителям. Земля перестала давать урожай, а крестьянин перестал с любовью относиться к земледельческому труду. Это была страшная и справедливая месть.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бент Енсен

РОЙ МЕДВЕДЕВ КАК ИСТОРИК

Предисловие

Рой Медведев занимается историей вот уже свыше 25 лет, поскольку именно разоблачения Хрущевым сталинских преступлений в его «секретном докладе» на XX съезде КПСС в 1956 г. дали толчок большой его работе «К суду истории. Генезис и последствия сталинизма», работе, за которой последовал поток других его исторических и политических статей и книг.

В данной статье Рой Медведев рассматривается как *историк* на основании анализа прежде всего его книги «К суду истории», с привлечением некоторых из его позднейших исторических трудов. Вопросы, на которые я пытаюсь ответить, таковы: Какими источниками пользуется советский историк? Какой метод и какой подход к материалу он избирает? Каковы его теоретические или идеологические исходные позиции? Как он объясняет сталинизм, его происхождение и последствия? Как должны оцениваться результаты его работы в сравнении с официальной советской историографией и, с другой стороны, с западной советологией?

1956 год стал вехой в советской истории и в советской историографии: естественно, что для такого общества, как советское, не собственно профессиональное научно-историческое творчество, а *политические* сигналы открыли новую фазу в советской историографии. На XX съезде КПСС некоторые руководители партии говорили о необходимости нового подхода к истории. Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев поставил этот вопрос в связи с идеологической работой партии (а не в разделе своего доклада «Культура и наука»!):

«На протяжении последних семнадцати лет в основу нашей пропаганды был положен главным образом Краткий курс истории партии. Славная история нашей партии и впредь должна быть одним из важнейших источников воспитания кадров. Поэтому необходимо создать популярный, опирающийся на исторические факты, марксистский учебник по истории партии, в котором был бы научно обобщен всемирно-исторический опыт борьбы партии за коммунизм и в котором изложение было бы доведено до наших дней».

А. И. Микоян тоже говорил о неудовлетворительном состоянии пропагандистской работы в связи с монопольным положением «Краткого курса»:

«Если бы наши историки по-настоящему, глубоко стали изучать факты и события истории нашей партии за советский период, да и те, которые освещены в «Кратком курсе», если бы они порылись хорошенько в архивах, исторических документах, а не только в комплектах газет, то они смогли бы теперь лучше, с позиций ленинизма, осветить многие факты и события, изложенные в «Кратком курсе».

Один из ведущих советских историков, член ЦК КПСС, главный редактор «Вопросов истории» и секретарь секции исторических наук АН СССР Анна Панкратова была не последней среди тех, кто уловил новые политические сигналы и быстро на них отреагировал. Панкратова, которая раньше восхищалась сталинской историографией, заявила теперь на XX съезде, что «товарищи Микоян, Суслов и Шепилов справедливо отмечали серьезное отставание изучения советского общества, а ведь это самый важный и

боевой участок в нашей научно-исследовательской работе по истории СССР». Поэтому:

«совершенно неотложной является задача поднять на подлинно научную высоту изучение истории нашей великой Коммунистической партии. В этой области особенно сильно сказываются тормозящее прогрессивную науку воздействие культа личности. И теперь нас не может не тревожить, что серьезной научной работы по истории партии почти не ведется, что журнал по историко-партийным вопросам, существовавший до войны, не выходит, что научного центра по изучению истории партии не существует. Не ведет разработки проблем истории партии также Институт истории Академии Наук СССР»¹

Критика Сталина непосредственно проявилась на закрытом заседании XX съезда. На протяжении нескольких часов в длинном докладе Хрущев рассмотрел ряд преступлений сталинского периода. Первый секретарь представил их как своего рода болезни или неудачи, которые должны быть вылечены для обеспечения здоровья компартии. Ядром доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях»² была критика *личности* Сталина, который один должен был нести ответственность за террор в 30-е годы, массовые депортации в 40-е, фабрикации «ленинградского дела» и так называемого «дела врачей» в 1952-53 гг.

Согласно Хрущеву, Сталин где-то до 1934 года был настоящим коммунистом, внесшим свой непреходящий вклад в борьбу с белогвардейцами, троцкистами и другими оппозиционерами, а также с «кулаками» во время коллективизации и индустриализации. Впоследствии Сталин стал кровавым самодержцем.³

Хрущев характеризует сам свою интерпретацию сталинского времени как «верный анализ» и как «критическое исследование с точки зрения марксизма-ленинизма». В действительности же эта интерпретация лишена марксистской или какой-либо иной формы исторического анализа причин того феномена, который называется сталинизмом. Хрущев стоял перед щекотливой задачей объяснить, каким

* Примечания в конце статьи.

образом наиболее прогрессивная политико-экономически-социальная система на протяжении небольшого отрезка времени привела к бесчисленным массовым убийствам. Он довольствовался поэтому тавтологией такого рода: сталинские преступления были результатом сталинского злоупотребления властью; преступления эти были следствием того, что Сталин поставил себя над партией; злодеяния были последствиями культа личности. На самом деле, Хрущев сам следовал некоей форме «культа личности» наоборот, поскольку он сваливал вину на личность Сталина: недостатки характера Сталина были-де истинными причинами злополучного развития страны.

Реакция советских историков на партийную критику фальсификации истории и одновременно призыв к переписыванию советской истории не является темой данной статьи.⁴ Достаточно упомянуть только, что пресловутый «Краткий курс» («История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Москва, 1938) был заменен в 1959 г. тем, что называется хрущевской версией истории партии («История Коммунистической партии Советского Союза»), написанной коллективом под руководством политика и историка Б. Н. Пономарева. После возобновленной критики Сталина на XXII съезде в 1961 г. вышло второе издание хрущевской версии. И после отставки Хрущева, в 1969 г. вышла новая версия той же партийной истории, под тем же самым названием и с тем же самым Пономаревым во главе коллектива авторов. Кандидат в члены Политбюро ЦК Пономарев как бы является надежным гарантом того, что меняющаяся партийная история (в 1971 и в 1976 вышли новые издания — брежневская версия) всегда совпадает с руководящей партийной линией.

В меняющейся партийной истории бросается в глаза, между прочим, тот факт, что критика Сталина и «культа личности» становится все более сдержанной после кульминации в издании 1962 года. А в последнем издании эта критика совсем стушеввалась.⁵

Даже когда критика Сталина была в своем зените, она и тогда не заходила слишком далеко. Есть большая степень преемственности между «Кратким курсом» и послесталинскими историями партии в описаниях советского строя и

истории КПСС. Главное различие состоит в оценке роли Сталина. Если в «Кратком курсе» он был главным героем, то в последующих изданиях он стал заурядным персонажем, время от времени появляющимся на сцене. Хотя «Краткий курс» во многих отношениях был выражением сталинских параноидальных фантазий, все же, как отметил американский историк Роберт С. Таккер,⁶ в нем есть определенная неподдельная достоверность. Он отражает важную часть политической действительности сталинской эпохи: официальный фольклор сталинского абсолютизма. В этом отношении послесталинские истории партии более фальшивы, чем «Краткий курс».

Критика Хрущева и реакция Медведева

Медведев сам объяснял, что его книга «К суду истории» «была задумана после XX съезда и написана после XXII съезда КПСС».⁷ Когда он начинал этот большой труд, он рассчитывал, что его можно будет опубликовать в СССР. Так что эта книга писалась для советского читателя. Однако окончание работы над ней совпало с усилением цензуры в конце 60-х годов. В начале 1969 г. идеологический орган партии «Коммунист» опубликовал статью,⁸ которая была воспринята как предупреждение советским историкам отказаться от дальнейшей работы над анализом периода сталинизма.

Медведев реагировал на эту статью протестом, направленным в редакцию «Коммуниста». В этом протесте он заявлял, что редакция игнорирует решения XX и XXII съездов партии, которые осудили культ личности. Затем он был исключен из партии и тогда решил опубликовать «К суду истории» на Западе, чтобы избежать появления в печати неавторизованной версии своей рукописи. В 1971 году эта книга вышла на английском языке.

В известном смысле, «К суду истории» можно рассматривать как значительно расширенную версию хрущевской критики Сталина в «секретном докладе». Дело в том, что медведевский анализ сталинизма не выходит за рамки, намеченные Хрущевым в 1956 г. Поэтому интересно отметить, что Медведев не подчеркивает в своей книге, что «секретный

доклад» имел решающую роль для него. Иногда он пользуется цитатами из этого доклада, но без упоминания о том, что этот доклад никогда не был опубликован в СССР и, таким образом, не был доступен советскому читателю. Он ссылается на него как на «доклад (Хрущева) на XX съезде КПСС»,⁹ что заставляет читателя думать будто речь идет об официальном (и опубликованном) докладе съезду.

Проблема источников

Медведев подчеркивает, что при серьезном изучении сталинской эпохи возникает проблема источников: большая часть материалов, имеющих в партийных и государственных архивах, — недоступна; некоторые материалы фальсифицированы, некоторые уничтожены. Те материалы, которые послужили основанием к расследованию отдельных преступлений сталинского времени, к расследованию, начатому послесталинским руководством (и которые, судя по всему, легли в основу «секретного доклада»), — также никогда не были опубликованы, несмотря на обещание сделать это.

Поэтому Медведев вынужден был использовать для своей книги опубликованные документы и различные, ранее опубликованные, работы на эту тему — как советские, так и не-советские. К тому же, в его распоряжении оказалась масса материалов в форме воспоминаний, свидетельств очевидцев и т. д. Что касается не-советской литературы об этом периоде, то Медведев считает, что она не представляет особой ценности, так как она — антисоциалистическая. Медведев, впрочем, полагает, что его материалов достаточно, «чтобы в основном правильно разрешить проблему происхождения культа Сталина и сталинизма и показать те исторические условия и политические ошибки, которые содействовали появлению и развитию всех этих уродливых отклонений от марксистско-ленинской революционной линии... чтобы правильно оценить действительную роль Сталина в истории нашей страны и партии».¹⁰

Общее отношение Медведева к западной исторической литературе как к «буржуазной» и «антисоциалистической» свидетельствует о его незнании этой литературы. (Это видно,

между прочим, и из того, что он Исаака Дейчера характеризует как «буржуазного» историка). Медведев также не знаком с важными документами, опубликованными на Западе, но принадлежащими советским руководителям 30-х годов, такими, например, как «Письмо старого большевика» (построенное на информации, данной Бухариным меньшевику Б. Николаевскому) и записями Каменева его бесед с Бухариным в июле 1928 г.

Медведев и сам отмечает, что он не историк по образованию. Однако его способность критически относиться к источникам налицо, и книга его порой содержит пронизательный анализ материала и критику ошибок или сомнительных мест в других произведениях.

Идеологическая исходная позиция

Медведев называет себя марксистом-ленинцем, а свои произведения — марксистским анализом. То же говорил, как известно, и Хрущев о себе и своем докладе. Взгляды Медведева, действительно, близки к тем, что высказал Хрущев в 1956 г. Это касается и главного вопроса о причинах сталинизма: как и Первый секретарь, Медведев четко возлагает ответственность «за отклонения от верной линии» на Сталина как личность. И как этого хотел Хрущев, Медведев хочет спасти «идею социализма» и представить марксизм-ленинизм как «научное учение об обществе». Он хочет это сделать, разоблачая преступления Сталина с «правильных» партийных позиций. Здесь ключ к книге «К суду истории»: *личность* Сталина, которую надо объяснять, чтобы понять сталинизм. Весьма характерно, что Медведев, как и Хрущев, употребляет выражение «болезнь», когда говорит о сталинизме. Свою книгу он называет «историей болезни», а имя этой болезни — «культ личности».¹¹

Оппозиция «больному» (сталинизму) — здоровое: *ленинизм*. И герой, противостоящий злодею Сталину, — идеальный Ленин, который всегда поступал «правильно». Согласно Медведеву, Ленин никогда не применял террор без крайней необходимости и никогда не употреблял по отношению к своим товарищам по партии тех жестоких мер, которые он применял к противникам вне партии. Ленин был

противником репрессий, он по-товарищески указывал на ошибки своих оппонентов и пытался избегать раскола.¹² Критерием того, что правильно и что неправильно, всегда являются высказывания самого Ленина об этом. Ленинизм, таким образом, равнозначен (меняющимся) взглядам Ленина. В определенном смысле Ленин — единственный настоящий (верный) ленинец.

В первой главе своей книги Медведев ставит вопрос о ленинизме как предпосылке сталинизма. Но делает он это только для того, чтобы сразу же энергично заявить, что между этими двумя феноменами нет никакой связи. Ленин и ленинизм — вне обсуждений в его книге. Его иконоподобный портрет основателя большевизма имеет, конечно, мало общего с реальным Лениным, если судить о нем по его собственным поступкам: нетерпимость и догматизм в стремлении настоять на том, что именно его точка зрения соответствует «объективному» развитию истории; беспощадность в сведении счетов с теми, кто позволил себе иметь собственное мнение. Ирония, не замечаемая Медведевым, в том, что он сам приводит факты, когда именно Сталин призывал к умеренности и примирению, тогда как Ленин был крайним политиком, угрожавшим не раз — будучи в меньшинстве — разрушить партию, если не будет сделано по его воле.¹³

Нет конца «неправильным» поступкам Сталина в сравнении с Лениным: в 1917 г. он печатал в «Правде» неверные статьи; был против «апрельских тезисов» Ленина; был против призыва Ленина начать восстание в октябре; колебался во время Брест-Литовских переговоров; был виновен в неудаче похода на Варшаву в 1920 г. К тому же у Сталина масса отрицательных черт: непонятливый, самонадеянный, хитрый, патологически склонный к обману, недоверчивый и нетерпимый к критике, властолюбивый, несдержанный, неблагодарный, с плохими манерами, грубый и догматичный. Он тайно интриговал против Ленина, был груб по отношению к жене Ленина Крупской, низок и лукав во время болезни Ленина. В частности, его грубое поведение с Крупской весной 1923 г. послужило причиной ухудшения состояния здоровья Ленина.

Захват и укрепление власти

В главах 2 и 11 Медведев пишет об отсталости России, о несостоявшейся мировой революции, о возникновении диктатуры партии большевиков, о развитии этой партии после захвата власти и о вопросе «социализм и государство». Речь идет об обширных проблемах, по которым существует серьезная научная не-советская литература, с которой Медведев, скорее всего, не знаком. И его главные категории «ленинизм» и «социализм» используются им совершенно неопределенно, как пустые громкие слова.

Медведев подчеркивает, что первоначально большевики представляли себе октябрьский захват власти лишь как звено мировой революции, которая охватит весь мир, а их дело («построение социализма») будет удачным лишь в том случае, если они получат поддержку в виде революционных переворотов в других, более развитых странах. Он отмечает и позднейшие разногласия между Лениным и Сталиным по этим вопросам, когда стало ясно, что мировая революция не состоялась. Но Медведев совершенно не замечает, что ложные послышки большевиков поставили их совершенно неожиданно для них самих перед ситуацией, ставшей основой внутривнутрипартийной борьбы 20-х годов: какой тактики и стратегии нужно придерживаться теперь, когда выяснилось, что все предпосылки того, что называлось «построение социализма», отпали? Медведев довольствуется тем, что констатирует: в 1921-1922 гг. Ленин занял позицию, прямо противоположную своим первоначальным взглядам, и именно это для Медведева проявление истинного ленинизма.

Медведева несколько не смущает то обстоятельство, что ничтожно малое и непопулярное меньшинство присвоило себе монополию на всю политическую жизнь в России. Что большевистская диктатура меньшинства должна передать власть более репрезентативным политическим группировкам или разделить власть с другими — эта мысль не могла прийти в голову Ленину, а поэтому невообразима и для Медведева. Результаты стремлений усилить партийную диктатуру хорошо известны. Принуждение и насилие над всеми, кто не принял большевистскую диктатуру; неслыханное ужесточение партийной дисциплины, приведшее к фетишизму

партии; религиозная верность партии, выразившаяся, например, в требовании Бухарина, чтобы Троцкий в 1926 году пришел к партии «с опущенной головой и сказал: прости нас, ибо мы согрешили против духа и буквы ленинизма, да, против самой сути ленинизма»; цинизм по отношению к политическим противникам, выразившийся в высказываниях того же Бухарина на Конгрессе «Друзей Советского Союза» в ноябре 1927 г.: «И у нас могут существовать другие партии (кроме компартии). Но принципиально, что отличает нас от Западной Европы, то, что у нас единственно мыслимая ситуация такая, что одна партия правит, а все другие сидят в тюрьме» («Труд», 13 ноября 1927 г.)¹⁴

Такое развитие привело к интеллектуальному и моральному разложению. Диктатура меньшинства выжила благодаря безусловному подчинению партийному руководству и правящей фракции. Ленинизм утверждает, что он внес серьезный вклад в развитие истории и понимание ее сути: отождествив понятия «рабочий класс» и «авангард рабочего класса», отождествив «авангард» с партийным руководством, а партийное руководство — с руководством партии, ленинизм свелся к тезису: Товарищ Сталин всегда прав.

Медведев, как было уже сказано, не имеет понятия об этих взаимосвязях. У него все сводится к вопросу о личности Сталина и к вопросу морального осуждения Сталина и сталинцев. С раздражением Медведев отклоняет все другие точки зрения и заявляет, что Ленин был защитником свободы слова и печати для всех, что он хотел не большевистской монополии, а многопартийной системы.¹⁵

Представление о Ленине как о стороннике плюралистической демократии, конечно, не имеет ничего общего с действительностью. Кстати, сам Медведев иногда косвенно признает это, говоря об условиях, которыми Ленин и большевики всегда обставляли свои обещания свободы слова и свободных выборов: что цензура-де была необходима в кризисных ситуациях и чтобы помешать распространению «контрреволюционных идей» (а когда вообще будет бескризисная ситуация и когда будет уничтожена последняя «контрреволюционная идея»?); что должны быть проведены «основополагающие революционные изменения», прежде чем проводить свободные выборы и т. д.

Один анонимный советский экономист, которого критикует Медведев, попал в точку: Ленин и большевики совсем не были демократами, наоборот, они были убежденными анти-демократами и создали поэтому вполне сознательно антидемократическую политическую систему. Нет поэтому ничего удивительного в том, что система, базирующаяся на диктатуре, насилии и наглости, развивалась так, как и должна была развиваться.

Этому Медведев может противопоставить беспомощную гипотетическую схему: «буржуазия» против «социалистической» революции. Он до такой степени ослеплен подобными умозрительными альтернативами типа «капитализм-социализм», что не замечает политической действительности. Он совсем не допускает того, что тут может речь идти о чем-то третьем, — новой и до сих пор невиданной тоталитарной политической и экономической системе, которая ничего общего не имеет с представлениями демократических социалистов и марксистов о социалистическом обществе.

Развитие после Ленина

Когда Ленин сходит со сцены, Медведев теряет свой постоянный критерий того, что такое настоящий ленинизм. Теперь его мерилom становится то, что Ленин, по представлению Медведева, должен *был бы* сделать. Как историк он становится поэтому свободнее: он получает больше возможностей для самостоятельной оценки личностей и событий. Конечно, он по-прежнему руководствуется указаниями Хрущева из «секретного доклада», но доклад этот, с одной стороны, схематичен, а с другой стороны, концентрируется не на многих важных вопросах.

О борьбе в партии в 20-е годы Медведев пишет в гл. 2, что она была явно фальсифицирована в советской историографии. И он совершенно отрицает, что противники Сталина были замаскированными предателями и «империалистическими агентами». Медведев решительно подчеркивает большую роль Троцкого в 1917 г. и позже. Его картина 20-х годов — более нюансированная, чем советские историографические стереотипы, но в ней нет ничего нового по сравнению с

западной историографией. То же самое и относительно *насильственной коллективизации*, ее предыстории и последствий (гл. 3). Здесь советские историки следуют сталинской версии: говорится о стихийном и добровольном процессе, который в точности совпал с «объективной необходимостью исторической закономерности». У Медведева же есть обширная дискуссия о возможных альтернативах, и он делает совершенно неслыханную для советского историка вещь, называя бухаринскую экономическую политику самой благоразумной и соответствующей тому, что делал бы Ленин, будь он жив.

Медведев дает потрясающую картину проведения принудительной коллективизации: произвольное применение названия «кулак» ко всем противникам коллективизации, состояние, подобное гражданской войне, как следствие отчаянного сопротивления крестьян против наступления режима на их существование, массовый террор и массовые депортации упрямых крестьян, сопровождаемые ужасным голодом — все это последовало за войной режима с крестьянством. Тем не менее, Медведев характеризует коллективизацию как «великий экономический и политический перелом, решающую победу социализма в нашей стране». Даже будучи таковой, какой она была, насильственная коллективизация была, согласно Медведеву, тем не менее «правильной» политикой, только проводилась она «неправильным» образом. Его решающий аргумент: «пролетарская диктатура» — т. е. сталинский режим — рисковала погибнуть, если бы не предприняла этих крутых мер. Цель освящает средства; для «пролетарской диктатуры», очевидно, все позволено.

Большой террор

В главах 4-10 Медведев тщательно рассматривает чистки, процессы и массовый террор в 30-е годы. И здесь у него нет ничего нового в сравнении с тем, что было давным-давно написано об этом периоде на Западе. Сравнительно же с советской историографией, полностью замалчивающей эти вопросы, здесь можно говорить о большом прогрессе. Сходная тема — это псевдонаучная борьба (обскурантизм

Лысенко как пример), которая характерна для тех лет. В главе 14-й «Тяжелые последствия культа личности для советской науки и культуры» Медведев описывает научные дебаты, переродившиеся в политическую борьбу не на жизнь, а на смерть в буквальном смысле этого слова; превозношение Сталина как «теоретика» и «философа», сожжение книг и истерию великодержавного шовинизма. Интересен комментарий Медведева на официально принятое в те годы разделение «пролетарской» и «буржуазной» науки: Медведев проводит параллель с нацистским разделением «арийской» и «не-арийской» науки в Германии. То же самое — но косвенно — в его характеристике империи ГУЛАГовских лагерей принудительного труда как настоящих лагерей уничтожения.

Однако и здесь заметна двойственность Медведева. Так, он обвиняет западных социалистов и других критиков СССР, что те использовали преступления Сталина в целях «антисоветской» пропаганды. Одновременно из его собственных описаний следует тот вывод, что эти люди фактически были правы — в противовес тем многим коммунистам и «попутчикам» вне СССР (сюда относится ряд таких интеллектуалов как Лион Фейхтвангер, Ромэн Роллан, Беатриса и Сидней Вебб), которые принимали террор.

Война и послевоенный период

Медведевская характеристика Сталина как дипломата и полководца (гл. 12) состоит из монотонных перечислений неправильных решений вождя. Снова заметна двойственность: после войны в странах Восточной Европы были «проведены решающие демократические и социалистические преобразования», и это благодаря Советскому Союзу. С другой стороны, Сталин «не только помогал, но в очень большой степени мешал развитию подлинно демократической и социалистической революции в этих странах». Сталин проводил в этих странах политику «социалистического цезаризма». А несколькими страницами ранее Медведев упрекает Сталина, что тот не сумел подготовить поход Красной Армии в Западную Европу (считая, видимо, что и там удалось бы провести «демократические и социалистические преобразования»).

Описание внутреннего развития в СССР в 1945-53 гг. (гл. 13) можно считать одним из лучших в книге. С одной стороны, рассматривается быстрая реконструкция и мощный рост в тяжелой промышленности. С другой стороны, — продолжение и усиление эксплуатации крестьянства с катастрофическими последствиями этого для сельского хозяйства. Здесь и ждановская политика в области культуры, антисемитизм, «ленинградское дело», «заговор врачей» и т. д.

Выводы Медведева

Ответственность за сталинские преступления Медведев недвусмысленно возлагает на самого Сталина. Сталин, по Медведеву, был полностью вменяем и ответственен за свои поступки. Конечно, у него были некоторые болезненные черты, но он не был психически болен в медицинском смысле этого слова. Зато он был человеком без моральных принципов и к тому же большим лицемер. Поэтому, по Медведеву, Сталин не был истинным марксистом или коммунистом. Воля к власти была его движущей силой.

В заключительной 15 главе и в кратком «Заключении» Медведев рассматривает тему «социализм и лжесоциализм». Эта часть книги наиболее разочаровывает, но зато дает представление о политическом мировоззрении автора. Здесь доминируют клише и пустые идеологические тирады, как, например, «коммунистическая партия и ее вожди должны воспитывать в массах самостоятельность,.. ненависть к несправедливости...» Он считает, что много было сделано в этой области в 30-40-е годы: «партия... продолжала проводить воспитание советского народа и советской молодежи в духе социализма и коммунизма», «возрастала... общая образованность и культура...» Он утверждает, другими словами, что сталинизм, несмотря ни на что, был «прогрессивен», поскольку центр тяжести Медведев переносит на «подлинную природу нашего общественного строя» (гл. 15).¹⁶

Это должно пониматься так, что, несмотря на негативное влияние Сталина, «культ личности» не уничтожил «основных особенностей нашей эпохи». Сталин был преступник, но «и народ, и партия работали для социализма». Сталинизм имел большое и вредное влияние на психологию и мораль народа,

но, тем не менее, не мог помешать «распространению среди советских людей подлинно социалистической морали и новой, социалистической общественной психологии». Хотя Сталин был тираном-самодержцем, но одновременно он был представителем советского пролетариата и проводил его политику. Пролетарская диктатура была сохранена. «Сталин получил свой мандат на власть от пролетарской ленинской партии... Он не мог полностью отказаться от выполнения полученного им мандата...»¹⁷

Этим Медведев делает шаг назад к партийно-идеологической метафизике, шаг назад к идеям «анализа», проделанного Хрущевым в «секретном докладе». Для Хрущева и руководства КПСС тоже было ведь характерно заявление, что, несмотря на субъективные сталинские преступления, развитие, тем не менее, «объективно» было прогрессивным; социализм был построен, а партия — в своем ядре — осталась ленинской. Государство представляло пролетариат. Мысль, что сталинское государство представляло сталинский аппарат, — лежит вне горизонта Медведева.

Большой труд Медведева о сталинизме, его причинах и последствиях, несмотря на вышеизложенную критику, тем не менее, во многих отношениях импонирует: импонирует тем, что автор взялся рассматривать щекотливые вопросы; тем, что в книге дается богатая и подробная информация о жертвах, преступлениях и палачах в сталинскую эпоху; и даже уже самим фактом, что советский гражданин открыто и бесстрашно взялся за эту запрещенную тему. За сюжеты, закрытые для официальной историографии и запрятанные, как скелеты, в шкафу. Книга и ее появление должны оцениваться на фоне бесплодной окружающей среды, в которой Медведев находился во время работы над ней. (Я не беру сейчас во внимание ту неофициальную дискуссию, которая происходит в Самиздате).

По этим причинам эту книгу нельзя недооценивать. Одновременно, работа Медведева — это и источник для понимания всей среды и общества, в котором работает этот историк, общества духовной шизофрении и утраченной исторической памяти. «К суду истории» отражает в значительной степени эту окружающую среду и характеризуется существенным противоречием между, с одной стороны,

критическим и честным отношением Медведева к своему материалу, и, с другой стороны, ограничивающим его ленинизмом, в котором он воспитан и от которого он не может освободиться.

Есть что-то глубоко ироничное в том, что декларируемый Медведевым марксистский анализ одного из важнейших феноменов 20-го века в основных пунктах как раз лишен марксистского анализа. Единственно марксистское в его книге — множество марксистских и марксистско-ленинских гипотез и представлений, лежащих в основе произведения.

Эволюция Медведева после книги «К суду истории»

«К суду истории» — безусловно главное историческое произведение Медведева, но с тех пор он опубликовал ряд исторических работ, которые посвящены тем же проблемам новейшей советской истории. Произошло заметное развитие этого автора, его язык стал менее отягощен марксистско-ленинскими клише, его знакомство с западными исследованиями советской истории стало намного более обширным, и само отношение Медведева к Ленину стало несколько более критическим. Кстати, все его позднейшие произведения написаны с учетом западного читателя, а некоторые — в соавторстве с братом Жоресом Медведевым, живущим в вынужденном изгнании в Лондоне.

Хотя Медведев, как было сказано, эволюционировал в сторону большей независимости от партийных догм, он по-прежнему остался марксистом-ленинцем. Поэтому он не делает различия между идеологией и наукой и считает, что марксистско-ленинская эсхатология истории (которая больше смахивает на историософию августианского толка, чем на что-либо другое) есть научно обоснованная теория, обладающая силой предвидения.

Поэтому характерно, что Медведев в пространной полемике с Солженицыным в 1974 г. использует как аргумент в пользу научной правильности марксизма (несмотря на признанное им невыполнение предсказаний) огромное влияние марксизма как *идеологии* в 20 веке. Однако Медведев решительно исключает из этого влияния одну сферу: «марксистская идеология не несет никакой ответ-

ственности за кровь 25-26 миллионов людей, которые погибли в Советском Союзе во время сталинской репрессивной политики».¹⁸

В 1976 г. Медведев вместе со своим братом опубликовали книгу «Н. С. Хрущев. Годы у власти» — возможно, наиболее удачную из работ советских историков. Книга эта — исключительна в своем роде, т. к. нет других советских биографий Хрущева, поскольку бывший первый секретарь и премьер-министр с 1964 года уже как бы и не существует (и не существовал никогда) в Советском Союзе. Книга написана деловым тоном и без особого морализаторства, характерного для книги о Сталине. В ней предстает земной и прагматичный Хрущев, не герой и не злодей, а обычный смертный политик со своими хорошими сторонами и ошибками. Вместо периодических идеологических холостных оборотов, как в книге «К суду истории», и вместо рассуждений об отношении Хрущева к ленинизму, Медведев здесь описывает саму действующую политическую систему вместе с изменениями в ней в тот период.

В своей основополагающей позитивной оценке Хрущева как политика Медведев, между прочим, пишет: «Хрущев делал много ошибок, когда он старался обосновывать свои решения чисто *идеологическими* соображениями. Но он... оставил положительный след в истории Советского Союза и всего мира, когда он принимал свои решения на основе простого *здорового смысла*...»¹⁹

В 1979 г. вышло сразу две книги Медведева. Одна, «Октябрьская революция» — слабая и разочаровывающая. Медведев в ней снова возится с вопросом, в какой мере Октябрьская революция была неизбежна, и была ли она своевременна. Он отвечает положительно на оба вопроса, и в более общем виде считает, что Октябрьская революция была реализацией «глубокой, внутренней исторической необходимости».²⁰

Этот вопрос о «неизбежности» и «своевременности» революции может иметь значение, если 1) рассматривать историческое развитие как процесс, который через определенные фазы шествует к определенной цели; 2) если считать, что владеешь измерительным прибором, который совершенно точно показывает, где данная общественная

система находится в историческом марше к тысячелетнему царству.

Таким представлением, как известно, марксисты-ленинцы обладают. Но вместо того, чтобы обсуждать, были ли налицо требуемые схемами материальные и социально-экономические *предпосылки* для социалистической революции, Медведев задает вопрос об *ответственности* за гражданскую войну, последовавшую за большевистским переворотом.

Его главная позиция видна из его следующего риторического вопроса: разве не должны были большевики (поставившие перед собой благородную цель построить справедливое социалистическое общество) делать революцию ради выхода России из войны? И он отвечает: они были правы, идя на риск, и если бы они проводили более правильную политику в различных вопросах, то не последовало бы ни гражданской войны, ни экономической катастрофы как следствия революции.

Это всего лишь пустая тавтология. Если бы большевики вели себя по-другому, были бы, мол, и результаты другие! Но в этом случае и большевики не были бы большевиками, и Ленин, в частности, не был бы Лениным. Между прочим, Медведев отождествляет понятие «преждевременная революция» с понятием «неудавшаяся революция», тем самым, приравнивая ее к плохо организованной революции.²¹

Другая книга Медведева, изданная в 1979 г., «О Сталине и сталинизме» (Oxford University Press) — более интересна. Ее надо рассматривать в тесной связи с «К суду истории». Здесь те же вопросы, что и в книге «К суду истории», и Медведев считает ее дополнением к главному труду. Однако «О Сталине и сталинизме» все-таки отличается от книги «К суду истории»: она меньше по объему, интереснее, материал более компактно подан. Книга более свободна от утомляющих читателя повторов и от отклонений от главной темы. Кроме того, Медведев приводит новые, ранее не известные материалы, в частности, из мемуаров 30-х и 40-х годов. Знание Медведевым не-советской литературы стало более основательным. Это стало ясно уже из книги «Октябрьская революция». Там он в предисловии заметил, что в работе «К суду истории» он выражал скепсис по отношению к

способностям западных исследователей освещать проблемы советской истории. «Я вижу теперь, что я ошибался. На Западе много историков, которые искренне ищут истину и которые внесли значительный вклад в это ценное стремление». Но одновременно Медведев полагает, что только советские историки были бы в состоянии описать и объяснить советскую историю. «Я продолжаю верить в силу марксизма и в способности советской историографии». Пока что только представления американского историка Стефана Коэна в части проблем ленинизма-сталинизма заслужили одобрение Медведева.²²

«О Сталине и сталинизме» содержит также более критический взгляд на Ленина. Если в книге «К суду истории» фактически были лишь частные, осторожные комментарии в этом плане, то теперь появился целый ряд критических замечаний. И Медведев отмечает «элементы преемственности в определенных аспектах ленинизма и сталинизма»: «Значительное число поступков и заявлений Ленина было ошибочным». Красный террор и гражданская война были «интимно связаны с серьезными ошибками, совершенными советским правительством». Поведение большевиков «спровоцировало оппозицию и сопротивление среди подавляющей части мелкобуржуазных масс России» (т. е. крестьянства). Ленин был ответственным за создание однопартийной системы и за ограничение свободы слова. И Медведев кончает словами, что он мог бы продолжить список сталинских мер, которые в определенной степени были развитием антидемократических тенденций времен Ленина. Тем не менее, Медведев придерживается, в главном, уже известных нам из книги «К суду истории» позиций. Т. е.: «в большинстве аспектов нет преемственности между ленинизмом и сталинизмом; это существенно различные политические феномены, имеющие ту же самую «марксистскую» терминологическую общность». Медведев утверждает, что Ленин допускал мысль о возможности плюралистической многопартийной системы, но не приводит никаких доказательств в пользу этого фантастического утверждения. Медведев считает, что, хотя Ленин и обладал гигантской властью, все же это была «власть пролетариев, власть

коммунистической партии, власть рабочих и никогда — личная власть».

Как истинный ленинец, Медведев отжествляет власть «рабочего класса» с властью компартии. Для него, как и для Ленина (и Сталина), это одно и то же. Ирония, однако, в том, что сам Медведев ставит под вопрос этот постулат двумя страницами выше, когда он замечает, что Ленин многократно предупреждал против поспешного увеличения числа рабочих в компартии. Ленин именно опасался риска «затопления партии в мелкобуржуазном элементе».²³ «Власть рабочего класса», управляемого партией, над народом, почти целиком состоящим из крестьян; партия эта, кроме того, считает рабочих опасными мелкими буржуа!

Главная ценность работ Медведева как советского историка содержится в конкретном, детальном описании важных тем, замалчиваемых официальной историографией. И в использовании и обнародовании источников, имевшихся в его распоряжении. В этом смысле его материалы достаточны для «правильного» понимания сталинизма. Если феномен сталинизма может быть понят вообще, то только с помощью такого конкретного эмпирического описания условий политической деятельности, научной и творческой работы, вместе с описаниями будней обычных людей.

Зато марксизм (или марксизм-ленинизм) Медведева не способствует просветлению этого феномена. Наоборот. Он остается только заклятием, благим пожеланием и метафизикой. И это приводит к ряду внутренних противоречий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «20-й съезд КПСС. Стенографический отчет.» Т. 1, М., 1956, стр. 114, 325 и 620-621.

2. Там же, Т. 2, стр. 402 и 498.

3. Оригинальный русский текст никогда не был опубликован, но Госдепартамент США издал в июне 1956 г. английский перевод так называемого «секретного доклада». Борис Николаевский в журнале «The New Leader» в 1956 г. опубликовал этот доклад со своим введением и комментариями под заголовком «Преступления сталинской эры». Русский вариант «Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании 20-го съезда», как будто бы изданный в Москве в 1959 г., на

самом деле издан на Западе. Это обратный перевод с английского издания Госдепартамента.

4. См. об этом Nancy Whittier Heer, *Politics and History in the Soviet Union*, MIT, 1973.

5. Тоже самое развитие прослеживается в 16 томе «Советской исторической энциклопедии», выходявшей с 1961 по 1976 гг. Первые десять томов ее отмечены духом 1956 года, но начиная с 11 тома заметен поворот назад. Том 13 (1971 г.), содержащий биографию Сталина, подготавливался к печати 2 года.

6. *Slavic Review*, п. 20 (1961), pp. 294-295.

7. «К суду истории» (Нью-Йорк, 1974), стр. 13.

8. В. Голиков и др. «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС» — в журн. «Коммунист» N 3, 1969, стр. 67-82.

9. «К суду истории», стр. 498.

10. Там же, стр. 22 и 25.

11. Там же, Введение.

12. Там же, стр. 69 и далее.

13. Там же, гл. 1.

14. См. Robert Conquest, *The great Terror* (Pelican Books, 1971), p. 179 seq. and R. Abramowitsch, *De politiske Fanger i Sovjetrusland* (Kbhvn 1933), S. 10.

15. «К суду истории», гл. 11.

16. Там же, стр. 1079 и 1114.

17. Там же, стр. 1116 и далее.

18. *New Left Review*, п. 87-88 (1974), p. 70.

19. «Н. С. Хрущев. Годы у власти». Анн Арбор, 1975. стр. 190. (Подчеркнуто мной. Б. Е.)

20. *The October Revolution* (New York,) 1979), p. 7.

21. *Ibid.*, pp. 58, 185 & 129 seq.

22. *On Stalin and Stalinism*, p. 196. — Коэн написал, среди других, книгу о Бухарине.

23. *On Stalin and Stalinism*, pp. 184-189, 192 & 197.

(Перевод с датского Бориса Вайля)

Бент Енсен (1938 г. рожд.) — профессор истории в университете г. Оденсе (Дания). Автор двух книг о датско-советских отношениях 1917-1924 гг. и многих статей в датских, шведских и финских журналах и сборниках о советской внешней и внутренней политике. Постоянный обозреватель газеты «Юлландс-Постен» на международные темы.

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ*

Рецензируемая книга М. С. Бернштама «Народное сопротивление коммунизму в России»** включает сведения о сопротивлении власти большевиков в 1918 году. В сущности все факты, быть может за исключением одного-двух, уже известны из прежних публикаций. Тем не менее, их собрание в одном томе — весьма полезное начинание, особенно если принять во внимание, что большинство из этих публикаций исключительно трудно достать. Более того, такое сведение воедино фактов позволяет зрительно представить картину движения, в ходе которого рабочие России, потеряв доверие к советам, в которых доминировали большевики, пытались создать в Петрограде, Москве и некоторых провинциальных центрах представительные органы, способные защищать интересы своих избирателей. Интересно отметить, что это массовое сопротивление большевистскому режиму возникло почти немедленно после переворота 25 октября (7 ноября) 1917 года. Государственный переворот, осуществленный Лениным, был поддержан лишь небольшой частью рабочих. Большинство рабочего класса осталось пассивным или, в лучшем случае, смирилось с переворотом и изменило свое отношение на враждебное, как только истинный характер коммунистической диктатуры стал очевидным.

Такое развитие событий обнаруживает характерную черту рабочего движения в России, а именно — неустойчивость его политических симпатий, что часто игнорируется историками. Так например, профессор Л. Хеймсон подчерки-

* © Canadian Slavonic Papers, vol. XXIV, N 3, 1982.

** «Народное сопротивление коммунизму в России. Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы». Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. ИМКА-пресс, Париж, 1981. 329 стр.

вае преобладание большевиков на заводах и фабриках накануне Первой мировой войны (См. L. Haimson «The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905-1917». «Slavic Review», 1964 and 1965. См. также D. Gever «Kautskys Russisches Dossier». Frankfurt a. M.-New York, 1981, pp. 238-239) и не обращает внимания на тот факт, что после февральской революции 1917 года в советах доминировали не большевики, а меньшевики и эсеры, что эти партии к осени 1917 года вынуждены были уступить место партии Ленина, которая, в свою очередь, через 2-3 месяца потеряла свои позиции в советах. Так же точно не касается такого рода вопросов и М. Бернштам. Вместо этого он предпочитает сводить счеты с меньшевиками и эсерами, которых, в полном согласии с традицией российского белого движения, он рассматривает как «полубольшевиков», ответственных за успех ленинской партии в октябре (ноябре) 1917 года. Его попутные замечания об этом не дают достаточно пищи для дискуссии о различиях между большевизмом и демократическим социализмом. Поэтому я намерен отметить ошибки и искажения, которые допускает М. Бернштам в своем горячем стремлении дискредитировать российских социалистов.

М. Бернштам утверждает, что движение, о котором он пишет, было отделено от социалистических партий непроходимой пропастью (стр. 31, 56, 201). Такое утверждение не выдерживает критики. Из 98 документов, приведенных в книге (в большинстве своем это сообщения из газет, отрывки из статей и книг), — более 80 взято из левой социал-демократической газеты «Новая жизнь» и из некоторых других меньшевистских и эсеровских газет. Большинство рабочих активистов движения 1918 года было либо меньшевиками, либо эсерами по партийной принадлежности. Инициатива этого движения исходила от хорошо известных социалистических лидеров (стр. 51, 198). Принадлежали ли они к левому или правому крылу своих партий, это в данном случае не имеет значения. Не случайно обвиняемые на показательном процессе 1922 года против партии социалистов-революционеров были обвинены также и в организации движения 1918 года и в участии в нем. (См. Стенографической отчет о судебном процессе по делу Центрального комитета

Партии социалистов-революционеров. Утреннее заседание 16 июня).

Еще менее убедительным является главный аспект примечаний М. Бернштама, относящийся к биографиям социалистических лидеров. Здесь, я бы сказал, его фантазия не знает пределов. Ниже я ограничусь лишь наиболее выразительными примерами.

«Аксельрод, П. Б. — (...) В 1914-1917 — оборонец, российский патриот. После Февраля 1917 приехал в Петроград, (...) не стал дожидаться Октября, сразу эмигрировал назад в Европу. Непримируемый противник коммунизма и левой социал-демократии, поэтому до самой смерти травим партией, которую когда-то создал». (стр. 203). Верно, что он был противником коммунизма и что он не соглашался с левым крылом социал-демократии. Но все остальное в этой цитате — полный абсурд. Духовный отец идеологии меньшевизма, Аксельрод остался до самой своей смерти наиболее уважаемым лидером меньшевиков. В годы Первой мировой войны он не оборонец, а интернационалист и, страшно сказать, участник обеих конференций, в Циммервальде и в Кинтале (См. Horst Ledemacher, «Die Zimmerwalder Bewegung». The Hague-Paris, 1967, vol. 1, pp. 45 and 267). Он покинул Петроград, куда он приехал после революции 1917 года, с полномочиями организовать международный социалистический конгресс. Что же касается его травли меньшевиками, то я рекомендую М. Бернштаму заглянуть в «Социалистический вестник», N 7/8/9 от 3 мая 1928 года, который посвящен П. Б. Аксельроду. Я знаю, конечно, о расхождении между Аксельродом и группой Мартова-Дана. Но эти политические разногласия не имеют ничего общего с тем, что сочиняет М. Бернштам (См. Abrham Ascher - «Pavel Axelrod and the Development of the Menshevism» Cambridge / Massachusetts, 1972).

Чернов, В. М. — «подозревался в связях с Германией» (стр. 52). Надо обладать в некотором роде мужеством, чтобы повторить эту клевету. Лидер партии эсеров и председатель Учредительного собрания России не нуждается в защите от такой клеветы.

Дан, Ф. И., не был ни зятем, ни помощником Мартова (стр. 157). Он был женат на сестре, а не на дочери Мартова и был

одним из социал-демократических лидеров сам по себе. Несмотря на его политическую эволюцию 1930-40-ых годов (См. мое предисловие к немецкому переводу последней книги Дана «Возникновение большевизма», Ганновер, 1968), он остался противником сталинской диктатуры и не был ее сторонником, как хочет доказать М. Бернштам (стр. 157).

Гарви, П. А. — «В конце жизни отошел от партии и политики, умер во Франции» (стр. 37). До конца своей жизни Гарви оставался членом партии меньшевиков и незадолго перед смертью был кооптирован в состав руководства партии. Он умер не во Франции, а в США.

Кефали, М. С., конечно, не был единственным рабочим в меньшевистском руководстве, как полагает М. Бернштам (стр. 37). Слышал ли он когда-нибудь о Гвоздеве, Романове, Девяткине (если указать только некоторых)? Кефали умер в США, а не во Франции, и никогда не существовало «партии печатников», на которую шутливо ссылается Г. Аронсон в «Социалистическом вестнике» N 11/12 от ноября-декабря 1963 г. (стр. 170). М. Бернштам просто не понял шутки Г. Аронсона.

Мартов Ю. О. — М. Бернштам пишет инсинуацию, намекая, что Мартов, несмотря на свои связи, ни разу не заступился за своего брата В. Левицкого при его арестах чекистами (стр. 202). Он бы не смог лучше этого выявить свое незнание биографий братьев и сестер Цедербаумов. В 1926 году Левицкий издал свои воспоминания («Четверть века», Москва-Ленинград). Он посвятил их «вечно незабвенной памяти моего брата Ю. О. Цедербаума-Мартова».

Николаевский, Б. И. — «Ведущий деятель левого крыла (меньшевистской — Б. С.) партии» (стр. 37). До 1930-ых годов Николаевский всю свою энергию отдавал историческим исследованиям и только после этого он стал известен как лидер политического направления, которое принято считать в социал-демократии правым, а не левым. Многие свидетели его деятельности еще живы, и М. Бернштам мог бы у них проконсультироваться.

Церетели, И. Г. — учился в обычной школе (в гимназии) и в Московском университете, а не в семинарии (стр. 36). В годы войны он был интернационалистом, а не пораженцем (там же), а после Февраля 1917 года так называемым «революцио-

нером-оборонцем» (См. W. H. Roobol «Tsereteli -A Democrat in the Russian Revolution», The Hague, 1976).

В целом примечания, которыми М. Бернштам снабдил собранный им материал, только испортили впечатление от самого публикуемого материала.

А.Э. Краснов-Левитин

"У ВОРОТ"

Издательство "ПОИСКИ", Париж, 1982 г.

Сборник статей по социальным, философским и религиозным вопросам известного религиозного писателя и демократа.

Четыре кризиса, сотрясающие мир: хозяйственный, социальный, политический, идеологический.

Кризис религии и атеизма. Христианство и его будущее. Poleмика с известным богословом Кюнгом. Семинары религиозной молодежи в России.

Обмен писем с премьер-министром Франции.

Книги можно выписать в фирме Нейманис:

München-40

Bauerstrasse 28

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 *Михайло Михайлов.* Права человека и плюрализм.

К ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГРУППЫ «ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ СССР И США»

- 8 О группе доверия (*Сообщение из Москвы*).
13 За очеловечение отношений между СССР и США
(*Интервью с С. Батовриным*).
22 Обращения независимой группы за установление
доверия.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 35 *М. Хейфец.* Зорян Попадюк — диссидент без страха и
упрека.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

- 56 *Иржи Ледерер.* Две нормализации.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 67 Интервью с председателем ЗК социал-демократичес-
кой партии Латвии Бруно Калниньшем.
75 200-летие русско-грузинского трактата. Отвергаем цар-
ский юбилей (*из грузинского самиздатского журнала*
«Сакартвело»).
90 О нарушениях конституционных прав грузинского
народа (*Письмо 365 грузинских интеллигентов*).
93 *И. Клейнер.* Жаботинский и Украина.

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

- 107 *Б. Гаврилишин.* Советский Союз.
126 *З. Арнольд.* Обследования домовладений граждан.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 129 *Олдос Хаксли*. Свобода и мир.
139 *Г. Шкляревский*. Теория Пьяже о происхождении и функции человеческого интеллекта.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

- 156 *Н. Аргуни*. Русские социал-демократы и будущее России (*Самиздат*).

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 177 *Е. Габович*. Война после войны.

ИЗ ПРОШЛОГО

- 188 *Б. Вайль*. Субботники: добровольно, но обязательно.
192 *Мустафа Чокаев*. Голод в Киргизии.
198 *Максудов*. Демографические потери Украины в 1926-38 годах.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 213 *Бент Енсен*. Рой Медведев как историк.
234 *Б. Сапир*. Вместо рецензии.

